

**ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ
В НАГРУДНОМ КАРМАНЕ**

АРТЕМЬЕВ Д.А.

12+

Денис Александрович Артемьев

Партийный билет в нагрудном кармане

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42358844

SelfPub; 2019

Аннотация

Книга «Партийный билет в нагрудном кармане» рассказывает о борьбе молодых революционеров в капиталистическом обществе в переломный момент истории, когда мир мог пойти по другому социальному пути развития. Сердца партийцев не могли мириться с несправедливостью окружающей их реальности общества потребления, и они взялись за оружие. Организовав восстание «Красное Лето», пользуясь методами городской партизанской войны, они принесли себя в жертву мечте. Воевать с системой они стали не для того, чтобы победить сегодня, а учитывая реалии духовного ожирения современников, отправили недвусмысленное, гремящее выстрелами послание потомкам в послезавтра.

Глава 1

Двое молодых мужчин сидят в меленькой комнате. Стол, несколько стульев. Из мебели всё. Единственное окно закрыто плотными синими шторами. С потолка свисает одна уцелевшая, на сломанном деревянном основании дешёвой люстры, лампочка свеча. Света доставало для того чтобы видеть собеседника, но не хватало для создания иллюзии искусственного дня. Глаза быстро уставали. Освещению не доставало мощности, краски его желтушного оттенка собирались призрачным выпотом по углам.

– Неужели ты не видишь – мы обречены на провал. Обществу не нужны наши идеи. – Говорит обритый на лысо, широкий, как шкаф, человек. Светло-голубые, словно полинявшие под солнцем глаза, горят вызовом. Носогубные складки резко очерчены, рот воплощение решительной твёрдости, квадратный подбородок. Говорит он спокойно. Для него не подлежит сомнению, высказываемая им сейчас, точка зрения. Он много думал и пришёл к определённым выводам. Теперь он просто озвучивает их, ставит в известность старшего товарища.

– Ты прав Петер. Мы обречены. Нам не выиграть, и обществу потребления мы не нужны. – Согласился с утверждением Петера, худой, бородатый парень с длинными густыми чёрными волосами, закрывающими уши, образующие на го-

лове подобие шапки. Зелёные, близко посаженные глаза, лоб мыслителя, нос тонкий с острым кончиком, рот, прикрытый бледными губами, чувственный.

– Тогда, зачем всё это?

– До победы наших идей мы не доживём и всё равно, борьба не бессмысленная. Не бывает бессмысленной борьбы. Любые действия приводят к отклику. Мы призваны показать путь. А, по нему пойдут другие. Они-то и смогут преобразовать общество потребления в общество достижений. Другое общество, другие идеалы. Наш дом, в который нам не суждено жить.

– Очередная красивая утопия, по-моему, придуманная, извини меня, неудачниками.

– Да, за что, извини? Быть неудачником считается чуть ли не грехом у нас. Это, далеко не так. Ещё один механизм управления и сортировки на нужных и не нужных. По сути, неудачник это тот, кто не может или не хочет вписаться в систему. Именно неудачники и двигают вперёд человечество, будят его, не дают закипеть в собственном желудочном соку. Надо потерпеть неудачу, и не суметь приспособиться, чтобы начать поиск. Стройка любого здания начинается на пустом месте. Ты же не можешь построить дом твоей мечты на крыше дома твоего дедушки. Все мы неудачники и нечего этого стыдиться. Мы за бортом. И только такие парни, как мы добиваются настоящего успеха, а не те, кого с самого рождения укачивали в золотой колыбели. Мы плывем, и мы тонем, но

обязательно приплывём к новым землям.

– Нас никто не поддерживает. Всем всё равно, если не хуже. Как же, что-то можно построить, если всех нас в стране не больше трёхсот человек. Невозможно бороться даже не надеясь на победу.

– Настоящих революционеров не может быть много.

– Эрик, ты же сам знаешь, любая элита, плохо. Приходя к власти с самыми лучшими намереньями, через поколение, через два поколения, она вырождается в партийную номенклатуру. Мы это видим и в СССР и Китае, не говоря уже о Корее.

– Элита, не как получение социального преимущества, в виде денег, власти, имущества, а как ответственность. Ты добровольно берёшь на себя обязанности, а лучшей наградой за их исполнение будет осознание принесённой тобой обществу пользы. Оплата государственного деятеля не может быть выше средней заработной платы по стране. Но, это касается будущего, настоящие революционеры всегда существуют на средства, которые добывают сами.

– Но, как, как? Я не понимаю.

– Достаточно того, что мы есть. Вся грязь, поднятая против нас, пропагандой, со временем уляжется, а память останется. Наши приемники ещё ходят в детский сад, младшую школу, а может и не родились. – Эрик, на секунду задумался. – Да, скорее всего, не родились. То, что для их родителей сейчас ужасно, для них будет слаще мёда. Наша беском-

промиссность, и главное вера станет для них примером, на который они будут равняться. Быть не такими, как все, всегда привлекательно. А, у нас есть ИДЕЯ и драка. Как, ещё сказать по другому, что для революционера есть только один вариант – стать нужным и жить в огне классовой борьбы? – Он, сделал паузу, наморщил лоб. – Даже не столько классовой борьбы, а сколько в войне с системой. Главное начать. Противоречия в системе накапливаются, и следующие поколение уже не захочет бездумно плавать в жиру материального накопления. Иначе, зачем? Скажи, ну зачем, им все эти машины, одежда, дома, золото, деньги? Бездонный рот, желудок и жопа. Знаешь ли, надоедает быть такой скотской пародией на человека. Нашему поколению ещё не надоело, так надоест следующему. Чем отчаянней, безнадежней будет выглядеть наша борьба, тем ярче, в будущем, будет пылать огонь наших идей. Только вооружённое сопротивление может дать реакцию нужного качества и силы.

– Зачем вообще нужна городская партизанская война? Есть сильная коммунистическая партия Фаверленда (КПФ), а она-то может влиять на людей, пользуясь их доверием, сейчас. Не говоря уже о десятке других красных и розовых партий.

– Ну, и чего они добились? К власти их не пускают, ситуации они никак не меняют, постепенно скатываясь к соглашательству, к встраиванию в современную политическую систему западного мира. Мы с тобой, да и большинство из

наших были членами КПФ, ходили на митинги, участвовали в демонстрациях. Изменило ли это что-нибудь? Ничуть. Нам приходится действовать в условиях постоянно увеличивающегося благосостояния общества. Каждое следующие поколение живёт лучше предыдущего. Сытость расслабляет. Одних молитв красному божеству – Коммунизму, мало для победы. Ему нужны жертвоприношения. Разбудить обывателя может лишь его собственная кровь. Когда он в толчке его собственного тёплого, третьего по счёту, на втором этаже загородного особняка, сортира увидит красные пятна, вот тогда он по-настоящему испугается. Единственная вещь в мире способная изменить сложившуюся личность это шок, и чем он сильнее, тем кардинальнее изменения. Тоже самое касается и любого общества. Сегодня для них мы ужасные монстры, террористы, а завтра герои. Так всегда бывает, без этого нельзя. Костёр цивилизации горит на костях героев. Чтобы сделать съедобными потроха гуманизма отварили в бульоне насилия. Я люблю свою родину, люблю людей, обыватели там они или нет, в конце концов, именно для них всех, я живу, так, как живу. Умереть за счастье своего народа, вот истинная справедливость. Смерти бояться не надо. Когда ты понимаешь, что тебе не страшно, то становишься готов на всё. И, вести вооружённую борьбу меня вынуждают три основополагающие установки западного мира скрытые за обычным их лозунгом – свобода предпринимательства, вероисповедания, собраний и слова. Что может значить

эта самая их свобода и демократия, если её умело препарировать:

1. Деньги. Личное обогащение, как смысл жизни. Покупать значит жить. Статус определяется вещами, их стоимостью и собственно деньгами.

2. Любовь к себе и бездушие, как первое правило существования в обществе. Тебя не касается то, что составляет работу или заботу для других людей. Важен только ты сам. Помочь нет, заложить да. Чем меньше эмоций, тем лучше.

3. Потворство любым, пускай и самым диким порокам и извращениям, как составляющей системы управления побуждающими желаниями людей. Действуй на низменное, чтобы держать в подчинении. Мораль, семейные ценности, гендерные роли – отживший своё хлам наследства из прошлого человечества.

Так или иначе, об этом говорят на собраниях любых левых партий. Но, знаешь, что мне ещё не нравится в наших придворных коммунистах?

– Что? – Петер, всегда нравилось разговаривать с Эриком Эйхом, но сегодня их беседа просто его заворачивала и, как следствие, меняла, правда не так, как бы хотелось Эрику.

– То, как у них выдают партийные билеты. Они дают их каждому, кто изъявил желание вступить в партию.

– Как же иначе?

– Партбилет это особая привилегия, её надо заслужить. И, когда билеты раздают направо и налево, ценность этого са-

крального для меня акта нивелируется. Вот у тебя есть партийный билет КПФ?

– Конечно, есть.

– А, у меня нет. Партбилет это привилегия наивысшей социальной справедливости перед будущим твоего народа. Его нужно не просто заслужить, его нужно выстрадать. Если бы я верил в загробную жизнь, то сказал бы, что это пропуск в красный рай. Иначе говоря, партбилет это частичка души организации. Чтобы его получить ты должен измениться, а получив его начать менять мир. Партийный билет это символ борьбы, движения, того что ты ещё жив, твоё сердце бьётся. И вообще, его не выдают, им награждают! Поэтому мы их получим, только когда победим.

– Нас всех просто убьют и никакие билеты нам не помогут.

– Конечно, а впрочем, может, и не всех убьют. Например, ты, можешь выжить. – На губах Эрика появляется полуулыбка.

– Это ты брось. – Петер, почему-то, сам не зная почему, пугается. – Я такой же, как все. Просто тоскливо умирать, когда тебе не исполнилось ещё тридцати, трудно.

– Не важно, когда умирать, главное, чтобы ты выполнил миссию. Мы освещаем путь для человека будущего. Мы Лучи. А, как известно свет не исчезает бесследно. Ведь видим же мы звёзды, такими, какими они были миллиарды лет назад.

Глава 2

Демонстрация шла своим ходом. В этот раз на улицы столицы Фаверленда, КПФ вывела порядка десяти тысяч человек. Достаточно внушительное количество для города, в котором жителей, считая вместе с пригородами, насчитывалось два миллиона. Шествие было обусловлено принятием парламентом очередного нового закона регулирующего деятельность профсоюзов. По сути, документ, как его ещё называли «закон о стачках», делал существование профсоюзов бессмысленным. Он душил ограничениями и запретами, а главное давал право властям, по сути, ставить организаторов забастовок вне закона. Собрал рабочих профсоюз на стачку, и они не вышли на работу, извольте пожаловать в камеру. Об увеличении оплаты труда, в условиях нарастающей, из года в год, инфляции, можно было забыть.

Город Давинвиль, тянулся вдоль побережья. Аэропорт, старая часть столицы, узкая линия спальных районов, железнодорожный вокзал, затем шли пригороды, а потом, после пригородов центральная, самая густонаселённая, часть города. Такое необычное сэндвичное расположение города, обуславливалось историческими причинами первой волны заселения территории Фаверленда. Поэтому демонстрация проходила в центральной части. Люди шли под красными полотнищами, скандировали лозунги, трубили в трубы, били

в барабаны. В воздухе носилось электричество коллективно-го возбуждения. Солнце светило ярко, но грело уже не так, как летом. Хоть Давинвиль и южный город, омываемый тёплым, никогда не замерзающим морем, к октябрю температура воздуха снижалась со знойных сорока до бархатных двадцати-двадцати пяти градусов. Сочная зелень тропиков уверенно чувствовала себя на бульварах и проспектах большую часть года. Лишь три зимних месяца столица тускнела, облетала, становилась типичным современным холодным мегаполисом. Причём происходила такая метаморфоза, как-то сразу, без перехода из жаркого лета в красочную осень. Раз, и деревья становились обглоданными скелетами. Ну, а пока зелёные, пышно богатые, облагороженные, подстриженные человеком растения равномерно распределялись по паркам, аллеям и просто по обочинам дорог. Всё аккуратно, красиво, много. В таком городе приятно не только отдыхать, но и жить. Нарушал это обывательское спокойствие субботнего утра, гомон тысяч молодых людей идущих по проспекту Смирения, центральной улицы столицы.

Хоть демонстрация и была официально санкционирована, её колонны со всех сторон, окружала полиция. Любое теоретическое отклонение от намеченного маршрута каралось полицейской агрессией. Участник демонстрации, попав внутрь оцепления, даже захотев облегчиться, не мог покинуть его границ до прихода демонстрации в конечный пункт к зданию парламента на площадь Орлов. Все попытки пролезть

за цепь оцепления встречались дубинками. Извечных непримиримых врагов левых, злобных наци сегодня видно не было. Им и самим не нравился закон о стачках, но позволить себе выразить солидарность с красными они не могли.

Пока КПФ со своими союзниками, бушевала на площади гордых Орлов, окружённая со всех сторон, сверкающими на солнце чёрными касками солдат полицейских спецподразделений, в квартале от этого людского моря, на тихой улочке стоял микроавтобус с тонированными стёклами. В нём сидело три молодчика, не считая водителя. Они ждали окончания митинга перед парламентом, когда участники начнут расходиться. С большой долей вероятности они предполагали, что один из главных левых активистов, заместитель председателя КПФ Ивар Лай, как все его называли неистовый Лай, двинет от парламента прямо к себе домой, благо до него всего пять минут ходу, а может и краснопузых друзей своих прихватит. Получилось бы хорошо. Одним махом сразу нескольких. Наци давно задумали акцию устрашения для красных, и вот подвернулся случай, который упускать нельзя. Сколько можно терпеть выходки этих панков. Слишком много силы они себе взяли.

Зелёная коробочка рации, лежащая на коленях самого старшего среди боевиков наци представительного мужчины, зашумела. Он, нажал кнопку, поднеся рацию к губам, произнёс:

– Да. – Он нахмурился, его красные, до блеска выскоб-

ленные бритвой, щёки побледнели, а глаза налились кровью. Начиналось, и мужчина переходил из состояния ожидания в состояние лихорадочного возбуждения.

В ответ на его «да», в динамике что-то шёпотом прокрякало и он, спрятав рацию в карман, пригладил зачёсанные назад, светло-коричневые с проседью, волосы и уставившись немигающим взором на своих спутников, проговорил:

– Лай через три минуты будет здесь. С ним ещё трое. Кончаем всех.

Боевикам не нужно было повторять дважды, достав из спортивной сумки они натянули на головы шапочки с прорезями для глаз и рта, вооружились пистолетами.

– Они точно здесь пойдут? – Пробасил один из боевиков.

– Другого пути к дому Лая нет. – Командир наци, не стал прятать лицо под маской. Сам он убивать не шёл, в его задачу входила координация и контроль чёткого исполнения приказа главы организации. Уперев большие белые чистые ладони в колени, командир наклонился вперёд и чётко, громко произнёс их лозунг. – Ярость и честь! – Взяв боевиков за шеи руками, приблизил их лбы к своему и сквозь зубы, с застарелой ненавистью, выдавил. – Идите и пристрелите этих красных свиней! Убейте их всех!

Короткая психологическая накачка сделала своё дело. Напряжение ожидания сменилось жаждой действий. Водитель, всё это время наблюдающий за переулком, повернулся и сказал:

– Идут.

Из-за угла четырёхэтажного белого особняка, вышли четверо. Они что-то живо обсуждали, жестикулировали, смеялись. Демонстрация прошла без эксцессов, митинг провели в едином порыве общего братства, с верой в победу. У всех демонстрантов было хорошее настроение идвигающаяся к дома Лая четвёртка не являлась исключением. Два зомби с пистолетами, в дутых куртках цвета хаки, выскочили, будто из-под земли. Захлопали выстрелы. Боевики стреляли на бегу. Двоих убили сразу. Марте Зделс, попали в голову, покачнувшись, она упала на спину. Глаза широко распахнуты, всё лицо успело залить кровью, дыра над левой бровью. Штермана изрешетили, превратив в дырявое ведро. Свернувшись в калачик, он лёг у стенки дома. Оставшиеся в живых двое леваков рванули назад. За ними понеслись боевики, стрелять они не переставали, палили не жалея патронов. Две пули попали в спину секретарю высшего партийного собрания Альберту Урбану, но он продолжал нелепо вихляя задом, на заплетающихся ногах бежать. Третья пуля успокоила его навсегда. Оставался последний красный, собственно Лай, на которого и устраивалась засада. Он завернул за угол с сидящими на хвосте боевиками. Раздалось раскатистое эхо ещё двух выстрелов. А, через двадцать секунд наци вернулись в переулочок. Подбежав к машине, они вскочили в салон. Водитель, тут же дал газа.

– Ну? Кончено? – Командир, волновался.

Еле проглотив азарт волнения закончившейся погони, запыхавшиеся убийцы, проговорили:

– Лай, ушёл.

– Мы ему в плечо попали, а он, юркнул в подворотню.

– Почему же вы его не добились?

– У нас патроны кончились. Всё пусто.

Глава 3

Их было пятеро. Главный Эрик Эйх и ещё четверо – Петер Сваар, Лора Вайнхофф (возлюбленная Эрика), Вил Авен и Генрика Шваб. Первая их совместная акция. После убийства трёх левых активистов и покушения на Ивара Лая, красная пресса подняла невообразимый вой. КПФ организовывала одно шествие за другим. Шума получилось действительно много, но какого-либо отклика у властей он не имел. Следствие топталось на месте. Арестов не намечалось. Всем было понятно, чьих это рук может быть дело, а полицейские чины лишь руками разводили, доказательств нет и точка. Эрика и его друзей (молодое поколение коммунистов) такая ситуация бесила – их раздражала крикливая показушная позиция, которую заняло руководство КПФ, и вызывало гнев безразличие властей. Собрав не равнодушных дальнейшей судьбе левого движения людей, Эйх предложил им совершить, действительно сильный поступок – первую акцию прямого действия красных в Фаверленде.

Центральное отделение национального коммерческого банка в старой части города на улице Чаек призывно сверкало огнями. Недалёкое море шумело, набережная молчала. Круглое, в форме китайского фонаря здание жило помимо и без людей. Рабочий день кончился, солнце зашло, а банк светился изнутри праздником, все три этажа супер современ-

ного здания, казалось выстроенного из одного стекла и света, манили, призывали. Приди и возьми. Вот оно твоё благополучие, стоит протянуть руку и всё, что ты захочешь, будет твоим – машины, дома, мебель, электроника, секс. Счастье! Счастье материального мира. Деньги решают всё. Но, тише, это тайна, которой больны многие. Не произнося ее вслух, они посвящают себя всего службе могущественному рогатому богу – Золотому Тельцу. Тайна! Их, секретик, важнее всего на свете, нужнее. Что ж, а где же ещё может жить их бог, идолище поганое? Конечно здесь, в банке. Для тех, кто не умеет зарабатывать и не хочет ждать, милости просим, заходите, приходите, вешайте на шею ярмо пожизненной кабалы крепостного права современного мира капитала. Одна подпись и зашуршало, замелькали купюры. Шире, шире раскрывай карман! Зачем терпеть, ограничивать себя? Ты можешь получить то, что хочешь прямо сейчас. Ведь, как оно тебе нужно. До зарезу, аж челюсти сводит. Вот эту курточку, шубку, колечко, последнюю модель автомобиля, дырку или кукан. И, ты в порядке. Жизнь удалась. Подставляй потные ладошки под золотые брызги счастья! Ни о чём не думай, просто бери их и беги в магазин, на рынок, в салон, в кабак. И, трать, трать, трать. Покупай, покупай, покупай. Жри пока рожа не треснет, пей пока печень не отвалиться, блуди до тех пор, пока черенок не сотрется под корень. Вещи новенькие пахнувшие заводской особой свежестью новизны, тащи их к себе сегодня в берлогу, для того чтобы завтра же они

устарели и нужно было бы покупать новые. Ну, чем плоха такая жизнь? Зачем искать иной смысл существования, раз он давно найден. Да, и не забывай платить, расплачиваться за минуту, секунду угара, годами каторги. Опять деньги, но на этот раз, хоть они и идут к тебе в руки, они не твои – они банка, кредитора, системы. Кто-то обязательно обогатится, только не ты.

Группка испуганных, до состояния скотины гонимой на бойню, леваков прятались в парке. Прижались к забору, загородились ржавым сараем, прячась во мраке, тряслись и ждали. Никто не жаловался, но боялись все. Вил Авен, недоучившийся студент журналист (за неуспеваемость его выгнали с четвёртого курса), исходил кислым потом, особенно мокла мошонка. Длинные волосы обвисли сосульками, усы чёрными дугами спускавшиеся к подбородку серебрились капельками соли, короткий норвежский нос заложило, и он покраснел. Глаза, как всегда, скрывали квадратные чёрные очки. Даже в условиях хозяйничающей в городе ночи, он не изменил своей странной привычке. Никто из товарищей не видел цвета его глаз. Он скрывал их, как особое сокровище. Партийцы шутили, что у него вообще нет глаз, называли кротом. Хоть он и потел и трясся, отступить не собирался.

Генрика Шваб, худенькая, рыжая конопатая зеленоглазка, с маленькой грудью, с широко распахнутыми в постоянном, должно быть врождённом, удивлении глазами смотрящими открыто и, как она предпочитала думать, честно на жизнь.

Её пушистые, кудрявые волосы, открывая чистый лоб, отодвигались золотистой линией их гребня наверх, начиная расти высоко, придавая ей вид солнечного одуванчика. Она боялась, но, как-то инстинктивно, словно ей предстояло перепрыгнуть буйное пламя разгоревшегося не на шутку языческого костра. Так она себе всё и представляла. Брачный ритуал ночи любви дохристианской эры, когда свободы было больше, а запретов и контроля меньше. Отец Генрики был священник и в значительной степени её бунт против системы объяснялся этим фактом, и форма протеста обуславливалась данным ей воспитанием. Она училась на геолога (в геологоразведочный институт она тоже поступила против воли отца) и до сих пор смотрела на мир сквозь призму некоторых религиозных представлений. Генрика, в своих суждениях, либо отрицала их и отталкивалась от них, либо неосознанно искала подтверждения неких догматов веры в коммунистической идеологии.

Лора Вайнхоф, почти не испытывала страха. Почти, но не совсем. Её страх можно было назвать крайней степенью волнения, предвкушения того, о чём она давно мечтала, а Эрик нашёл в себе смелость воплотить в жизнь. Борьба стоила жизни. Против зла, за будущее светлое коммунистическое (обязательно коммунистическое, другого она не понимала и не признавала) завтра. Она была сирота. Её приёмные родители типичные буржуа, которых она не любила (потому что они не любили её), привили ей отвращение к стяжатель-

ству, накопительству, раз и навсегда заведённому порядку в их семье, где весь смысл существования сводился к одному своему «брюху». Закончив педагогический колледж, она год работала учительницей младших классов. Из школы её уволили, за слишком вольно-фривольное понимание учебной программы, а больше за эпатирующий внешний вид. Дырявые шорты, тяжёлые армейские, всегда расшнурованные ботинки и майки с фотографиями Ленина, Сталина, Мао и Че. Да, ещё Лора занималась неприкрытой агитацией старшеклассников, курила с ними, пила пиво, одним словом наводила крамолу. Несколько раз её предупреждали, уговаривали, внушали. Ей легче было уйти, чем изменить принципам свободы, пускай и находившим пока воплощение только в её внешности. На обложке свода правил, по котором она жила, красовалось экстремальное слово – Фанатизм, наиболее полным образом объясняющее все кульбиты её поведения. Брюнетка. Короткая стрижка, чёлка прямая линия, лоб наполовину открыт, затылок, ещё чуть-чуть и можно было говорить, выбрит. Лицо овальное, кожа белая до невозможности, луна, прозрачная до степени свечения изнутри, тем интереснее смотрелся румянец возникающей, в периоды волнения, на её щеках. Глаза чёрные, с таким оттенком, когда зрачок и радужная оболочка становились одним целым. Лора смотрела и неподготовленному человеку, первый раз с нею встречающемуся становилось неуютно. Глаза наркоманки, или демона. Вся из себя тоненькая, с осиной талией, с высокой гру-

дью, пока Лора стояла неподвижно на месте, сидела, со стороны, выглядела изящной, но стоило ей сделать шаг и истинно женский шарм уступал место нахальному, выставленному на показ, образу хулиганистого подростка. Всем видам одежды, она предпочитала джинсы (если не носила драные шорты, тоже джинсовые) и водолазки с неизменной серебряной цепочкой надетой поверх, иногда майки, когда ей было нужно выказать свою позицию, сделать назло. К тому же она курила. Красилась редко, но если и накладывала косметику, то предпочитала украшать веки зелёными тенями с жёлтыми звёздочками на внешних уголках глаз. Получались две кометы с зелёными хвостами, летящими к ямкам висков Лоры. Необычный персонаж. Лора, запоминалась сразу, врезалась в память навсегда, иногда насильно. Всегда активная, инициативная, впереди. Знамя воплоти.

Первый соратник, заместитель Эрика Эйха, Петер Сваар, крепкий, лысый, скрытый юдофоб. Он из всех членов пятёрки меньше всего страдал от приступа неконтролируемого мондража перед акцией. Учился он на историка, и учился хорошо. Занятий старался не пропускать, в родном учебном заведении вёл себя тихо, из общего числа студентов, не выделялся. Многими настроенными на левую волну однокурсниками считался за правого обывателя. Петера это устраивало. Своё членство в КПФ он не рекламировал и на митингах к микрофону не лез.

– Скоро одиннадцать. Не пора ли нам, Эрик? – Лора, вы-

разила нетерпение первой, но чувствовалось, что одного с ней мнения, придерживаются и остальные. Ожидание вымотало всех.

– Пожалуй.

Сигнал к действиям, был воспринят товарищами с облегчением. Частичка корки напряжения сжимающего сердца, отвалилась, дышать стало легче. Склонились над большим баулом. Прожужжала молния, руки вторглись в раскрытое чрево сумки. Достали чёрные шуршащие ветровки, красные платки на лицо, бутылки. Бутылки были заполнены горючей смесью – «Коктейль Молотова». Горлышки заткнуты белыми лоскутами ткани – фитилями. Переодевшись, прикрыв лица платками, леваки, гуськом, маленькой колонной, возглавляемой Эриком быстрым шагом пошли к блистающему во тьме храму капитализма. Последние двадцать метров они пробежали. Растянувшись в линию вдоль круглого фасада, группа зачиркала зажигалками. Затеплились рыжие огоньки, беспокойные птички, рвущиеся из рук революционеров на свободу. С этим желанием никто спорить не захотел. Довольно синхронно они размахнулись, бутылка ушла назад и вниз, потом резко взлетев над головой вверх, оторвалась и, кувыряясь огненным шаром, понеслась в стеклянный стакан банка. До здания было не больше десяти метров, а ребятам казалось, что их метательные снаряды летят через всю вселенную. Таким долгим им показался полёт от них до первого громкого, оглушающего дзинь-бабах. Стёкла оказа-

лись прочнее, чем они рассчитывали. Лишь одна пущенная мощной рукой Петера бутылка смогла преодолеть стеклянный барьер, проделав дыру в витрине второго этажа, бутылка стукнулась об угол стола, лопнула, залив жидким огнём чей-то кабинет. Остальные бутылки, разбившись, выплеснули из себя бензиновую смесь, стекшую по стеклянным стенам, горящим водопадом. Запылало!

Не став любоваться на дело своих рук, пятёрка пустилась наутёк. Страх сменился азартом. Адреналин жёг вены не хуже, чем коктейль Молотова. В парке, сняли ветровки, платки. Затолкали ставшие ненужными и опасными вещественные доказательства свершённого преступления в урну. Вил, плеснул из пузырька, поджёг. В чёрных зеркалах его очков заплясал оранжевый дымный тюльпан.

Из парка, уходили разными путями, по одному. Сирены полицейских машин заныли, уже, когда ребята были далеко. Горящий победным факелом банк и экстремистов разделяло несколько кварталов. Каждый заранее продумал пути отхода. Девушки, пошли по самому простому пути, взяли такси и, доехав, независимо друг от друга, до железнодорожного вокзала, пересели там, на автобусы и таким манером добрались до дома. Парни, избрали другой вариант. Заранее договорившись со своими друзьями, они после акции, пошли к ним в «гости». Побухать и переночевать. Никто из друзей, об акции ничего не знал, так что получилось вполне естественно. Стиль жизни левой общины предусматривал такие позд-

ние визиты товарищей и совместные ночёвки.

Никого не задержали. Банк сгорел полностью. Акция имела общественный резонанс и активно обсуждалась в буржуазной прессе. В общем, она получила, неожиданную поддержку значительной прослойки общества, на что Эрик с товарищами и вначале не рассчитывали. Через три дня пятёрка в полном составе собралась на съёмной квартире приятеля Петера, студента однокурсника. Сидели в большой комнате за круглым столом. Хозяина квартиры услали за выпивкой.

– Всё это хорошо, но мало.

– Эрик, что ты имеешь в виду? – Генрика, махнув рыжим одуванчиком головы, заблестела глазами.

– Наша акция, проверка на способность к самостоятельным действиям. Поджог будоражит воображение обывателя, но ничего кардинально не меняет. Ситуацию переломить может только настоящее вооружённое сопротивление. Наци, давно к такому пониманию борьбы, пришли.

– Правильно. – Петер, тихонько стукнул по столу кулаком.

– Что же нам пример с нацистов брать? – Вил в удивлении приподнял над очками мохнатые гусеницы бровей.

– Я говорю о том, что пули прокладывают путь к революции. Система начнёт относиться к нам по-другому.

– Да, и всех нас быстренько закроет. – Вил Авен, всё ещё не понимал.

– Да, у них клыки давно сгнили. – Лора, усмехнулась, затагнулась сигаретой, потянувшись вперёд. – Кусать нечем,

понимаешь? Нам вполне по силам их победить. Они хоть и большие, но дряхлые. – Выпустила облачко сигаретного дыма в потолок. – Чего ты боишься?

– Я ничего не боюсь. Просто, что вы собственно предлагаете?

– Городскую партизанскую войну против системы. Мы такие в стране не одни, создадим свою организацию. Объекты – чиновники, руководители карательных отрядов полиции, крупные корпорации.

– Я, за. – Генрике Шваб, идея пришлась по душе. Собственно все были «не против», подготовленные предыдущей жизнью в партии, совершённым совместно поджогом, они хотели большего. – Только, нам оружие будет нужно, транспорт, деньги. Ведь, мы на нелегальное положение перейдём. Так?

– Так. Этими вопросами я займусь. – Эйх, говорил так, что ему хотелось верить и без всяких объяснений, но он их дал. – Оружейник у нас есть, токарь на металлообрабатывающем заводе работает. Твой знакомый Петер.

– Мой приятель сочувствующий. Я его со школы знаю, правильный парень. Я с ним говорил, щупал на предмет изготовления оружия.

– На роль оружейника подойдёт? – Эрих, задал вопрос, на который знал ответ.

– Он и так для себя пистолеты делает. Почему бы ему не сделать одолжение мне?

– Машины, надо будет учиться угонять. Ну, а деньги будем добывать эксами. – Лора, говорила с воодушевлением. Для неё всё было просто.

– Да, это детали. Главное набрать силу. А, сила в активе. Придётся по отделениям КПФ поездить. – Эрик, заранее всё продумал. – Создание нашей собственной организации будет означать автоматический выход из КПФ.

– Мы и так сами по себе. – Петер, как думал, так и говорил.

– Это паразитизм. – Генрика, высказала сомнение. – Мы можем стать причиной раскола.

– Положительный паразитизм Генрика. Ради них всех, ради торжества красной идеи. – Эрика не смутило такое мнение товарища. – Не пойдём же мы на улицу в боевую организацию агитировать. И, раскола не будет. Ты же всерьёз не думаешь, что все захотят рисковать своей свободой и жизнью. Я больше, чем сто – сто пятьдесят человек набрать со всей страны не рассчитываю. А, потом руководитель каждый ячейки будет заниматься вербовкой новых членов самостоятельно.

Глава 4

Через полгода, произошёл первый съезд новой партии, по сути, представляющий состав его верховного комитета. Сто пятьдесят человек привлечь не удалось, не вышло сагитировать и сто, всего в актив вошло девятнадцать человек. Пять пятёрок. Две в столице по пять человек и три по три бойца в других трёх городах миллиониках Фаверленда. Партию назвали – Ударная Революционная Армия Фаверленда (УРА Фаверленда). Целью съезда была выработка программной платформы, манифеста, выборы руководства и распределение первичных целей приложения сил между пятёрками партии. Последняя цель превалировала над остальными. УРА, являлась организацией действия и поэтому книжная теория уступала место практике метких выстрелов. Весь лаконичный текст манифеста уложился на одной странице:

Товарищи!

Мы, новое поколение представителей коммунистических организаций страны, объявляем о создании новой партии – Ударной Революционной Армии Фаверленда. Мирные методы борьбы за коммунистическое завтра Фаверленда не оправдали возложенных на них надежд. В условиях набирающей силы реакции, любые мирные акции протеста теряют смысл. Поэтому наши первые шаги, будут озвучены выстрелами, а каждый день борьбы окрашен в красный цвет.

Переход наиболее прогрессивной части активной молодёжи к вооружённой борьбе обусловлен полицейскими, абсолютно незаконными, действиями властей с одной стороны и их же бездействием, в части касающейся расследования совершаемых актов насилия против коммунистических лидеров, с другой. Берём оружие в руки осознанно. Правительство должно уйти в полном составе в отставку. Мы отомстим, мы отстоим, мы не уступим. Никаких переговоров с властями. Нам не о чем разговаривать с ними. Они уходят, мы остаёмся.

Наш фундамент рабочий класс, в широком смысле этого слова, на него мы опираемся, его и коммунистического движения, в целом, интересы защищаем. Наш враг большой капитал и его прислужники. Идеал – Коммунизм! Нашей главной целью объявляется переход от существования народа в рабском состоянии общества потребления, к социально справедливой модели достойной жизни любого человека в обществе личных достижений. Существующая капиталистическая система будет ликвидирована. Мы, обещаем и клянемся, беспощадно уничтожая врагов, довести нашу борьбу до победы – до полной капитуляции всех буржуазных институтов.

Смерть системе большого капитала!

Верховный комитет УРАФ.

11 апреля 1982 года.

Определившись с манифестом и утвердив на должность главнокомандующего вооружёнными силами УРА, Эрика Эйха, приступили к обсуждению даты начала фазы вооружённой борьбы. Всего на верховном комитете УРА, принимало участие 5 командиров пятёрок, причём первая пятёрка Эйха участвовала в полном составе. Итого – 9 человек.

Полуподвальное помещение, с закрашенными белой краской окнами, заполнено туманом никотинового дыма. Накурено, душно. На длинном прямоугольном столе, полные пепельницы, стоят кружки с коричневой настойкой крепкого чая, лежат листы бумаги, тетради, ручки.

– Товарищи, копии манифеста предлагаю разослать по газетам, телеканалам, радио станциям. В первую очередь, имеет смысл ознакомить с текстом манифеста членов КПФ и других родственных партий. Сделать это не сложно, пускай руководитель каждой пятёрки решит, как лучше это сделать. Перейдём сразу к наиболее важным вопросам. Для того чтобы партия могла нормально функционировать нужны средства. Добровольно нам никто их не даст. Вывод – не дают, возьмём сами.

Из лежащей, перед ним папки Эрик достаёт несколько листов бумаги с напечатанными на них столбцами текста. Раздав командирам пятёрок по одному листу, он продолжил:

– На этих листах перечислены объекты, где мы можем взять деньги. Как видите, они уже распределены по городам. Вам остаётся самостоятельно разработать планы по экспро-

приации. Оружие вы получите завтра. Предупреждаю сразу – на всех не хватит, но по два – три ствола на пятёрку, обещаю.

– Этого мало. – Зандер Зак, представлял второй по величине город Фаверленда. Он всегда был недоволен, всегда спорил. – Два пистолета на пятерых, маловато.

– Твои ребята получат три. – Зак, толстый, большой, шумный, красный, с лицом, награждённым лосиными губищами, всегда, во всём сомневался. Вот и сейчас услышав про всего три пистолета, покачал головой. – Остальное твоё дело, как и впрочем, каждого командира пятёрки. Чем можем, поможем. Из списка, выберете несколько подходящих вам целей. На проведение первых эксов даётся два месяца подготовки, дальше лето, на которое мы рассчитываем, как на начало городской войны. У каждой пятёрки есть из чего выбирать – всем досталось примерно поровну, десять – пятнадцать объектов. Нужно взять по три из пятнадцати.

– А, если не сможем? – Вопрос задал Карис Ган, руководитель второй пятёрки столицы. Выглядел он, как менеджер среднего звена – причёска на правосторонний пробор, костюм, подтянутая фигура атлета. Такой красавец, мало соответствовал классическим представлениям о том, как должен выглядеть революционер, тем не менее, был преданным, фанатичным бойцом, готовым на любые жертвы, в том числе Ган совсем не боялся смерти. – Что, тогда?

– Карис, надо смочь. Иначе, мы потеряем темп. Не бума-

ги, которые мы с вами здесь понаписали, будут нашим программным заявлением, им станет «Красное лето». Заявим о себе акциями, а не болтовнёй.

Лора, подняв руку попросила слова:

– Товарищи, для большей эффективности наши отряды должны быть полностью изолированы друг от друга. Автономные группы дольше смогут функционировать. Не подлежит сомнению, что нас будут ловить. Некоторых убьёт. – Несколько революционеров поморщились. – Да, убьют. Другие будут арестованы. Роль верховного комитета, в этом случае, сводиться к координации и выработке общей идеологической линии. В таком случае, каждый командир и его люди просто обязаны сами заботиться о себе. Не ждать помощи из центра, а самим брать. Стреляйте врагов, совершайте акты. Очень скоро вы повзрослеете. Сможете обеспечивать себя сами. Народ ждёт наших активных действий, а не жалоб. Много в нашем деле зависит от начального позитивного настроения. Иначе, лучше ходите и дальше на бессмысленные митинги и попусту машите флагами.

Обращение Вайнхоф, встретили кивками, означающими молчаливую овацию одобрения. С ней были согласны ещё и потому, что на её убеждённом фоне мужчины не хотели выглядеть нытиками. Дальше на комитете обсуждались детали предстоящих акций, связь, сроки, обеспечение конспирации. Разошлись за полночь. Эрик и Лора, ушли вместе.

Глава 5

Домой Лора, и Эрик не пошли. Хотя эта была их последняя ночь на легальном положении, после завтрашней публикации манифеста, они с товарищами договорились съехать со своих прежних квартир. Отныне их ждали частые переезды.

Зайдя в подъезд дома Эрика, они поднялись на последний двенадцатый этаж и через, оказавшейся не запертым чердак, выбрались на крышу. Теперь влюблённые лежали на крыше и смотрели на звёздное небо. Глубина наивысшей полноты крыльев космической тьмы подкрашенная драгоценными разноцветными льдинками звёзд призраков. Романтика бесконечного траура. Великий Космос и ты, такой маленький, что и заметить-то тебя трудно, да никому и не нужно. И всё же ОНО внушало надежду. Страх тоже был, но не он играл главную скрипку в оркестре, сотни тысяч лет обуревающих сердца людей, чувств. В звёздное небо можно было верить, как в точку отсчёта, как в бога. И, тогда ты сам мог начинаться с него и никогда не заканчиваться. Космос бескорыстно и безучастно одаривал бессмертием, обретающего бесконечность, собственного, открывшемуся миру, сознания. Вход в большое через малое. Перевёртыш космической реинкарнации пространства и времени в фантазию и память. Холод беспредельно заполняемой, и никогда никуда не уходящей,

пустоты. Недостижимое, необъятное, непостижимое. Молчаливый вызов пылинке человеческого разума, обречённое поражение дерзнувшего, на завоевание, в сущности, никому не нужного, знания. Бессмысленное величие недостижимого идеала чудовищной красоты, которую человек никогда не сможет описать, написать, отобразить или иным способом выстрадать, в любых искусствах прошлого, настоящего и будущего, не сумеет понять, не прочувствовать, не вычислить, но что всегда будет поражать, толкать вперёд, убивать и рождать, рождать и убивать. Вселенная.

– Сколько звёзд! Эрик, посмотри, мне кажется, я вижу их цвета. – Сейчас Лора, говорила совершенно иначе, чем на партийных собраниях, в интонациях её голоса улавливалось искреннее детское удивление громадностью непонятного мира.

– Да, Лора, нам повезло. Такая прозрачная ночь не часто бывает. Весна, лучшее время в году.

– Как ты думаешь, есть где-нибудь такие, как мы? – Навивный вопрос. Лора, захлопала глазами и повернула голову к Эрику.

– И такие, и другие. Вселенная бесконечна.

– Наверное, есть такие, которые другим помогают. – Лора, говорила с надеждой.

– Есть. – Эрик, был убеждён.

– Почему же они не пришли к нам?

– Не знают о нашем существовании. Голубое семечко

Земли затерялось где-то на самом краю нашей галактики.

– Думаешь, они к нам ещё прилетят?

– Нет. Нельзя надеяться на их помощь. Придётся самим.

– Да, никому мы не нужны. – Эрик понял, она говорила не только про инопланетян. Это её «не нужны», относилось, по большей части, ко всему человечеству в целом.

– Лора, ты совсем не веришь людям.

– Меня так учили. Всю жизнь. Прямо не говорили, но поступками показывали, что врать это нормально, так и надо, по-другому не выжить. Быть паталогически влюблённой в себя душой прекрасно. Меньше чувств, больше покупок. Хочешь жить хорошо, проходи мимо чужих несчастий. Иди, торопись, а лучше беги по дороге жизни, гоняйся за достатком. Не оглядывайся на прошлое, не задумывайся о будущем, живи настоящим.

Каждое её слово было пропитано горечью, которая сочилась короткими рубленными фразами прямо в уши её любимого. Лора, бесхитростно, первый раз в жизни, открывала душу, и давалось ей это на удивление легко.

– А, мне ты веришь? – Эрик, любил её. Его вопрос подразумевал другой вопрос, настоящий, который интересует любого влюблённого. – «Я люблю тебя. А, меня ты любишь?».

– Что ты! – Лора, грустно улыбается, её брови взлетают в удивлении на лоб. – Я ведь тебя люблю. – Вот так просто она изгоняет из его сердца все сомнения. Взяв руку Эрика, прячет её в своих ладонях. – Люблю. Через тебя и к челове-

честву по-другому относиться стала.

– А, нашим товарищам ты доверяешь?

– Я их уважаю. – Лора, стала серьёзной. – Некоторых побаиваюсь, других не понимаю, но полностью доверяю только тебе.

– Что же, ты их подозреваешь? Но, в чём?

– Нет. Просто мне трудно с ними. Расслабиться до конца не могу.

– Этого и не надо. Главное верить.

– Я верю. Смотрю на звёзды, потом на тебя, и верю.

Лора, в это мгновение чувствует себя счастливой. Рассмеявшись, она обняла и поцеловала Эрика в губы. Оторвавшись от начала любовной прелюдии, Эрик, сказал:

– Ты права. Любовь и революция сёстры, за них умирать не жалко.

К себе в квартиру они пришли ближе к трём часам ночи. Оба устали. Один долгий день прошёл, другой наступал. Молодость, счастье настоящей любви питало их, вера в революцию делало неутомимыми, железными.

Раздеваясь, Лора, с хитринкой в голосе, спросила Эрика:

– Скажи мне, как в твоём сердце неистового бойца, уживаются столь противоречивые желания.

– Какие?

– Бескорыстие, ежеминутная готовность к самопожертвованию и тяга к вещам?

Да, Эрик, убеждённый сторонник мира духовного, любил

вещи из мира сугубо материального. Грубо говоря, он сам был барахольщиком. Многого он позволить покупать себе не мог, денег не хватало, но то, что у него висело дома в шкафах, отличалось наивысшим качеством. Товарищи знали об этой его слабости (он её не скрывал) и предпочитали закрывать на неё глаза. Эйх, страдал от невозможности избавиться от страсти приобретательства, это тоже все знали, многочисленные попытки перестать гоняться за шмотками заканчивались, рецидивом озлобленного, вынужденным воздержанием, шопинга. Эрик, выделялся среди знакомых леваков своим франтоватым внешним видом. Никаких подделок из третьего мира он не носил, сплошные бренды с мировым именем. Он лучше бы поголодал неделю другую, занял, но купил бы то, что ему нравилось. Эйх никогда не довольствовался убогим ширпотребом. Часы он носил швейцарские, золотые. Костюмы итальянские, сорочки шёлковые. Джинсы американские. Свитера, куртки, майки всё только фирменное. Парфюм французский, самый дорогой, самый лучший. Конечно, он все богатства своего гардероба напоказ старался не выставлять. На собрания и прочие партийные собрания одевался довольно скромно (выделялся всё равно, просто не так выпукло, чтобы никого не раздражать), оставляя себе возможность выпендриваться в других местах массового скопления народа. Он любил посещать кинопремьеры, изредка захаживал в театры, обожал посиделки с не партийными приятелями в ресторанах (хотя таких загулов вне партии

становилось всё меньше, чем серьёзнее становилась их борьба, и тем дальше от него отдалялись обычные беспартийные друзья). Лора, жила с ним пятый месяц и хорошо знала обо всём. Но, прямой вопрос о причинах его зависимости задала впервые.

– А, вот ты о чём. Сам не попробуешь, не поймёшь. Я понимаю, что болен и никак болезнь не оправдываю. Поэтому, я хорошо чувствую ненужность постоянного приобретения, весь идиотизм преклонения перед вещами. Избавиться от тяги к красивым, новым вещам до конца не удаётся. Утешает одно, скоро мне совсем некогда будет заниматься шопингом. Вооружённая борьба излечит от позорного недуга.

– Не переживай, ты мне и без одежды нравишься. Иди ко мне.

Лора, уже раздевшись, лежала под одеялом, протягивая к Эрику, обе руки. Сейчас он не была революционеркой, на остаток ночи она стала просто женщиной.

Глава 6

Воплотить в жизнь планы масштабной экспроприации буржуазно-воровской прослойки Фаверленда, у УРА с наскоку не получилось. За полтора месяца все группы вместе совершили всего пять акций, две из которых оказались неудачными.

Карис Ган, со своими бойцами (он довёл численность группы до пяти человек) из всего предложенного им списка возможных объектов экспроприации выбрал криминального авторитета держащего пригороды столицы в железных тисках своей алчности. Публичные дома, подпольные игорные дома, торговля наркотиками Жир Пухис не брезговал ничем. Естественно, его ежемесячный доход измерялся миллионами наличных марок. Часть их должна была оседать у Пухиса непосредственно в его штаб-квартире – загородном особняке. Оттуда он руководил делами. Ган, разумно рассудил, что в полицию мафиози не побегут, а денег теоретически можно взять у Пухиса больше, чем в любом отделении центрального банка. Двадцать дней наблюдатель из его пятёрки Марк Сион следил за особняком криминального авторитета. В его обязанности входило тщательное составление расписания распорядка дня Пухиса – Что? Куда? Когда? Ган, не рисковал и не организовал серьёзного наблюдения, полностью положившись на расторопность Сиона, хоть он и был

новеньким и никак ещё не сумел проявить себя в партийных делах, Ган считал, что такое простое задание, выполнить ему вполне под силу и потом, такая проверка обкатает новичка, приблизит к настоящим делам. Нужно доверять товарищам.

Ночи конца апреля и начала мая в этом году выдались довольно прохладными и Марк, и так сидевший круглые сутки напролёт в сосновой роще, растущей на холме перед особняком Пухиса, позволял себе каждые пять-десять минут отхлёбывать из фляжки с бренди. Заедать жгучую горечь приходилось яблоком. Другой закуски в холодильнике на съёмной квартире не нашлось, и это было хуже всего. Яблоко. Вяленый запах чуть заветренного обкусанного яблока. Ощущения пробуждались, выбирались из-под завалов шлака времени – в основном неприятные воспоминания из прошлого. А, разве бывают другие? Марк Сион ненавидел себя, да и к другим, в частности к партийным товарищам, не питал особой любви. Как, только он почувствовал яблочный запах, шестерёнки памяти закрутились, цепляясь, вытягивая за собой звуки, образы. Стук дверок железных шкафчиков. Детские колготки. И, снова запах – варёной капусты, супа. Страх и одиночество. Пожалуй, тогда в детском саду, когда мать начала оставлять его там, на целую неделю, он, в полной мере, и прочувствовал свою никчёмность.

«Всё, меня накрывает серый саван депрессии. Подавленное состояние неудачника. Ну, почему? Ни дня, ни часа, ни минуты в жизни я не был счастлив. Я похож на маленько-

го зверька с вечного перепуга, забившегося в норку, молящегося своему подлому крысиному богу. И мечта лишь об одном, чтобы собаки охотников прошли стороной, не заметили, не вытащили ради забавы меня на свет. Ведь и шкура моя блохастая никому не нужна. мех дерьмо, мяса на костях почти нет. Но, нет, собачкам нужна ежедневная тренировка сноровки. Меня вытащат, схватят острыми зубами за бока и вытащат. Охотник не позволит псам порвать зверушку. Нет, пытка продлится. Полумёртвого от страха посадят в клетку и увезут. Туда, не знаю куда. А, детишки, пришедшие на меня посмотреть, в хлебный мякиш насыют иголок, лезвий и кинут мне, чтобы просто посмотреть, что будет. Холодное любопытство, не больше. Никакой настоящей жестокости, просто интерес. Чудной зверёк умрёт не сразу. Вот потеха, будет смешно корчиться, выгибаться, попискивая выхаркивать рубиновые капли.

Жалко, мне так жалко себя, аж противно. Господи, да я даже девушку от хулиганов защитить не смогу. В постели у меня не любовь выходит, а акты порно осквернения. Некоторым нравится. Или они делают вид? Я же, способен лишь гадить, и то скорее подгаживать. А, полез к этим сумасшедшим. Пристрелите меня, чтобы всё уже закончилось. Нееет, я хочу жить. Не знаю, как, но хочу.

У предателей и б*ядей нет души. Общеизвестный факт. Аксиома. Может я предатель. Я, конечно, пока никого не предавал. И всё же суть не в этом. Могу ли я предать, вот в

чём вопрос. Или я проститутка. Хочется надеяться на лучшее. Тогда, да, я пожалуй проститутка. Естественно, был шлюхой в прошлой жизни. Нынешняя жизнь, наказание за прошлые грехи. Индивидуальный ад хронического лузера. А, они меня за своего принимают, за равного, за руку со мной здороваются. Может все такие, как я? Насколько бы мне стало легче, если бы я точно знал, что всё так оно и есть. К сожалению это невозможно, очень хотелось бы, но невозможно. К сожалению, я не настолько глуп, чтобы верить в такие соблазнительные сказки. Правда, меня на акциях никогда вперёд не ставили. Наверное, чувствовали, что со мной что-то не так. Я у них „подай-прими“, революционер третьего разряда. И хорошо. На шухере постоять, проследить за кем-нибудь, это ещё, куда ни шло. А, вот стрелять с двух рук, прыгать по крышам, извините. Да, и не смог бы я. Обделался бы у всех на глазах. Ну, почему я такой? Что за несправедливость? Другим всё нипочём и огонь, и боль и смерть. А, мне... Я тоже хочу, чтобы люди стали жить лучше, по-другому. Сам не умею, а хочу. И, не могу. Не могу выносить этого страшного напряжения. Меня могут поймать. Тогда, конец. Будь всё проклято, опять этой гнилой капустой пахнет. Фантом, хоть не пей. Что мне эта революция? Хаос постоянно-го движения. Дорога в никуда. Но, и премудрым пескарём, я быть не желаю. И так хреново, и так тошно. Значимость свою повысить! Дурак. Кому, я вру? Себе. Зачем? Не знаю. Жить так невозможно. Ведь ни одного счастливого мгнове-

ния, одни мытарства и страх».

Самоуверенный командир не знал об ущербности Сиона. Хороший аналитик с одной стороны и плохой психолог с другой, доверился новичку. А, тот вместо слезки стучал зубами, бухал и при первой же возможности, халтурил – покидал пост, возвращался к себе на квартиру, предпочитая дополнять отчёты выдумками. В результате пятёрка Гана пошла на дело, не зная реальной обстановки.

Марка Сиона, оставили на прежнем месте, страхующего группу, наблюдателя. Он засел в по-весеннему зазеленевших кустах на обочине дороги идущей вдоль сосновой горки, где он последние три недели должен был смотреть в бинокль на жизнь главаря преступников Пухиса. Обедал Жир в четыре часа дня. Бригады съезжались к нему около семи. Охраняли виллу всего трое охранников (по данным Марка). Один на воротах, два других внутри дома. На экс революционеры рассчитывали потратить не больше пятнадцати минут. Раздобыли две машины (угнали). Первую, предназначенную для отхода, припарковали в полукилометре от виллы мафиози, ближе к маленькому городку, в котором, последний месяц, жил Марк. Отправились в гости к бандитам на втором автомобиле – тяжёлом старом американском джипе. У троих бойцов были кустарно изготовленные, оружейником УРА, пистолеты, у четвёртого был топорик. План был не замысловат и рассчитан на внезапность.

Разогнав внедорожник, революционеры протаранили во-

рота особняка. Сшибли их к грёбаной матери. Створки оторвавшись отлетели далеко в стороны. Въехав во двор автомобиль сразу затормозил. Двери открылись, из салона выпрыгнули закутанные в чёрное до самых глаз бойцы. Ган, выскочил первым разрядив обойму в стеклянную кабинку охранника мозолящую глаза с правой стороны от ворот. Выстрелы звучали как-то не серьёзно, словно детские хлопушки. Самопальная пушка расплёвывала пули со значительными отклонениями. Из восьми выпущенных пуль, три прошли мимо цели. При этом кабинка находилась всего в пяти метрах от Кариса Гана. Но, и пяти, попавших точно, хватило. Охранник, обливаясь кровью, повис в проёме окна. Он ничего не успел предпринять, его не убили, но вывели из строя – раздробленная челюсть, касательное ранение головы и две пули в живот. Четвёрка смельчаков рванула к особняку. Их встретили выстрелы. Сначала стреляли двое охранников с первого этажа, а потом (вот сюрприз!) застрекотал автомат третьего со второго этажа. Марк, их не предупреждал об этом третьем, но это было бы полбеды, бежать до дверей, было секунд пять и они успели преодолеть половину пути, когда по ним начали стрелять, самое ужасное подобралось к красным бойцам с тыла.

Недалеко от отдельно стоящего логова Жир Пухиса, собственно в коттеджном посёлке, лежащем за поворотом, в доме ближайшем к особняку, проживала, столовалась основная часть боевиков его группировки. Причём пять бандитов

всегда сидели уже в автомобиле наготове. Остальные пятнадцать человек отдыхали в доме. Работали они посменно. Поступил сигнал тревоги, и они на всех порах помчались на выручку к шефу. При изначально тщательно проведённой разведке не заметить этот криминальный резерв было невозможно. О нём знали и в посёлке и в городке. Да и при выезде хозяина с территории особняка, в его эскорт всегда пристраивались авто, неизменно выкруливающие в назначенное время из-за поворота. Марк, не обратил на них никакого внимания тогда, а теперь увидев вылетающий на дорогу длинный чёрный мерс, опешил, заледенел, охренел. Его товарищи угодили в ловушку. Надо было покинуть насиженное местечко и бежать к ребятам. Был, шанс добравшись до ворот, крикнуть, что всё кончено, и рвать когти. Его могли заметить, а значит убить или схватить (что гораздо хуже, оказаться в лапах у бандитов означало получить на обед похлебку, сваренную на костях боли и щедро сдобренную заправкой из унижений). Он медлил, а потом оказалось поздно. Мерседес подъехал к воротам из него высыпали бандиты сплошь вооружённые короткоствольными автоматами. Марк, потихоньку, прикрываясь зарослями кустов, пополз по склону наверх. Оказавшись среди деревьев, он пустился наутёк. Сердце щемилось в заячем галопе, голова отключилась, лишь бы сбежать, лишь бы его не заметили.

Парни Гана, открыли ответный огонь. Заняв места за колоннами, под козырьком особняка они обезопасили себя от

автоматчика, стрелявшего в них сверху и теперь имея двукратное преимущество в стволах, рассчитывали подавить охрану и проникнуть внутрь дома.

Пять бандитов, набегающих с тыла, открыли огонь одновременно. От большого желания они совершили тактическую ошибку. Вместо того, чтобы подойти ближе, они начали поливать свинцом налётчиков прямо от самых ворот. Стоявший справа от Гана красный экспроприатор молоденький, горячий Шен Сон, тот самый, который пришёл на экс с топориком, получив пулю в шею упал замертво, только после его смерти остальные поняли, что подверглись нападению с неожиданной стороны. Ган, сообразил – им не выстоять. Численное преимущество, революционеры зажаты между двух огней, надо уходить. Отстреливаясь, преследуемые подавляющей огневой мощью, ни в какое сравнение, ни шедшей с их убогими самодельными пукалками, три бойца отступили за угол дома. Пока добежали до забора ранили ещё одного бойца из пятёрки. Забор перемахнули словно кенгуру, одним эпичным прыжком. То, что боец ранен, ему самому, стало ясно только уже через пятьдесят шагов после преодоления препятствия в виде двухметрового кирпичного забора. У бежавших за ними бандитов не было такой запредельной мотивации, как у революционеров, которые спасли свои жизни, поэтому стену они с разбегу штурмовать не стали, перелезали, пользуясь взаимной поддержкой. Время было потеряно, налётчики ушли, оставив, на поле перестрелки,

труп товарища.

Можно сказать Гану повезло, трусость раздолбая Сиона могла им стоить гораздо дороже. Всего одна смерть и боец, раненный в плечо. Первые потери УРА и за них виновный должен нести ответственность.

Глава 7

Зандер Зак, выдумывать велосипед не стал, он со своими ребятами решил взять банк. Ничем не знаменитое отделение местного самого крупного в городе банка, прописавшееся в спальном районе. Одноэтажное, отдельно стоящее, здание. Сзади и с правого бока подпиралось жилыми многоэтажками, слева банк сторожил супермаркет. Перед зданием банка – площадка стоянки ограниченная упитанными прутьями железной ограды. Банк сверкал стеклом и хромом. Круглые сутки напролёт светилась оранжевым апельсином эмблема этого местного деньгохранилища. Зак, сам пошёл на разведку. Идти надо было на экс в конце месяца. Либо в час дня, либо перед самым закрытием. В конце месяца в банковской кассе скапливалось достаточное количество наличных денег – люди платили за квартиру, гасили штрафы, делали вклады. В час подводились утренние итоги и сумма, как правило, выходила довольно внушительная. Не сравнить с вечерней, но всё же, причём в час дня дороги города были свободны от пробок, а вечером приходилось учитывать возможные потери времени в конце операции. А, вдруг погоня? И, всё же Зандер никак не мог решиться на какой-либо конкретный вариант. За неделю до экса он собрал своих бойцов на одной из двух конспиративных квартир УРА.

– Будем потрошить банк на улице Просвещения. – Зандер,

сидел красный, чем-то весьма недовольный, как впрочем, и всегда.

– Какой из трёх? – Карл Бир, тридцатилетний чернорабочий член КПФ, с пятнадцатилетним стажем, задал вопрос, который интересовал всех. Карл, всегда отличался смелостью, и ничуть не тушевался под постоянно прущим в любых беседах кабаном напролом их придиричивого командира. Во-первых, он был его старше, во-вторых, если Бир и уступал ему в размерах, то в силе он мог дать фору ему. Бир, занимался полноконтактным каратэ, что делало его уверенным и способным в упрямстве тягаться с командиром. Высокий, с широким лбом, с лысиной католического монаха, длиннорукый и длинноногий, с открытым горящим, орлиным взглядом и ртом, с тонкими губами, вдавленным ямкой под длинным с горбинкой носом, Карл внушал уважение всем кто с ним встречался. Малый багаж знаний он компенсировал, языком идеально подвешенным, словно для прирождённого партийного агитатора. – Зандер, их там три. Помнишь?

– Нет, не помню. – Буркнул Зак.

После его ироничного ответа, группа зашумела. Нема Ваган, единственная девушка в группе, маленькая, хрупкая, с большими глазами, отодвинутыми от центра носа неприлично к вискам, носом с незаметной переносицей и толстыми ноздрями, без бровей, с розовым бутоном губ и острым подбородком на квадратном лице, решила высказаться вслед за Карлом:

– Что ты скрываешь? Нам всем на экс идти.

– Ничего я не скрываю. Нечего на меня давить. Сам вам хотел все рассказать. Деньги будем брать в Апельсине.

– А, это тот, что в самом конце, где раньше швейная фабрика была? – Карл, жил по соседству от улицы Просвещения и хорошо знал тот район.

– Да.

– А, почему именно его? – Вступил в разговор Альберт Блондс. Маленький мужчина с короткой стрижкой, из-под которой просвечивал белый шрам трепанации черепа, двухгодичной давности. Сверкнув черными, глубоко посаженными глазками ящерицы, он продолжил допрашивать Зака. – Мы же хотели в центре.

– Ладно, товарищи, говорили об этом неоднократно. Может, хватит?

– Нет, не хватит. – Карл, говорил спокойно, при этом сверлил Зака буравчиками голубых глаз. – Мы все равны и хотим знать. Почему? И, почему ты один всё решаешь?

Зак, едва сдерживался. Состояние вулкана распираемого, рвущейся наружу магмой, наблюдали все и не раз. На этот раз, извержения не случилось. Командир пятёрки вздохнул, и произнёс:

– Хорошо. В центре полно полиции. Уйти после экза сложнее. Предлагаемый мной апельсин стоит недалеко от перекрёстка дорог, уходить можно разными путями. Дороги свободны даже по вечерам. Деньги там есть, так, как этот

филиал самый крупный в районе.

– Ясно. Когда идём? – Самый тихий член пятёрки Юрий Рубен (белёсый, волос мало, глаза вечно красные, без ресниц, небольшого роста с прямой спиной, нижняя губа толще верхней безостановочно подрагивающей, периодически обнажала белые колышки зубов), задал вопрос по существу, выразив всеобщее согласие с решением Зака, тем самым, невольно, прекратив все дальнейшие споры.

– В следующий четверг. Входим в банк ровно в час. Пять минут на всё и уходим. Оружие у нас уже есть, машина тоже.

– Откуда машина? – Карл, продолжал любопытствовать.

Туша командира нетерпеливо заворочалась, он засопел, но всё же, ответил:

– Со знакомыми ребятами договорился. Старенький Рено.

На ходу.

– Так они нас заложат! – Карл, опять пошёл в атаку.

– Не заложат. Они его сами угнали, из другого города, номера перебили. Зачем он мне не знают. Так, что свиньи нас по этой машине не вычислят.

– Угу. Главное, чтобы он завёлся. – Выразил беспокойство, а заодно и недовольство Бир.

– Я всё проверил! Ты, что сомневаешься во мне? А? – Всё же Зак начал заводиться.

Бир, ничего не ответил, ослабившись, не разжимая губ, откинулся на спинку стула и задрал вверх подбородок. Выждав несколько секунд, Зак, спустив лишнюю дурь с головы,

сказал:

– Следующее собрание в воскресенье, обсудим всё подробно, распределим роли, прямо здесь потренируемся. Если никто больше не имеет намерений умничать, расходимся.

Продолжать спор никто не решился. В конце концов, Зандер Зак всё устроил, как надо. Его манера общаться раздражала, но не это играло главную роль в предстоящем эксе. Как всё пройдёт в первый раз решала госпожа удача. От неё зависело 99 % успеха. Уходили из квартиры по одному, с интервалами в десять минут. Последним покинул кооперативное гнездо Карл Бир.

Постояв минуты две у подъезда, насладившись непередаваемыми ощущениями от сиреневого, цветочного аромата воздуха мая, Карл не спеша двинулся в сторону железнодорожной станции. Жил Бир в рабочем пригороде и дома он будет не раньше полуночи. И всё же он позволял себе идти размеренным прогулочным шагом, будто на завтра у него выпадал внеочередной выходной, а не буднично физически трудный, изматывающий рабочий день.

Подойдя к станции, он не спеша прошёл к кассам, купил билет. На платформу не стал подниматься, до его электрички было двадцать минут. Карл, закурив, завернул к таксофонам. Кинул в монетоприёмник три пфеннига, набрал номер. На втором гудке, на другом конце провода, сняли трубку.

– Код 37 13 37 6. Прошу о встрече. – Пауза, Карла, о чём-то спросили. – Да, лучше сегодня. – Ему ответили. – Да, по-

нял. Там же, где и в прошлый раз. – Положил трубку.

Докурив Карл, отправился на платформу. Подошёл поезд, и он сев в него укатил на встречу со своим куратором. Да, Карл Бир, был внештатным сотрудником специального отряда политического управления Фаверленда. Иначе, по-простому говоря, стукачом, завербованным самим бессменным главой отряда Гюнтером Кнудом, больше десяти лет назад. Неважно на чём таком особенным заловили Бира, но он заключил сделку в обмен на свободу став информатором. Естественно, когда молодые парни из столицы начали организовывать своё УРА, Бир стал одним из первых, кто к ним записался. В данной ситуации Карл выступал, изначально имея тайное преимущество, незапланированным фактором провала против удачи пятёрки Зандера, с самого начала готовя им ловушку, тюрьму и бесславный конец.

Спецотряд создали пятнадцать лет назад власти Фаверленда, сведя воедино несколько отделов, занимающихся до этого независимо друг от друга политическим сыском. В него попали и полицейские ищейки и оперативники из систем безопасности и конечно мясники – специалисты по разгону массовых сборищ, недовольных политикой страны, граждан. За пятнадцать лет Кнут превратил своё детище в идеально отлаженный механизм подавления народных выступлений, а заодно и контроля над настроениями общества.

Полученной от Бира информацией, Кнут воспользовался с умом. Не стал брать революционеров сразу, у них до-

ма, а решил их прищучить во время проведения ими акции с оружием в руках. Операцию разработали досконально. В Апельсин направили группу захвата, банк обложили со всех сторон. Силки для наивных волчат, возомнивших себя матёрыми хищниками, к назначенному сроку, были расставлены. Гюнтер ждал, с нетерпением, заслуженной добычи. Декорации к спектаклю готовы, занавес поднят, главные действующие лица спектакля на подходе.

Отслеживать перемещения революционеров Кнут, запретил. Какими бы они наивными не были, а возможность, того, что они могли почувствовать слежку, оставалась. Пятёрка Зака в полном составе катилась в ржавом ведре под маркой Рено, по городу. За рулём был сам Зак. С самого утра он, точно похмельем, мучился сомнениями. Конечно, было безопаснее почистить Апельсин в час дня. Народу мало, но и денег, по здравым размышлениям не так много заберёшь. Наверяд ли их надолго хватит. Придётся делать ещё один экс. Роль грабителя его не только не прельщала, но даже раздражала. Поэтому возможность сразу взять солидную сумму мотивировала иначе. За один раз мешок денег и несколько лет настоящих революционных дел без подобной дурной уголовщины. Можно полностью посвятить себя политической борьбе. Уже вырулив на улицу Просвещения, он принял новое решение. Съехав за три квартала от банка, во дворы, он припарковался за мусорными ящиками.

– Эй, Зак, что мы здесь забыли? – Бир, забеспокоился.

– Ребята, – большой Зандер, с трудом повернулся правым боком к бойцам – я думаю, нам стоит обождать до вечера.

– Да, чего ждать! – Бир, не выдержал, взбеленился. – Если идти, надо сейчас, чего тянуть тигра за усы. Ты струсил что ли?

– Заткнись. – Вяло, прикрыв веками, сверкнувшие было гневом, глаза, сказал Зандер. – Пойдём сейчас, придётся идти на экс ещё раз через три месяца. Ну, что мы там сейчас сможем взять? Тысяч десять. А? Пойдём вечером, тогда сумму выигрыша можно смело умножить на пять. Это уже деньги.

– Разумно. Можно и позагорать. – Блондс, был за.

– Надо идти сейчас. – Бир, понятное дело упорствовал. – Нас здесь, спокойно обнаружить могут.

– Мы ничего такого запрещённого не делаем. – Юрий, признаться, был рад отсрочке, ему ужасно не хотелось идти прямо сейчас. – Вечером и вправду, возьмём больше.

– А, как же пробки? – Подала голос Нема.

– В этой части города они редки. Считаю, надо рискнуть. – Зак, как никогда говорил спокойно, отчего его слова звучали особенно убедительно.

– Не к чему нам этот риск. Вы, что все с ума сошли? – Бир, нервничал и от этого терял позиции, со стороны смотрясь неубедительно.

Зак, вынес вопрос на голосование, победил вечер. Впереди у пятёрки были пять изнурительных часов ожидания.

В назначенный информатором срок бойцы УРА, в Апельсин не явились. Гюнтер Кнут, прилетел специально из Давинвиля, вместе с командой оперативников и ломщиков, на задержание террористов. Всё просчитал и вдруг такая незадача. Генерал, сидел в пассажирском автобусе, переоборудованном под передвижной командный пункт, на параллельной улице носившей название Благожелательности, и чем дальше минутная стрелка убегала от цифры обозначающей час дня, тем больше он волновался. Что могло случиться? Где шляются эти мальчишки? Недотёпы, даже на собственную акцию не могут вовремя явиться. Прошёл час, другой и Кнут пришёл к выводу, что произошло непредвиденное. Дело не в неорганизованности революционеров, а в неизвестной и судя по всему весомой причине. Оставлять их на свободе было опасно. Возможно, они раскрыли информатора и тогда надо спешить. Кнут, человек среднего роста, предпочитающей генеральскому мундиру, изысканные костюмы преимущественно серой ткани, с круглым лицом потомственного кондитера и подслеповатым взглядом добряка, вышагивал по салону автобуса, заложив руки за спину. Он никогда не повышал голоса на подчинённых и, тем не менее, его боялись, как огня. Внешне мягкий, внутри он был выкован из цельной болванки броневой танковой стали. За час до закрытия банка, Кнут принял решение. Вызвав к себе полевого командира операции, он озвучил приказ:

– Дальше ждать не имеет смысла. Берите людей и езжайте

по адресам. Всех арестованных везите к нам. Приказ понятен?

– Так точно.

– Исполняйте.

Крепко сбитый, приземистый капитан, одетый, как гражданский (маскировка), повернулся на каблуках и успел сделать шаг по направлению к выходу, когда прозвучал голосовой сигнал остановки:

– Да, постой.

Капитан, вернулся.

– Оставь четверых бойцов, на всякий случай. Пускай на стоянке подежурят.

– Есть!

В течение пяти минут спецотряд свернулся и выехал на задержание революционеров по адресам, оставив для наблюдения за банком четырёх человек, как и сказал Кнут, на всякий случай.

Первый час ожидания ребята Зака сидели молча, нервно курили, думали, потом потихоньку разговорились. Оказалось за разговорами, и особенно спорами время летело быстрее, намного быстрее. Не участвовал в беседе лишь Карл, набычившись, он вжался в угол, на заднем сиденье делая вид, что дремлет. Первой начала общение Нема Ваган, молчать ей надоело быстрее других.

– Зак, я давно хотела тебя спросить.

– Что?

– Какой, по-твоему, этот другой мир, за который мы бо-ремся?

– Почему меня?

– Ты же наш руководитель. Был бы здесь Эйх, спросила бы его.

– Не знаю. Мне плевать.

– Как это?

– Так. Достаточно чтобы он был другим.

– Да, ну. Ты Зак не прав. – Альберт Блондс, категорически был не согласен с командиром. – Что бы ни бояться смерти, надо знать, за что ты готов умереть.

– Да-нет, не обязательно. Мне просто по хрену, понимаешь? Я был готов умереть и вне партии. Просто партийная идея придала моей жизни смысл. Когда-то я решил для себя – всё смерти для меня нет. Хорошо. Но, что, тогда может меня остановить? Самый большой страх – это страх смерти. Перестаёшь её бояться и всё становится проще.

– Ты прав. Но, как перестать бояться? – Юрий Рубен, и раньше честно признавался, что его трясёт каждый раз, перед каждым значимым в его жизни событием. – Я не могу. Чтобы я себе не говорил, не получается.

– Не знаю, что тебе сказать. Возможно, виновата наследственность.

– Да, Юрий. Себя можно перебороть, а лучше идти к бесстрашию постепенно, шаг за шагом. Постоянный опыт лучшее лекарство от всех страхов. Вот ты боишься, но ты же с

нами. Я тоже боюсь. Неприятно? Пусть. Для самого себя я бы и не решился грабить банк. Мотивация другая. Без эксов не будет денег, а без денег мы все голубые мечтатели, а не красные бойцы.

– Нема, а ты что молчишь? – Юрию, была симпатична Ваган и он был не против с ней поговорить не только за коммунистическое завтра.

– Мне бояться нечего. Страшно это, когда сытые самодовольные рожи кругом и перспектив никаких. Жизнь без борьбы теряет смысл.

– А, как же дети? – Альберт, иногда совсем не понимал женщин.

– Какая же нормальная женщина не хочет детей. Я тоже их очень хочу. Для того чтобы они появились нужен не расчёт, а любовь. Мне пока встретить того единственного мужчину, кого я могла бы полюбить, не удалось.

«Наверное, ты и в революцию пошла, от тоски по мужчине. – Зак, в отличие от задохлика Блондса, понимал женщин, хотя часто бывал к ним несправедлив. – Но, и здесь тебе не везёт. Дети. Пойдут дети, обо всём забудешь. Дитё подарок полиции. С матерью работать легче. Пригрозил здоровьем ребёнка и готовый агент. Не все конечно, но некоторые женщины могут не выдержать. А, мужики? Однозначно не лучше. Захотят яйца им отрезать, всё расскажут. Моих орлов это не касается, я им всем верю. Разглагольствуют только много. А, дьявол, волнуются. У меня самого поджилки по-

драгивают. Ничего, скоро, нам будет не рассуждений. Сколько там времени. Ого». – Посмотрев на часы, Зак обрадовался до назначенного им же самим срока оставалось всего каких-то полчаса. День промелькнул белой кометой, начинало темнеть. Город уже стоял сбрызнутый розовым сиропом майского заката. Наступало идеальное время для свиданий и пеших прогулок. Прекрасный вечер чтобы ограбить банк.

– Пора. – Зак, продублировал слова, повернув ключ в замке зажигания. Стартер зачесался, двигатель хрюкнул, и не завёлся.

Здесь, «проснулся» Карл Бир.

– Мне надо выйти.

– Сиди. Нам пора. – Зак, продолжал мучить мотор. Неудачно.

– Я сейчас лопну, мне отлить надо. Пока заведёшь, я вернусь.

– Нет! – Зак, злился не на Карла, на машину. – «Надо же в самый неподходящий момент. Вот и не верь после этого в мистику». – Давай здесь. Мы потерпим.

– Да, ты что! Я не могу.

– Тогда терпи. Раньше надо было

А, раньше, увлечённый переживаниями по поводу своей неудачи, Карл не мог. Его мозги и так работали не на сверхзвуковых скоростях, скорее они давали жару, как во времена паровозов, пара и шума много, а едет медленно. Из пункта А в пункт В и так далее. Доложить о ситуации Кнуту, при-

думав достойный повод, ему пришло в голову, только что. И, тут Зак, дал команду. Не везет. Теперь не отпустят. Так и вышло. Машина, покапризничав, злобно чихнув кислым выхлопом, завелась и они, все вместе революционеры и провокатор, понеслись навстречу судьбе.

Машину оставили на стоянке, с включённым двигателем, перед банком, закрыли лицо красными платками, достали пушки и....

Оставленные спецотрядом сторожа проморгали появление красных налётчиков. Забеспокоились они только, когда те уже размахивая оружием, залетели в банк. Вызвав подкрепление, нерасторопные сторожа заняли позиции, расположившись по дуге напротив выхода из Апельсина. Оставленной пятёркой у двери Юрий Бир, заметил, как четверо мужчин, вылезли из автомобиля с тонированными стеклами и, разделившись на пары, разбежались в стороны.

– Командир! Полиция!

Четверо налётчиков, стояли в зале, выстроившись в линию у окошек операторов. Всех находящихся в банке посетителей они успели положить лицом вниз. Оставалось взять деньги, а тут такое. Верить, что Юрий прав не хотелось. Сгорели так быстро. Зак, подбежал к двери, он единственный из группы был вооружён автоматом чешского производства (достал по случаю). Он, хотел сам убедиться, что Рубен не ошибся.

– Где?

– Двое там, другие там. – Слова, он сопровождал соответствующими жестами.

– Не вижу. Ты точно их видел.

– Да. Сейчас они вне поля зрения. Наверняка выход на мушке держат.

– Как же они так быстро!

– Наверное, патруль.

– А, где их машина?

– Вон.

– Это не патрульная машина. Скорее это управление. Значит засада.

– Уходим? – Альберт, был бледен.

– Выйдем сейчас, нас всех перестреляют. Свиной здесь наверняка полно и снайперы. Берём деньги, начинаем торговаться.

Зак, был не прав. Кроме четырёх оперативников вооружённых пистолетами, никто их не подстерегал, и у них ещё было время уйти. Устроив беспорядочную стрельбу, бросить автомобиль и ходу. Но, всё сложилось иначе. Ошибку налётки поняли быстро, когда надрывно воя, со всех сторон, как пчёлы на мёд, стали слетаться к Апельсину полосатые чёрно-жёлтые машины полиции. А, в первую очередь к банку зарулили два автобуса до отказа набитые ломщиками спецотряда – группа непосредственного силового воздействия, вооружённые до зубов, зашитые в мешки бронежилетов, в чёрных зеркальных шлемах, мясники, которых отлично знал

любой человек придерживающейся левых взглядов в стране. Они всегда являлись главной силой укрощения стихийно вспыхивающих массовых беспорядков.

– Конец? – Альберт, не трусил, он подводил итог.

– Ещё посмотрим. – Зандер, не желал показывать неуверенность ни своим, ни чужим. – У нас заложники.

– Ты же не думаешь их убивать? – Шёпотом, спросила Зака, подошедшая к нему вплотную Нема.

– Нет. Но, это им знать не обязательно. – Зандер, указал автоматом на витрину закрытую им за минуту, до приезда основных полицейских сил, белыми шторами. Наблюдение за ситуацией снаружи, как и прежде вёл Юрий. Блондс и Бир, выполняли приказание Зака. Они выпотрошили кубышку, запихали купюры в мешок, не забыв предварительно заставить и всех операторов, менеджеров банка принять лежачее положение. Налётчики находились в банке десять минут, и не прозвучало ни одного выстрела, но люди были напуганы. Требовалось разъяснение.

Зак, подошёл к стойке отделяющей общий зал от закутков операторов.

– Внимание! Народ, мы никого не собираемся убивать. Лежите тихо, и всё будет хорошо. Ваши деньги нам не нужны, мы пришли к банку за налогом на мошенничество. Вас обманывают. Враги народа там, на улице, здесь друзья. Не мешайте нам и проживёте долго.

Революционеры рассредоточились по банку. Напряжение

ожидания чего-то страшного нарастало. Взорвал временную тишину ситуации телефон. Он зазвонил и все подскочили на месте. Налётчики и заложники синхронно дёрнулись. На третьем звонке, кстати, довольно мелодичном, трубку взял Зандер. В трубке зазвучал приятный мягкий баритон:

– Здравствуйте.

– Привет. – Угрюмо и мрачно.

– Как, я могу к вам обращаться?

– А, вы кто?

– Меня зовут Жак Корнэ.

– Не слышал о таком.

– Хм. Не удивительно. Я заместитель генерала Кнута.

– Это он здесь командует?

– Нет. – Мягко так ответил Жак, как мяукнул, у него получилось ближе к «неу», чем к твёрдому, бескомпромиссному «нет». – Возглавляю операцию по спасению заложников я. – Жак, врал. Во-первых, он не был никаким заместителем, а являлся штатным переговорщиком политического управления с дипломом психолога, а во-вторых он ничего не возглавлял, а значит и не решал. Его целью было пудрить мозги, с чем он справлялся, до сих пор, на отлично. Причин облажаться в этот раз с неопытными грабителями-студентами у него не было. – Так, как я к вам могу обращаться?

– Можете называть меня Рутом.

– Хорошо. Господин..

– Никаких господ. Вам ясно?

– Ясно. Простите. Рут, у меня плохие новости для вас. Мне очень жаль.

– Хм. Какие же? – Зак, решил держаться уверенно. Он и вправду не боялся. Но, это не значило, что он хотел выйти из этой передрыги ногами вперёд.

– Банк окружён.

– Не надо быть гением, чтобы понять это. Всё?

– Вы и ваши друзья так молоды. Зачем вам эти, умм, скажем так, неприятности.

– Вы очень любезны Жак Корнэ, намекая на ваши возможности превратить это милое капиталистическое заведение в братскую могилу. Это вы имеете ввиду под неприятностями?

– Ну, что вы? Зачем же мне нужны ваши жизни? У вас всё ещё впереди.

– Так, что же вы предлагаете.

– По-моему, самое благоразумное будет сдаться. Я гарантирую, с вами будут хорошо обращаться.

– Ну, да хорошо. Не забывайте у нас тут пятнадцать заложников.

– Конечно. Я понимаю. Эти люди совсем не причём. Отпустите их, покажите свою добрую волю.

– Сейчас, только помолюсь перед смертью. Правда, в бога я не верю. Но, так, ведь пуле всё равно

– Зачем такой пессимизм. Рут, вы же разумный хороший человек, не отморозок какой-нибудь и не наркоман. Отпустите хотя бы женщин.

– Я подумаю. – Зак, положил трубку.

– Что они предлагают? – Нема Ваган, подошла к Заку. Она по-прежнему говорила в полголоса, чтобы их не слышали заложники.

– Чтобы мы начали отпускать заложников. Хотя бы женщин.

– Понятно. Не делай этого, ни в коем случае. Они обманывают, а сами штурм готовят.

– Да, скорее всего.

– С тобой говорил Кнут?

– Нет, его заместитель Жак.

– Не слышала о таком.

– Я тоже. Не важно. Нам надо выдвинуть свои требования. Эй, парни, идите сюда. – Увидев, что Юрий отошёл от окна, он ему сказал. – Кроме тебя Юрий, оставайся на месте, смотри за ними. Мы лучше сами к тебе подойдём.

– Ребята, ничего хорошего, нас не ждёт. Говорю прямо, мне скрывать от вас нечего. Я, поторгуюсь с ними, потяну время. Но, по-моему, штурма не избежать.

– Ах, ты. Говорил же, днём надо было идти. – Карл, хмурился, злился.

– Они нас ждали. – Нема, приняла сторону командира. – Неужели ты не понимаешь, мы угодили в заранее подготовленную ловушку.

– Ладно, виноватых будем после искать. – Зак, оставался лидером. Чем, было труднее, тем он был спокойнее.

Парадокс. В обычное время скандальный спорщик, сейчас превратился в идеал рассудительного, уверенного в своей правоте, вождя. – Шансов почти нет, но мы обязаны их использовать.

– Блеф с заложниками? – Альберт, заметно приободрился. Самая маленькая надежда лучше, чем ничего.

– Да. Я потребую бронированный автомобиль фургон, броники и свободную дорогу до аэропорта.

– Зачем? – Нема, волновалась и от этого не понимала.

– Подожди, я не закончил. Если всё получится. В автомобиль мы посадим заложников и вместе поедем в аэропорт. Нас будут сопровождать, но я знаю, тут недалеко есть один узкий путепровод. Туннель под землёй.

– Да, это правда. – Подтвердил информацию Карл. Он слушал внимательнее всех.

– Там, в этом путепроводе есть выходы в канализацию. Я их знаю, изучал на случай отхода. Останавливаемся и исчезаем в темноте. Так просто нас не отпустят, начнут стрелять. Но другого предложения у меня нет. Может, есть у вас?

– Командир, это нормально. – Юрий, не отрываясь от наблюдения за происходящим на стоянке банка, слушая одним ухом. Предложение Зака, ему понравилось.

Остальные согласились. Сдаваться никто не захотел. А, Карл и желал бы свалить, только не знал, как это сделать.

Ещё, через десять минут позвонил Корнэ.

– Рут, это вы?

– Да.

– Что вы надумали?

– Подгоните нам к самым дверям броневик – армейский бронированный автомобиль подойдёт. Дайте нам бронези-леты и боеприпасы. Очистите дорогу до аэропорта, и подгото-вьте для нас лайнер, не забыв его полностью заправить. Ву ком промэ, Жак?

Кронэ, молчал не меньше тридцати секунд, потом спро-сил:

– А, как же женщины Рут?

– Женщины поедут с нами.

– Умм. Я не могу этого себе позволить, Рут. – Жак, выра-жал сожаление, будто он очень-очень хотел бы, да никак, вот закавыка какая, не мог.

– Вы не дослушали любезный Корнэ. Если через час наши требования не будут выполнены, мы начнём расстреливать заложников мужского пола. Каждые десять минут по одному человеку.

– Вам будет трудно это сделать. Вы же не убийцы.

– Нет, мы не убийцы.

– Вот видите. Это же пожизненное. Разве люди виноваты, что вы попались? Извините меня.

– Не скрою, нам будет нелегко это сделать, но вы сами нас к этому вынуждаете.

– Чем же?

– Своими угрозами. Мы не грабители, а бойцы Ударной

Революционной Армии и действуем в интересах народа. Теперь вам понятно?

– Понятно. Но, час это слишком мало. Нам просто не хватает времени, придётся связываться с военными, гнать броневик сюда, а потом самолёт. Минимум пять часов. Поверьте, я хочу вам помочь и не желаю ничьей крови.

– У вас час. – Зак, бросил трубку.

Через минуту телефон зазвонил снова, но Зандер больше трубку не брал. Час тянулся, как столетие. Самый долгий час в их жизни. К концу срока Юрий заметил, что ломщики засуетились. Час прошёл, а броневик так и не прибыл.

– Что будем делать командир? – Нема, выдвинулась вперёд, держа палец на спусковом крючке.

– Спокойно Нема, не надо суеты. Все по местам, сейчас я им докажу нашу решительность. Играть со мной вздумали суки. Юрий отойди от окна на пять шагов назад. Вот так.

Зандер, поднял свой автомат и дал длинную очередь по стёклам. В закрытом помещении трещотка выстрелов прозвучала мало сказать громко, у людей чуть перепонки не лопнули. Зазвенели стёкла, осыпаясь мелкими осколками. Не успел стихнуть грохот, как запиликал телефон. На этот раз он звук звонка доносился словно из соседней комнаты, заложённые грохотом выстрелов уши налётчиков, реагировали на него с запозданием. Подходить Зак не стал. Время работало на них. Полиция не знала, что Зандер палил только по окнам, а не по заложникам и теперь должны были начать

паниковать они – полицейские свиньи. Через каждые десять минут, эти из УРА, обещали расстреливать по заложнику. Или штурм, или выполнить их требования. Примерно так думал Зак. Он почти угадал, не совсем точно, но близко, перелёт-недолёт, плюс-минус.

Телефон перестал умолять ответить на вызов и на стоянку перед банком въехал широкий армейский полноприводный джип. На крыше у него даже имелась турель для крупнокалиберного пулемёта, самого пулемёта не было, а турель осталась. В такого монстра могли поместиться с десятков солдат в полном обмундировании. Тесно, зато не в обиде. Броневик, развернулся и подъехав вплотную к дверям остановился боком к входу.

«Ура УРА! Неужели у нас всё получилось?». – Так подумали большинство красных налётчиков. Они вышли из укрытий и начали поднимать с пола женщин. Пора было отправляться в путь. Как они надеялись не в последний. И, тут двери броневика раскрылись и из них выпрыгнули два мясника-ломщика. Одновременно, с крыши банковского павильона в банк на верёвках влетели ещё шесть солдат. Начался штурм. Выстрелы слились на несколько страшных секунд в один сплошной гул. Потом прозвучали прощальными аккордами два отдельных пистолетных выхлопа и всё стихло.

Альберт Блондс и Зак Зандер были изрешечены пулями. Нема, была ранена в обе руки, скручена и закована в наручники. От болевого шока она потеряла сознание. Юрий Ру-

бен и Карл Бир были захвачены, избежав тяжёлых телесных травм, несколько ударов по лицу и рёбрам, в расчёт можно было не брать. При штурме пострадали четыре заложника – один был убит, трое ранены. Всех оставшихся в живых членов пятёрки Зака Зандера, погрузили в тюремный автомобиль и увезли в аэропорт, а оттуда их отправили специальным рейсом на грузовом самолёте спецотряда в столицу, и дальше в тюрьму Политического Управления. Гюнтер Кнут, остался доволен.

Глава 8

– Эрик, это ужасно. Зак, мёртв и ещё одного из его группы убили. Это уже три покойника, считая и того несчастного парня, из пятёрки Гана.

– Знаю, Лора, знаю. В нашем деле потерь не избежать. Правда, от этого не легче, ты же сама знаешь.

– Да, только я не думала, что это произойдёт так скоро.

– Мне плохо. Лора, если бы не мы, если бы не я, они бы могли жить.

– Никто в этом не виноват. Во всяком случае, с Заком, точно. Ошибка в выборе объекта. А, вот у Гана, дело обстоит иначе.

– Его нашли.

– Да.

– Нужен партийный суд.

– Не беспокойся, я всё организую.

Глава 9

На следующее утро, после неудачной попытки экс-банка Апельсин, с восходом солнца в одиночную камеру к Юрию, пришёл сам генерал Кнут, в сопровождении двух офицеров, тоже, как и их шеф предпочитавших военному мундиру штатский костюм.

– Что, не спалось? – Кнут и без всяких донесений, знал и видел осунувшееся – щёки, скулы, губы и одновременно одутловатое в районе воспалённых век потерявших за эту ночь последние ресницы, лицо человека заболевшего редкой формой смертельной лихорадки. – Доброго времени суток, я вам не желаю, а вот здоровья, пожалуй.

Юрий, молчал, он не знал, что говорить. По идее надо было, что-нибудь съязвить этакое, при появлении этого типа, которого кроме как палачом, пауком, каннибалом в левой среде, не называли, но ему просто-напросто не хотелось. Страх отпустил его из щупалец своих присосок на краткий миг, там, когда полыхнул штурм. Потом, их— его (он не думал о ещё товарищах, там в темноте «автозака», только о себе) везли куда-то, он не знал, что в аэропорт и на подъезде, страх к нему вернулся. Прокрался, как вор, влился в душу, приняв форму привычного ему с детства сосуда и засвербел, заёрзал холодным воспалением.

Одиночные камеры в столичном изоляторе временного

содержания Политического Управления отличались от других заведений подобного типа белизной, старательно выкрашенных масляной краской, стен. Тюрьма она и есть тюрьма, пускай она хоть изолятор, а хоть камера в линейном полицейском участке. Но, здесь было стерильно чисто, как в операционной, и так же ярко, как на столе хирурга. Железные нары, умывальник, хромированный стальной унитаз, и окно, маленькое, как отдушина, забранное двойной решёткой. Юрий, сидел на краешке нар. Его нижняя губа окончательно обвисла вниз, став сухой и потрескавшейся. Вообще Рубена мучила жажда, а он за всё время нахождения здесь, так и не додумался её утолить. До прихода к нему господ дознавателей, Юрий Рубен лежал, смотрел, не мигая в потолок, прислушивался и ждал.

– Вас зовут Юрий Рубен, ведь так? – Первый вопрос от Кнута. Он склонил голову к плечу, и Юрию почудилось, что на его губах мелькнула улыбка. Но, нет, показалось.

– Да, я Рубен.

Кнут, прошёл к нарам, присел рядом. Сопровождающие офицеры остались стоять у двери.

– Ваш лидер Зак убит, Блондс убит, Ваган в больнице, неизвестно выживет или нет. Остались только вы и Бир.

– Ну, и что?

– Нам нужны имена тех, кто вас во всё это впутал. Не может быть, чтобы вы сами на такое решились.

– Я ничего не знаю.

– Я вам верю, что знаете вы действительно немного. Слишком мало прошло времени. И какие-то вещи вам неизвестны, а о других вы лишь догадывались. Так?

– Мне нечего вам сказать. Я не предатель.

– А! О чём вообще речь? Какое предательство? Мальчишки играли в революцию и всё. Мой долг спасти ваших соратников от дальнейших ошибок. Жизнь сегодняшнего Фаверленда в будущем нашей молодёжи.

Юрий, отвернулся, уставившись в стену.

– На вас плохо влияют рассказы коммунистических вождей о обществе социальной справедливости и прочих сказках пришедших к нам из далёкой варварской России. А, вы знаете, как они там у себя за железным занавесом живут? – Кнут, говорил уверенно, убедительно, а главное спокойно.

Юрий, положил подбородок на грудь.

– Тотальный дефицит товаров, запреты и ограничения. Советы постоянно балансируют на грани голода. Они столько тратят на цензуру, что больше тратят только на армию. Юрий, ну что вы молчите? Я же вам добра хочу, поэтому лично сюда пришёл.

– Мне нечего вам сказать. Мы оперируем с вами разными категориями.

– Какими?

– Неважно, какими, важно, что вы нас никогда не поймёте.

– Почему? Вы попробуйте, я ничего другого так не хочу, как понять.

– Не хочу.

– Вам страшно?

– Нет! – Юрий, вскинул голову, ему очень не хотелось, чтобы его страх почувствовали инквизиторы. Реакция получилась скорой и резкой, чем он только ещё больше себя выдал.

– Хорошо. Бояться честным людям нечего. Итак, какие категории вас интересуют?

– Всё западное общество зашло оказалось в тупике социального развития. Социалистические страны востока тоже не идеал, но они хотя бы пытались вырваться из оков косной материи. У нас учат любить себя и то, что мы это то что на нас надето. Дом или машина говорят о статусе больше, чем мысли и, даже поступки человека. Внешние проявления благополучия, а не жизнь личности. Система даёт бал, на который приглашены костюмы, а не люди.

– Послушайте, Юрий, ну, чем же плохо, если человек хорошо одевается, питается, ездит на последней марки популярного автомобиля, а?

– Плохо, да. Вы и обывателям это внушаете, что ничего дороже денег быть не может. А, их надо тратить. То, есть, кто поумнее говорит, что ощущения это главное. Но, для того чтобы получить такие важные для тебя впечатления, ты должен заплатить. Купи жвачку, поднимешь себе настроение, купи литр газировки и 250 миллилитров счастья получишь бесплатно, купи новые джинсы и у тебя появятся дру-

зья, а если приобретёшь (в кредит естественно) дом, то будет у тебя семья самая лучшая на свете. Купи, купи, купи. Мало, всего мало. Это устарело, то стало не модным, а ты купи и все проблемы решаться сами собой. Ложь! Тобой управляют, как марионеткой в придорожном балагане, да ещё заставляют улыбаться и раскланиваться. Спасибо, что вы меня трахнули мистер! Приходите ещё, я буду ооочень рад.

– Да. Откуда такая озлобленность. Люди так живут, им нужно себя чувствовать важными. Это не система их сделала такими, это они сами придумали систему, чтобы она помогла им лучше удовлетворять их растущие потребности.

– Возможно. Но, человек не животное и должен жить по-другому.

– А, почему бы вам не спросить этого человека самого? Зачем же сразу бомбы в толпу кидать?

– Мы ни в кого бомб не кидали.

– Да, это правда. Пока. Настанет время, будете. Но, я не об этом. Почему вы не спрашивая не чьего мнения, начинаете действовать.

– Современный человек так одурманен вами, что ему не до теорий. Ему бы новую модель телевизора успеть раньше соседа купить, а не революцию устраивать. Он же по 12 часов теперь у станка не надрывается. Его воображение надо потрясти, да так, чтобы у него родимчик случился. А, мы катализаторы этого процесса. И, вам нас не остановить.

– Этого и не потребуется, вы уничтожите сами себя. Это

вам, по молодости лет, кажется, что вы двигаете историю вперёд. Нет, вы разрушители, а восстанавливать после ваших игрищ приходится им, от кого вы нос воротите. Вам разговаривать с ними не о чем. Так?

– Не с ними, а с вами.

– Это всё равно, я типичный представитель нашей нации. А, у вас подростковый жар.

Юрий, не желая того, дал вовлечь себя в спор, и хотел что-то возразить, но услышал:

– Ладно, не стоит тратить ваше красноречие на меня. Ваши идеи мне понятны, они не новы и увы, опасны. От них портиться кровь. Вы не глупы и должны понять, что зла я вам не желаю, хоть взглядов ваших и не разделяю. Искренняя вера, пускай и с изрядной примесью фанатизма, не может, не вызывать уважения. Я предлагаю вам жизнь. Стройте её, как хотите, в своё удовольствие, реализуйте своё право на свободу выбора и другим дайте шанс умереть всеми уважаемыми стариками.

– Это вы о ком?

– О ваших друзьях. Скажите, кто они, помогите им и себе. Ничего страшного не случится. Они не узнают, почему вдруг очутились у нас. Им придётся отсидеть. Немного, год, или меньше. Зато они останутся живы. Уверен, что из заключения они выйдут другими людьми. Вы знаете, я не сторонник долгих сроков, считаю, они портят человека, иногда окончательно делают асоциальным. Другое дело, малое на-

казание с интенсивным позитивным воздействием на личность, плюс после тюремная реабилитация, адаптация. Всё у вас и у них будет хорошо. Согласны?

– Идите к чёрту! – Юрий, снова отвернулся.

– Зачем вы так. Подумайте.

Кнут, дал Рубену, осмыслить его предложение. Видя, что объект упорствует, совсем уж тихо, вкрадчивым голосом добавил:

– Прошу вас подумайте. Ведь больно будет очень.

Юрий, услышал, то что ждал. Он вздрогнул, нижняя отключенная губа затряслась, он сжался, хотел повторить, что ничего не знает, но не стал, подумал, что это будет выглядеть малодушием.

– Мы с вами больше не увидимся Юрий. Ваши показания мне принесут через два часа, вот эти офицеры. – Кнут, кивком головы указал на стоящих за его спиной людей с лицами масками выражающими убеждённую безжалостность государственных палачей. – Вы с ними будете вынуждены быть откровенны.

Кнут, встал и исчез за дверью. До, того момента, как дверь снова бесшумно распахнулась, специалисты интенсивных методов допроса спец отряда, стояли неподвижно. Но, вот в камеру втиснулся бородатый мясистый мужчина в мясницком белом (всегда в белом, белый цвет в изоляторе предпочитался тюремным начальством всем другим) вкатил тележку. Офицеры переоделись. Пока мужчина неизвестного

звания стоял и наблюдал за Юрием, он сам имел возможность лицезреть, как бесстыжие офицеры, нарочито напоказ, переодевались прямо перед ним – обнажившись до трусов, продемонстрировали мускулистые, натренированные тела и сразу закрылись такими же фартуками, близнецами фартука бородатого. На ноги одели какие-то чудные ботинки – гибрид кроссовок и военных бот, на руки натянули тонкие резиновые перчатки, глаза закрыли прозрачными баллистическими очками жёлтого стекла, похожими на те, которые используют на месте учебных стрельбищ, для защиты зрения стрелков. Очевидно очки, в этот раз, будут использоваться для других целей, защиты не от твёрдого или газообразного, а от жидкого и липкого.

Некуда не спешащие, казалось перепутавшие изолятор с раздевалкой, люди в камере Рубена, будто и не замечали его. Работали молча, деловито. Закончив с переодеваниями, политические мясники достали из недр тележки нейлоновые верёвки и перекинули их через два небольших железных кольца аккуратно вмонтированных в потолок камеры. Они тоже выкрашенные в белый цвет так органично сливались с окружающей средой, так что Юрий пялившейся несколько часов подряд в белую безнадёжность, их не заметил.

Тумбочка на тележке трансформировалась в многоуровневый столик, на каждой полочке, которого размещались в пластмассовых голубых матово-прозрачных коробочках великое множество предметов служащих для гарантированно-

го выяснения любой информации. Отдельно, на боковой раме крепился ящик аккумулятора. Магия искусственных материалов, чужеродных, но волей операторов соединяющихся с плотью испытуемого, открывающих сокровенные тайны подопытного.

К Юрию подошли, подняли за подмышку (он и не думал сопротивляться, ужас победил волю), раздели до гола, поднесли на руках под кольца, обвязали верёвкой, в районе локотков и понеслось. Юрия вздёрунули к потолку. Дыба. Примитивная дыба, служащая не для выяснения тайн, а для варварской болезненной фиксации пленника. Первые секунды он не чувствовал боли. Бородатый мастер навалился на него, обнял за талию и потянул. Вывернутые суставы завывали сиреной, внезапно и мощно. Все кошмары Рубена воплотились в реальность. Чего боишься то и случится. Спецы начали допрос.

– Имена, адреса, локация руководства, места встреч, время. – Монотонно перечислял офицер интересующие свиней данные, будто читал список покупок написанный, ему в подказку, женой.

Юрий, закусил губу. Другой офицер, с выдвинутой вперёд челюстью, свинцовым близко взглядом, сверкнув зрачками, достал из нижнего ящика тумбочки светло-коричневую колбасу дубинки. Гладкая синтетическая мягкая, растягивающаяся оболочка скрывала в себе смесь песка и свинцовой дроби, она хорошо сохраняла форму и сокрушительно

воздействовала на внутренние органы, замечательно оберегая поверхность кожи чистой от синяков.

Бил мастер с оттягом. Хлопали шлепки, бока проваливались, Юрий икал. Почки, схватывала рука в железной перчатке, сжимала и мяла. Правая, левая, печень. После удара по печени, тяжёлой колбасой, Юрий подумал всё – конец. Захотелось лечь и потерять сознание, но он висел и всё, что ему удалось из себя выдавить, вылилось в подрагивающие икры. Ноющая, непрекращающаяся ни на секунду боль в плечах отступила на второй план, померкла уйдя в тень заслонившего сознание колоссального метеора нестерпимой муки ударившей по самому темечку. Наказующая кишка влипла в живот, перелетела на рёбра, опять вернулась, впечатываясь в живот. От таких ударов вполне могло произойти непроизвольное опорожнение кишечника совместно с мочевым пузырьём. Хорошо, что Юрий был пуст, не пил и не ел долгое время. Он застонал.

– Нет? – Кто-то склонился над ухом, спросил, послушал стоны, отошёл.

Бить его перестали. Через минуту выяснилось для чего. В вену локтевого сгиба правой руки воткнули иглу шприца. Внутривенное вливание произвели грубо. Жжение из вены перетекло в шею, а с неё перекинулось на позвоночник. Вытягивая последние силы, заломило героиновым отходняком кости. Следующий этап действия подлого препарата накатиł слепотой. Юрий, перестал видеть. Полный закат зрения про-

разошёлся, вошёл в контролируемый раж. Боль прошибала от пяток через костный мозг до мозжичка. Юрий, не выдержал, вместе с появлением выдавливаемого из пор тела слизью пота, стоны оформились в более осмысленные звуки – «ОЙЛЯА АМАЯААА ОЙ БОЛНААА». – На двадцатом ударе, ему вышибло пробки, лампочки под крышкой черепа потухли. Как, только мастера поняли, по обмякшей щуплой фигуре клиента, что он совершил попытку к бегству, они его сняли, уложив на нары. В чувство его привели быстро. Пощёчины, пузырёк с термоядерной смесью спиртов и солей, сунутый прямо в нос, реанимировал Юрия. Он открыл глаза. По-прежнему он не различал лиц своих мучителей ориентируясь на слух.

– Говори.

Юрий, молчал.

– Хочешь, чтобы мы продолжили?

«Я хочу умереть. Господи, дай мне смерть». – Юрий, не верил в бога, но в этом аду, он захотел, чтобы бог существовал на самом деле и услышав его отчаянную молитву, пожалев, наградил за перенесённые страдания инфарктом. Он, хотел смерти, а получил твёрдое, для него безапелляционное, доказательство не существования бога. – «Лучше бы мы все ошибались. Не надо больше, я не хочу, не выдержу». – Юрий, не просил мастеров, не озвучивал свои мольбы, он, оставив надежду на божественное вмешательство, просил того, кто заменял бога на Земле. Не зная его имени, он

клялся и давал обещания, лишь бы нечего не сказать. Лучше конечно умереть, сил уже не оставалось. Лучше бы его не снимали с дыбы, так бы болтаясь в силках, Юрий мог протянуть ещё немного, а так вернуться обратно в глубокие воды столь кардинального вмешательства в его анатомию, было невозможно.

Его вернули, подвесив свиным окороком, обратно под потолок. Жутко, в тот момент, когда он почувствовал, как затягиваются на локтях огненные верёвки, предчувствуя, каждой клеточкой орущей в ужасе – «Остановись!!», – новую сессию боли, он чуть не сломался и не рассказал всё, что знал, пускай этого знания и набралось бы с чайную ложку. Иногда предать можно, одним словом и Юрий его не сказал.

Тележку, с инструментами подкатили ближе. Самое тёмное, самое большое пятно протянуло отростки (руки) к ящичку, закреплённому с боку. Раскрутились усики проводов. Пах дёрнуло, крокодильчики зажимов укусили в самое нежное, интимное место. Пятно вернулось к тележке, другие две тёмные размытости встали у него за спиной. Щелкнул тумблер, заспешил, чирикавая по меткам треугольник указателя на круглой серой ручке, большой палец вдавил кнопку. Ток это игла с челюстями, хватающими и протыкающими насквозь мягкие ткани, сжигающая раскалёнными импульсами нервы, вырывающая из мозга способность к сопротивлению. Больно это не то слово. Другой уровень восприятия бытия. Через мужское достоинство сразу в беспомощный дебилизм.

Фантом мнимой кастрации бьющей сразу во все цели. Юрий, дергался и замирал в застывшей судороге, ток выключали, мышцы расслаблялись в каучуковую кашу, ток включали и мускулы становились стальными канатами, изгибающимися до качества предшествующего перелому. Спецы мастера повышали напряжение и больше ничего не спрашивали. Они знали границу, за которой ломался позвоночник, и вытекали глаза. Зажарить пациента им приказа не поступало, да и нужно было подключить клиента напрямую к сети, поэтому пытку прекратили за секунду до точки невозврата нанесения непоправимого вреда здоровью.

Пациент впал в состояние каталептического транса. Мастера по опыту знали, что перейдя в стадию сознания стороннего наблюдателя, Юрий стал недоступен для их методов. Продолжать пытку дальше означало рисковать получить на выходе не нужную информацию, а варёный овощ. Юрия, перенесли на железное ложе, жёстко привязали к нему, собрались и не переодеваясь в мирское, ушли. Революционер получил сбой не только зрения, электрошоковая терапия лишила его (на время) слуха, а заодно и вкуса. Он лежал на спине и должен был видеть лишь нечёткий мираж белого полотна потолка, но Юрий, непонятным образом, мог наблюдать себя со стороны, он стал, как бы, обладать удалённым зрением. Смотрел на себя сверху, и видел все детали своего плачевного состояния сверх чётко, разбирая мельчайшие подробности. Неужели это он? Бледный, исчезающий, таю-

щий призрак человека. Скулы заострились, щёк нет, нижняя губа, раньше пухлая, потеряла свой цвет, объём, рот запал словно обеззубев, колодцы глаз залило жидким красным занавесом тотальных кровоизлияний. Боль сотворила чудо! Страх отступил, исчез навсегда. Способ избавиться от страха для Юрия оказался, до невозможности, радикальным и по всем законам природы, невыносимым, но единственно верным. Он встал над мирским, пытки его не сломали, а уплотнили, придали новые свойства духу. Свершилось подобие чуда, как будто из обычной мягкой безвольной железной руды, умелый кузнец выковал булатный стальной клинок. Редкое положительное уродство. Полноценным бойцом он быть перестал, но для него открылся прямой путь к роли красного пророка и провидца, впрочем, по которому он мог и не пойти. Не нужный талант в одиночной камере. Проповедовать некому.

Глава 10

Первый удачный экс совершила центральная группа Эйха. Для этого Генрике Шваб пришлось устроиться горничной в загородную резиденцию к заместителю главы администрации соседней, со столичной, области. Бон Крем, был не простым чиновником, он брал взятки, не как все, периодически, он брал их всегда. Знали об этом многие, но необходимых для заведения уголовного дела доказательств, как это часто бывает, почему-то не находилось. Бон, обладал харизмой, и его даже оппозиционная пресса ругала особым образом с налётом симпатии в эпитетах и прозвищах. Молодой амбициозный негодяй, с удовольствием появлялся на всех официальных мероприятиях власти и явно метил стать игроком на поле большой политики с обязательным последующим переездом в Давинвиль. А, пока его не избрали в парламент или не призвали в ряды чиновничьего аппарата высшей власти государства, он богател воровством. Лоббирование интересов не жадных предпринимателей приносило ему фантастический доход сравнимый разве только с темпами накопления состояния самыми богатыми собственниками предприятий страны. Вот так, всё всем известно и никто не против, конечно пока прилюдно за руку не поймали. Но, до этого далеко. Годы. А, за этот срок Крему вполне по силам было занять место столпа общества, априори лишённого подозре-

ний. Прошлое в мире потребления забывалось быстро, имело значение лишь состояние здесь и сейчас. Единственный минус обладания несчётным количеством марок заключался в том, что их трудно было обелить, положить на счёт в банке. А, значит, Бон Крем хранил деньги где-то недалеко от себя любимого. Идеальное место это собственный дом, лучше не городская квартира, а особняк за городом. Для проверки этой теории Эрик Эйх отправил кудрявую симпатюлю Генрику во временное рабство в горничные.

Молоденькая Генрика пришлась по вкусу Крему, несколько раз он предпринимал попытки к её соращению, но не получалось. И, вроде девушка не отказывала наотрез, а выходило так, что до логичного конца интрига флирта никогда не доходила. Да, и времени для серьёзного адюльтера (Крем был женат, имел двоих детей. Семья жила в городе.) не хватало. Сам Бон, не был лишён сексуальной привлекательности. Приложением к харизме шло тело содержащееся им в стандартах красоты принятых в Фаверленде. Организованность и порядок, раз и навсегда заведённый помогали сохранять лёгкость свойственную юношам. В тридцать пять лет он выглядел на двадцать пять – румяный, с открытым лицом солиста популярной группы и вдумчивым взглядом голубых глаз. Последняя черта, особенно ценилась в Фаверленде, где целая нация (раньше, во всяком случае, пока окончательно не погрязла в болоте зависимости от ценностей материального мира) вела свой род от потомков древнего великого пле-

мени ариев.

Этот красавец посещал особняк наездами. За те две недели, что Генрика убиралась в доме, она видела его всего четыре, потных липко похотливых, раза. Честно сказать он ей не то, что бы физически не нравился, но вызывал чувство классовой ненависти. Гремучая смесь между сексуальной привлекательностью и духовной нищетой, с набитыми, в её дырявом кафтане, доверху карманами насекомыми алчности, зависти, лжи. Поэтому, борясь с искушением, Эрика, как можно скорее хотела справиться с заданием, что ей, в конце концов и удалось. Деньги хранились в подвале. Крем, посещал особняк, в общем-то, с одной целью – привести новую партию могущественных бумажек и проверить, как оно там, его неучтённое налоговой службой, богатство поживает. А, пощупать горничную никогда не помещает. Бон, был уверен, что её бастионы не выдержат упорных попыток штурма, и он, в конце концов, победителем заберётся к ней в центральную башню.

– Генрика, ты уверена, что деньги там? – На связь к горничной в течение этих недель выходила Лора. Они встречались в выходные, в кафе городка Шайзендорн лежащего в пяти милях к югу, от посёлка, и загородного дома Крема. Девушки располагались в углу, на мягких синих диванчиках, заказывали кофе и болтали. Со стороны выглядело всё пристойно. Подруги встретились обсудить свои женские глупости, не более.

– Да. Видела, как он туда три раза баулы таскал.

– А, сейф? Есть там сейф?

– Не думаю. Что это за сейф должен быть? Если только на вроде банковского. Слишком уж денег там должно быть много.

– Всё равно, этого исключать нельзя.

– Идти можно хоть сегодня.

– Да, тянуть нечего. Нам нужны средства. Посиди, я пойду Эрику позвоню.

Лора, встала и вышла на улицу, направляясь к телефонному автомату, стоящему на другой стороне улицы. Через несколько минут она вернулась.

– В особняк ты больше не вернёшься. Уезжаем прямо сейчас.

– Решили когда?

– После. Пошли.

Девушки, расплатились заранее, их ничто не удерживало в кафе. Так и не допив кофе, они покинули гостеприимный уют домашней забегаловки, чтобы никогда сюда больше не возвращаться.

Забор, окружающий виллу Крема, мог преодолеть и ребёнок. Невысокая, отлитая из чугуна, ограда доходила взрослому человеку едва ли до подбородка. Территорию охраняли два сторожа. Охраняли, сильно сказано, пунктуально осуществляли обход каждые два часа. Выходя их дома, они расходились в разные стороны, чтобы обогнув по периметру

владения хозяина, встретиться один раз на середине пути, а второй раз на пороге дома, там же, откуда они начали путь. Всё больше никаких видимых препятствий. Дом не стоял на сигнализации, их агент определил это точно. Генрика, вычертила схему дома и хозяйственных построек. Несколько раз пыталась проникнуть в подвал и всякий раз ей путь преграждала массивная дверь, всё время закрытая, молчаливая, стерегущая. К счастью в подвал можно было попасть через несколько окошек расположенных на уровне земли. Окошки были покрашены красной, в цвет кирпичных стен дома, краской, но не имели решёток. Горизонтально вытянутые, узкие, и всё же, при известной ловкости пролезть в них можно. Грабители всё рассчитали точно. Ночной обход сторожей, час проникновения и запасшись всем необходимым, подкатили к вилле в час ночи. Припарковавшись на противоположной от территории дома обочине, с выключенными огнями на взятой напрокат тачке, рядом с оградой, дождавшись, когда сторожа выполнят надоевший им ритуал обхода вышли на подвиг в душистый мрак весны. Вила, погружённая в спячку, освещалась снаружи несколькими квадратными, подвешенными под крышу фонарями, в остальном она безмолвствовала, помигивая отсветами, тёмных окон.

Пригибаясь, будто бегущие по полю боя солдаты, бойцы первой пятёрки промелькнули, пересекая тропинки, прикрываясь кустами, ухоженного ландшафтными дизайнерами, сада, обойдя здание оказались у подвального окошка.

Фонарики пока не зажигали. Освещения исходящего от дома вполне хватало. Окно было закрыто изнутри. Ничего неожиданного. Эрик, достал из кармана стеклорез, лист тонкой бумаги и баночку с клеем. Бумагу он жирно намазал клеем, пристроил лист у нижнего края рамы, посередине окна и ловко обвёл белый прямоугольник стеклорезом. В ночной тиши, скрип алмазного резца прокладывающего себе путь через изменённый температурой сплав кремния, показался ребятам звуком пикирующего бомбардировщика. Эрик, повторил манипуляцию пару раз, после чего, обстучал обведённую зону по её границам, надавив пальцами на нижнюю черту. – «Чик». – Вырезанный кусок стекла обмотанный бумагой выпал. – «Опа!». – Ещё немного и он бы упал на бетонное основание дома. Эрик, успел его подхватить. Отложив кусок в сторону, он занялся вторым стеклом. Пока их лидер работал, остальные заготовки революционеров, маялись от безделья, они стояли у него по бокам, вжавшись в стену дома, с напряжением всматриваясь в окружающую их пустоту ночи.

Эрик, справившись и со второй преградой, нащупал пимпочку ручного замка, нажал, повернул, и рама откинулась вверх и внутрь. Поодиночке, помогая друг другу, пятёрка протиснулась в подвал. Только, когда спустились, зажгли фонарики. Подвал, оказался не так велик, как они предполагали, из-за того, что значительную его часть занимал сейф. Ну, надо же! Как это Крем умудрился сюда его запихать. А, чи-

новник оказался не таким дураком, как они рассчитывали. Эрик, прикинув толщину бронированных стенок этого банковского монстра, понял, что трёх шашек динамита, захваченных им на дело, не хватит, чтобы его откупорить. Неужели УРА, постигла очередная неудача. Нет! Он обошёл сейф и здесь подал голос Вил Авен, он даже в таких условиях не отказался от своих очков, тем более было странно, что он их обнаружил первым. Наверное, просто растерялся меньше других, вот и получил награду за внимательность.

– Идите, скорее сюда. – Подождав пока все соберутся вокруг него, он присел на корточки и раскрыл стоящую на полу спортивную сумку. – А, каково?

Сумка оказалась на добрую половину заполнена пачками новеньких марок достоинством по сто каждая.

– Ага. Молодец Вил. Так держать дружище. – Эрик, одобряюще похлопал его по плечу. – Продолжим обыск.

Ребята разбрелись по подвалу, но так ничего больше и не нашли.

– Всё. Эта сволочь, очень спешила, поэтому оставила сумку здесь, а не положила в сейф. – Петер, подошёл к Эйху. – Уходим, взяли, что взяли, незачем нам дальше рисковать.

– Ты прав.

Не тратя время на дальнейшие поиски, бойцы выбрались наружу и никем не замеченными вернулись к машине. Первый их экс вышел на удивление лёгким. Взяли они у Крема, двести тридцать тысяч, хороший кусок. Начало процес-

су экспроприации было положено. А, на следующее утро, с севера страны, пришла еще одна радостная новость. СМИ взахлёб обсуждали очередную, на этот раз удачную, попытку насильственного отъёма лишних денег у зажравшихся буржуев. Пятёрка УРА, на которую Эйх, не очень-то и рассчитывал, ограбила оптовую продуктовую базу у себя в городе. Под вечер, перед самой инкассацией, парни заявили на базу, в обычной униформе – чёрная одежда, красные повязки на лицах и поставили всех раком. Пугнули торгашей, выстрелив несколько раз в воздух. Взяли всю кассу, больше пятидесяти тысяч и свалили, растворившись в наступившем мареве тёплого вечера. На память о себе бойцы оставили с десятков листовок, с напечатанным на них текстом манифеста о создании УРАФ. По ним-то их и отличили господа полицаи от обычных представителей криминала. Жареная сенсация взбудоражила общество. С учётом налёта на банк пятёрки Зандера Зака (впрочем, фамилии налётчиков скрывались от общества следствием), это был уже второй инцидент за неделю. Бесплатная реклама организации, неминуемо должна была впрыснуть в её жилы новую кровь. Следовало ожидать наплыва новобранцев. Напряжение сгущалось, как перед грядущей бурей. На фиолетовой линии горизонта собирались тучи, вдалеке клокотал гром, становилось душно. Предчувствие перемен, тяжёлое и чем-то необыкновенно радостное пробивало себе путь к солнцу на мещанских пашнях общества Фаверленда.

Глава 11

Эрик Эйх, с товарищами готовил новый экс, когда к нему пришёл вызов от Кариса Гана на партийный суд над трусом и злостным раздолбышем Марком Сионом. С собой он взял Лору Вайнхоф (она была вторым лицом в партии) и Петера Сваара, который хотел вначале отказаться, но после состоявшегося между ним и Эйхом разговора согласился:

– Зачем, я там нужен? Без меня, что ли не справитесь?

– Как сказать. Тебе полезно будет.

– Ты же знаешь, я планирую экс. Сам нашёл их, и хочу всё сделать наверняка.

– Суд состоится за городом. Два часа на дорогу туда, два обратно и там час, не больше. Из процесса не выпадешь, не бойся. Тем более этот Сион, тебе должен понравиться.

– Сион? Он, что из тех самых, знаменитых банкиров?

– Вовсе нет. Ха Ха. Что ты такое говоришь вообще? Короче поедешь с нами.

– Хорошо. – Петер, согласился, ему стало интересно поглядеть на однофамильца самой известной мокрицы владеющей контрольными пакетами семи самых крупных банков страны. – «Везде эти Сионы, куда не плюнь. Ладно, посмотрим на дегенерата».

Суд, проходил в одном из помещений первого этажа какого-то, предназначенного на скорый снос, бывшего жилого

дома. Здание стояло на отшибе, большинство таких же, как оно развалюх в этом микрорайоне заштатного городка промышленной зоны области, уже были снесены. Дом же вжался между канавой, заросшей противной зеленью, умирающей речушки и свалкой строительного мусора, необрушенных остатков таких же, как он домов. Может о нём забыли, а может, оставили на потом. В любом случае, люди заглядывали сюда редко. Наверняка забегали поиграть ребятишки, но ничего интересного для них здесь не осталось. Сыро, неудобно, пахло плесенью и фекалиями. Площадку для действия кое-как расчистили, установили колченогий стол, ребята достали старые, но крепкие стулья для судей. Присутствовали на суде три представителя штаба (он же первая пятёрка), командир Карис Ган, два его бойца и сам подсудимый Сион. Мокнущая, в ожидание близкого разрушения стены, штукатурка, тусклый свет пробивающей себе дорогу через острые бритвы осколков оконных стекол и презрение. Та ещё атмосферка.

Четверо сидели за столом, застеленным свежими сухими газетами, а у стены на стуле без спинки, скукожился Сион. Двое рядовых бойцов сторожили снаружи, наблюдая за подходами к дому.

– Обычная история трусости. Ничего в ней удивительного я не вижу, кроме того, что она произошла у нас в первый раз. – Эрик, выслушав рассказ Гана, сбивчивые оправдания Сиона, его же ответы на вопросы, подводил черту. – К сожалению, мы ещё не раз, можем столкнуться с подобным. И,

самое главное, сейчас для нас это дать пример, тому образу действий, которому должны придерживаться партийцы в схожих обстоятельствах.

– Дайте мне шанс! – Всхлипнул Сион. Он повернул своё опухшее от побоев лицо к судьям и молитвенно сложил руки.

– Заткнись ты! – Ган, вскочил с места и побежал бы на труса, если бы его не удержал за куртку Петер, которому всё это ужасно нравилось. К мордобою перейти всегда можно успеть, а вот понаблюдать за крысой, настоящей человекоподобной крысой, шанс редко выпадает.

– Я ничего не успел сделать! За что вы меня судите? Ну, в чём моя вина?

– Ах, ты! – Ган, опять сорвался со стула и опять же был водворён на место Петером.

– Карис, пускай говорит. – Лора, положила свою ладонь сверху ладони Гана и сжала.

– Да, пускай говорит. – Эрик, был согласен со своей гражданской женой.

Увидев в таком отношении лидеров партии к нему, некий процент лояльности, Марк, затараторил:

– В самом деле, я ошибся. Каждый мог не заметить. Я хотел предупредить, правда, но не успел, они стрелять начали. Что мне оставалось? С голыми руками на них бежать? Простите меня.

– Врёшь ты. И время у тебя было, и до этого ты должен

был знать, что Пухиса так охраняют. Просто не мог не видеть, как за ним всякий раз приезжают. – Ган, был непреклонен. Спокойно говорить ему удавалось с трудом, он сдерживал себя, как мог, но если бы не присутствие товарищей, он бы опять сорвался и накомылялся этому ублюдку, в очередной раз. – Из-за тебя погиб Шен, а Отто был ранен.

– Я растерялся. Это же был мой первый экс.

– У всех был первый. – Уточнил Эрик. – Не в этом суть. Сион удрал, когда мог предупредить. Я, считаю, степень его вины должны определять, прежде всего, те кого он предал. Моё же мнение Сион виновен.

– Виновен. – Лора.

– Виновен. – Петер.

Карис, молчал, он и без голосования, до этого, ясно выразил своё мнение.

– Карис, позови своих бойцов. За ними последнее слово. Как они решат, так и сделаем. – Лора, кивнула на дверной проём.

Ган, порывисто встав вышел. Когда пришли люди Гана, Сион, совсем обезумел от страха, он сполз со стула и забился в угол, закрыв лицо руками и подтянув под себя колени, сразу став маленьким, отвратительно жалким. Парни знали, зачем их позвали. Они сверлили суровыми взглядами мясной комок гнили, воплощённого природой, по ошибке, в реальность человека, материального аналога испуга и их тошнило. Отто, с прострелянным навывлет бицепсом, отвернулся

первым, его примеру последовал и товарищ.

– Таким жить незачем. – Отто, говорил глухо. Он мучился от омерзения.

– Да, смерть. – Второй боец согласился с товарищем.

В углу что-то пискнуло. Эрик, по праву председательствующего, взял слово:

– Сион, приговаривается к смерти. Привести приговор в исполнение нужно прямо сейчас. Остаётся определить, кто воплотит приговор в жизнь.

Все дружно отвели глаза в стороны. Неосознанный невербальный сигнал, нежелания марать руки. Только Петер, как смотрел прямо перед собой, так и не моргнув глазом, продолжил наблюдать за Сионом. А, потом и Лора, упрямо взмахнула своей прелестной головкой шире распахнула, ставшими по кошачьи хищными, глаза. Петер, опередил её.

– Товарищи, я думаю, мне это по силам. Не хочу, но надо. Каждый должен пройти через что-то подобное. Я имею ввиду кровь. Убить свинью или взорвать мясника из спецотряда, важно и правильно так же, как раздавить этого таракана.

Отдав дань мужеству товарища Эрик, пожал ему руку. Примеру лидера последовали и все остальные. Петер остался в комнате один на один с Сионом, остальные революционеры деликатно вышли. Интим казни требовал сосредоточения и не терпел любопытства лишних зрителей. Палач и жертва, остальные посторонние, не нужные. Петер достал из кобуры висевшей у него подмышкой кустарно изготовленный писто-

лет с коротким квадратным стволом. Сион, как сжался при объявлении его участи, так больше и не двигался, замерев в позе гусеницы скрутившейся колёсиком.

Петер, чувствовал приятную истому возбуждения, смешанную с необычным жгучим стыдом, происходящим от того, что он, на самом деле, хотел выстрелить, хотел убить. Для него казнь не была чем-то недопустимым или вынужденной мерой, она органично выписывалась в его внутреннее мироощущение. Враги должны умирать. И, он не должен грустить по этому поводу. Получать удовольствие от смерти врага, представлялось ему нормальным, хотя и не озвучиваемым, пропагандируемым на людях, явлением.

«Подойти поближе, чтобы лучше было видно». – Петер, сделал два маленьких шажка вперёд. Теперь ближе некуда, ещё шаг и придётся, уперев дуло в затылок, стрелять в упор. – «Нет, не стоит. Может окатить. Потом вещи стирать. А, руки, однако трясутся. Фу, ты, ну нажимай же». – Петер, обхватил рукоятку второй рукой. Дёрнул указательным пальцем за крючку. У него перехватило дыхание от так ожидаемого им выстрела. Нет, ничего не произошло. Нет отдачи, нет дыма, нет крови. Петер, нажал на курок ещё подряд несколько раз. Поделка партийного оружейника дала осечку. Патрон перекосило. Дрожащими пальцами он постарался выковырять его, но не удалось. Разбирать пистолет он не решился, устройство знал плохо и раз разобрал, мог и не собрать вновь. Петер, подойдя к двери позвал товарищей. На

зов явилась Лора, она шёпотом поинтересовалась, что случилось, он ей ответил тоже шёпотом. Узнав про осечку, она одолжила Сваару, свою пушку и поспешила обратиться.

Дождавшись ухода Вайнхофф, взвесил её пистолет на ладони. Он был меньшего размера, чем пугач давший осечку. Оружейник, как истинный творец, старался не повторяться и каждый новый ствол у него выходил другим. Но, все они болели болезнью слабой надёжности и отчаянно косили мимо, а, других, настоящих, заводских пушек раздобыть им не удавалось.

Теперь, должно получиться. Подсознание, говорило, что опять произойдёт осечка, но руки уже дрожали меньше. А, Сион так и продолжал пассивно стараться вращать поганкой в бетон. Сваару, даже показалось, что он потерял сознание. Но, Петер ошибался Сион, впал в кататонию предсмертного транса. Так было лучше, он так долго страдал от своего малодушия, что природа сжалилась над ним одарив вариантом тихого помешательства. Хороший выход для любого смертника, а для него и подавно.

Осечки не случилось. Пистолет в руке Петера подпрыгнул взбесившемся, от укуса шершня, мустангом и, выпустив розовый факел пламени, отпустил пулю на волю. Основание черепа Сиона сдвинулось, лицо ещё сильнее вжалось в угол, голова приобрела нимб из серо-красных брызг. Что, там стало на самом деле с его лицом, Петер так и не увидел, да, он и не хотел. С трусом было покончено, тем не менее, доб-

росовестный Петер выстрели ещё два раза, оба раза попав в цель – в голову. Череп потеряв исходную форму стал похож на смятый колесом грузовика волосатый арбуз. Петера, посетила вонючая отрыжка. Повернувшись на каблуках он вышел из комнаты с зажатым в кулаке пистолетом Вайнхофф. Никто из ребят, не решился пойти, проконтролировать действия Петера. Констатация факта смерти предателя была взята революционерами на веру.

Глава 12

После того, как Петер отличился на суде, предстоящий их группе экс перестал вызывать в нём неприятную тревожность гриппозного озноба. Теперь на действия связанные с риском он стал смотреть проще. Дело группе Эйха предстояло хлопотное, но не такое опасное, как даже предыдущее. Немного решительной наглости и партийная касса пополнится на энную, как все надеялись, не маленькую сумму. Петер, предлагал вскрыть кубышку одной тоталитарной секты, совершенно идиотского толка, с живым воплощением инопланетного Христа во главе, требующего к себе преклонения в виде ежедневного бичевания ягодиц его адептов. Естественно, чтобы дойти до уровня массового покаяния в присутствии самого непогрешимого и белоликого Христа, прилетевшего с планеты небесного рая из созвездия осьминога, навести на своей земной вотчине порядок, надо было отдать все деньги секте, а ещё лучше переписать на мирское имя руководителя всё имущество. Первостатейный бред, однако, имеющий массу поклонников среди психически сломленной, потерявшей всякие духовные ориентиры, прослойки интеллигенции определённого толка. Самозванный Христос мозги промывать умел отлично. Три месяца в секте и человек менялся, начиная смотреть преимущественно в себя любимого, превращая разум в точку, отрекаясь от семьи, забы-

вая и преклоняя колени, обнажая зады и бичуя себя, соседа, принимая удары от себя, соседа, а иногда и от руки самого бога!

Квартиру, где жил белоликий Христос, вычислили. Дождались пока боженька останется лишь с несколькими своими приближёнными, так называемыми крестителями, и пошли за деньгами. Подъезд, пять лестничных пролётов и они у цели. Дверь обита мягким материалом, типа поролон, прикрытым синей кожей. Глазок, замазав чёрной краской, позвонили. Генрика, как обладательница самого нежного голоса вышла вперёд.

– Кто? – Сердито, настороженно буркнула дверь.

– Это я Кати, – революционеры знали, что среди прихожан надомной церкви есть и такая юная дурочка, сегодня её на службе не было, что играло им на руку – мне к боженьке. Я опоздала, а он говорил приходить, как смогу.

За дверью заворчали. Между собой спорили вроде, как двое.

– Приходи завтра. Христос отдыхает.

– Завтра не могу, он мне сказал сегодня.

Революционеры ничем не рисковали, зная сластолюбие белоликого, даже если бы его приспешники решились пойти спросить его мнения, он, скорее всего, приказал впустить фальшивую Кати – побаловаться молитвой, причастить, как следует, девушку. А, как же, ничто человеческое богу не чуждо.

Застрекотал замок, лязгнул другой, звякнула цепочка, ворота в божье царство открылись. Дальше пятёрка действовала, как группа захвата. Ворвались, повалили в прихожей двух тёток в виде жировых тумб и пока Лора с Генрикой затыкали им скотчем рты и связывали руки, мужская часть пятёрки понеслись, всё сметающем на своём ходу, вихрем громко выкрикивая команды – «Лежать! Мордой вниз! Быстро! Не смотреть! Не дышать! Убьём!». – Такая какофония накатила в тесной квартирке белоликого Христа акустическим ударом свалив с ног, как самого боженьку пришельца, та и ещё одного его крестителя. Итого в трёхкомнатных апартаментах находилась четыре сектанта – все они с трясущимися поджилками, меньше через минуту скучали, нюхая паркет не первой свежести. Красные грабители обыскали квартиру. Искомое богатство было найдено в подсобке. Пачки денег разной толщины лежали сложенными, в отдельные квадратные кубики кучек, прямо на полу. Набив ими принесённую с собой сумку, революционеры покинули разгромленную христову хатку, оставив после себя беспомощно мычащих через нос, связанных крестителей и их толстопузого, голозадного, козлинобородого господина.

Подсчитав барыши, к первым двухсот пятидесяти тысячам, пятёрка Эйха добавила ещё сто тридцать тысяч марок. С учётом северного экса набегала солидная сумма вполне способная обеспечить безбедное существование УРА на ближайшие три месяца «Красного Лета».

Глава 13

30 мая в главные СМИ Фаверленда поступил некий документ, который был озаглавлен, как боевой листок партии УРАФ, под лаконичным коротким названием – «Луч».

Ежемесячный боевой листок:

ЛУЧ.

Выпуск первый.

Товарищи, неравнодушные граждане Фаверленда! Мы объявляем войну большому капиталу и Системе. Наступающее лето засверкает месяцами нашего триумфа. Красное лето изменит историю, повернёт колесо развития нашей страны в нужную сторону. Период подготовки закончен. Нами осуществлены несколько операций по экспроприации денежных средств у преступников и обманщиков – клопов на теле трудового народа. Заверяем, что все отобранные нами системы средства, как прошлые, так и будущие до последнего пфеннига будут пущены на борьбу с системой.

К сожалению, не обошлось без потерь. Несколько наших товарищей погибли, другие попали в преступные застенки античеловеческого режима. Мы навсегда запоем их имена, и мы их никогда не забудем. Их святые имена навсегда выжжены болью потери в наших сердцах. Помним и чтим! Клянемся, отомстим! Свобода близка братья, ждать осталось недолго.

От нашего гнева не скряться палачам и продажным чиновникам, лукавым политикам и убийцам. Всем достанется по заслугам. Очищение нашей Родины грядёт. Призываем народ поддержать нашу борьбу, быть с нами. Вместе мы победим. За вас, простых людей, будущее ваших детей, мы готовы жертвовать всем, в том числе и жизнью. Нас не остановят ни пули, ни пытки. Ждите начала Красного Лета, слов своих УРА на ветер не бросает. Хотим-Можем-Делаем! Движение жизнь!

Смерть системе мирового капитала!

УРАФ.

30 мая 1982 года.

Несколько газет опубликовали листок полностью, другие просто ссылались на него в своих критических статьях, полных злобной истерии. На каналах телевиденья о нём не упоминалось вовсе. Тем не менее, с первого выпуска боевого листка за бойцами УРА, закрепилось прозвище – Лучи.

Глава 14

Сидящей, сейчас напротив Эрика человек, вышел через сочувствующего их борьбе товарища, бывшего члена КПФ, уже давно отошедшего от дел. Он, долго сомневался идти на встречу или нет, подозревая, что его возможно ожидает не разговор по душам, а провокация. Несколько раз назначал время и место свидания, а потом не являлся. Люди из вновь сформированной пятёрки Гана, осуществляли слежку за пришедшим на встречу мужчиной, который всякий раз уходил от них, ловко ныряя в метро. Никаких признаков полицейской засады обнаружить Лучам не удалось. Любопытство победило осторожность и Эрик, решил рискнуть.

Эрик условился встретиться с незнакомцем в центральном парке у внешней колоннады, рядом с входом. В парк не пошли, по предложению мужчины, прошли во дворы, расположились в беседке. Утро, понедельник, начало июня. Мужчина, выглядел солидно – в костюме, белой рубашке, галстуке. Безупречно выбрит, вычищен, причёсан. Лицо крупное, несколько помятое, словно с перепоею или отражающее последствие недавно перенесённой болезни. Лоб высокий, собранный из трёх плоскостей, двух височных и главной центральной. Нос большой круглый. Скулы, щёки всё широкое, такое серьёзное, основательное. Губы бледные, красивые, рот большой, подбородок круглый. Верхняя полови-

на лица довлела над нижней. В незнакомце чувствовалась дикая, данная ему от природы, естественная мужская сила. Смотрел он круглыми светлыми глазами, неопределённого, меняющегося в зависимости от времени суток и освещения, цвета прямо, бесхитростно. Начал, разговор первым:

– Меня зовут Сергей Георгиевич, я гражданин СССР.

– Так. А, что вам от меня Сергей Горович, нужно.

– Георгиевич.

– Извините.

– Ничего страшного. Ваша деятельность нам интересна.

Мы решили вам помочь.

– Хм. Ваша ипостась социализма мало, чем отличается от западной системы. Во всяком случае, вы к ней сейчас быстро скатываетесь. Ваша революция осталась далеко позади. Бразды правления страной захватили старики ортодоксы.

– Эрик, это не имеет никакого значения. А, имеет значение то, что вы плохо вооружены, слабо организованы, а экспроприруемых вами средств надолго не хватит. Мы предлагаем вам помощь, глупо отказываться.

– Вы неплохо говорите по-нашему. У вас акцент коренного приморского жителя.

– Не будьте так подозрительны. Был бы я провокатор, вас бы уже схватили. Ещё тогда, когда ваши ребята пытались за мной следить.

– Хорошо. Что вы от нас требуете?

– Ничего. Наоборот, вы будете от нас получать, всё, что

вам потребуется, а мы обязуемся не лезть в ваши дела. Конечно, за исключением тех случаев, когда вам понадобится наш совет.

– Интересно, с чего такая щедрость?

– Вы последняя надежда вашей страны. Честно сказать в то, что вы что-нибудь добьётесь, у нас верят мало, но не помочь вам было бы преступлением.

– Угу. В торжество вашей революции тоже никто не верил.

– Да. Правда ситуации в наших странах отличаются кардинальным образом. Тогда и сейчас это разное время для разных народов.

– Посмотрим.

– Хорошо. Не будем спорить. Первую партию снаряжения вы можете получить послезавтра.

– Ого! Неужели так быстро. Я слышал про могущество ваших органов безопасности, но никогда этим буржуазным слухам не верил. Старший брат приходит на помощь. Так? – Эрик, говорил с известной долей иронии, поверить, в то что, какие-то красные дяди, будут бескорыстно помогать своему безродному, нищему племяннику верилось с трудом.

– Обсудим детали....

Лучи получили в качестве первой помощи от северной далёкой страны несколько ящиков автоматического оружия. Странного вида компактный русский автомат Бизон 2. Система шнекового магазина делала этот автомат мечтой любого революционного бойца. Магазины шёл вдоль тела автомата,

а не торчал в сторону. К тому же его ёмкость приближалась к восьмидесяти патронам, недостижимый идеал для рожковых и даже отчасти магазинов барабанного типа. Надёжность, лёгкость и огневая мощь, обеспечиваемая прилагаемыми к автоматам бронебойным боеприпасами повышенного могущества. Проще говоря, ни один из штатных бронежилетов полиции Фаверленда не мог защитить от пуль с термоупрочненным сердечником выпущенных из Бизона. Бонусом к автоматам шли пару десятков наступательных гранат, солдатские аптечки, укомплектованные на время активных боевых действий и тридцать тысяч марок. Снаряжение, как это оружие называл русский, Лучи получили анонимно. Эрик получил сообщение, где его команду будут ждать подарки. Он и Петер приехали в указанное место, нашли схрон с оружием, загрузили в автомобиль, перевезли к себе на базу. Советская поддержка оказалась, как нельзя, кстати. Красное Лето начиналось, и пятёрки готовились к решительному штурму капитализма по всему фронту.

Глава 15

Идея периода активных действий начального этапа борьбы получившее в УРА название – «Красное Лето», заключалась в поэтапном, еженедельном наращивании числа акций прямого действия. Перейдя полностью на нелегальное положение УРА, продолжающая стихийно расти, за счёт прихода в борьбу новых членов, рассчитывала на 47 акций за 92 дня. Количество акций в неделю шло по восходящей – первые три недели по одной акции, потом 3 недели под две акции каждые семь дней, дальше 3 акции две недели, ещё две недели по 4 акции, ещё одна неделя 5 акций, и последняя 6 акций.

Как и подобает лидеру, пример подал Эйх, со своими людьми. Объектом нападения должен был стать собственник самой главной топливо добывающей и перерабатывающей компании страны – ЗАО «Национальная Угледобывающая Компания». Звали его Озол Трумп. Настоящий диктатор для всех своих подчинённых, если не сказать работоровец, с замашками либерального фашиста, ориентированный на заокеанские ценности демократии. Получившей образование и все сопутствующие, процессу демократического обучения, прелести ценностей свободного мира в США. Добровольный агент влияния, всюду выступающий за более активное участие Фаверленда в мировой экспансии североатлантического блока, спонсирующий сразу несколько пра-

вых партий, но выделяющий из всех своих политических действий насквозь лицемерную либеральную гнилушку под гордой вывеской – ПРАВОЗ, расшифровываемая, как Партия Равных Возможностей, не больше, не меньше. В их программе предусматривалось увеличение числа баз американского присутствия в Фаверленде, более, чем в два раза и запрете любых коммунистических и социалистических организаций в принципе. Рулил ПРАВОЗОМ, Сол Урбо, выходец из государственной конторы Железные Дороги Фаверленда, поэтому его резонно наградили прозвищем – машинист. Скользкий конформист, за временную выгоду готовый заложить и родного папу. Урбо тоже был в списке УРА, он шёл в нём под номером два. А, пока Лучи нацелились подсветить до состояния хорошо прожаренного стейка Озола Трумпа.

Трумп, несколько лет назад выстроил себе на набережной целую башню небоскрёба бизнес центра и назвал эту зеркальную сосульку из стекла и бетона – «Триумф». Первые три этажа здания занимали рестораны, конференц-залы, магазины и прочие спортивные клубы. Выше мест общественного присутствия следовали несколько этажей сдаваемые этим бизнес хмырём в аренду, а самые верхние пятнадцать этажей принадлежали его корпорации. Появлялся он у БЦ, всегда в одно и то же время, в половине девятого утра. Его вытянутый в лакированную (и наверняка бронированную) туфлю автомобиль, сопровождал эскорт охраны на двух

квадратных американских внедорожниках. Приезжали, парковались на специально выделенных для них местах и вся компания, вместе с шефом поднималась в офис.

План был прост. Для его исполнения даже не требовалось участие всей пятёрки в акции. На акцию пошли, вернее, поехали, Эрик и Вил Авен. Взяли талон на стоянку, заняв позицию недалеко от постоянного места парковки Трумпа. Вскоре хозяин «Триумфа» прибыл. Шесть охранников прямо у машины взяли его в кольцо и все вместе потопали в центр. Трумп, не любил костюмов, ему нравилось быть среди удавленных своими галстуками подчинённых птицей свободного полёта. Свитера и футболки он, конечно, себе не позволял, а вот цветные пиджаки и джинсы, сколько угодно. И, фигура допускала. Угольному королю недавно исполнилось сорок пять, он следил за собой, сидел на диете, не потому, что ему очень нравился здоровый образ жизни, а потому, что болел. Название хронической болезни, сотворившей из него жёлтую сушёную рыбу – лупоглазого головля, он от окружающих скрывал, энергии бизнес акулы не терял и вообще умирать не собирался. Такую вопиющую несправедливость Лучи намеревались исправить.

Дождавшись пока Трумп скрылся в кутерьме крутящихся дверей вестибюля центра, Вил, по знаку Эрика, покинул их незаметный старенький Пежо и сделав пару шагов очутился рядом с лимузином Трумпа. В этот раз подарки, прибывшие из союза, революционерам, как это не жаль, не понадоби-

лись. Озола решили взорвать вместе с его блестящим катафалком, а пепел по ветру пустить. Когда первый наплыв идущих на каторгу бизнес служащих схлынул, приступили к работе. Вил, не снимая чёрных очков, ловко нырнул вниз (Эрику почудилось, что он даже упал. Молодец, если бы не его эти очки.), прошершавил по асфальту под автомобиль. Через минуту, Вил снова появился в поле зрения. Эрик, сразу почувствовал неладное. Эти опущенные плечи, рот выгнувшейся унылым коромыслом и вообще, сердце подсказывало – что-то пошло не так. Забравшейся в салон Вил разъяснил ситуацию. Точнее Эрик, всё понял сам. Из-под ветровки Вил достал железную коробку с бомбой.

– Что случилось? – Эрик, говорил спокойно.

– Магниты не держат. Раз двадцать пробовал. Отваливается.

– Значит надо ехать к оружейнику, у него магниты есть.

– Не успеем.

– Да, до обеда не управимся, полтора часа туда, полтора обратно, на работу ещё час накинем – придётся ждать до вечера. Бери бомбу с собой и езжай к оружейнику.

– Бомбу с собой обязательно тащить.

– Обязательно. Здесь мы с тобой магниты к ней не построим. Неприятно, но надо. Да, ты Вил не бойся, она просто так не должна сдетонировать.

– Так и магниты должны были держать.

– Не ворчи. Иди, а я пока оружейнику, пойду, позвоню,

предупрежу.

К четырём часам Авен возвратился. К этому времени Трамп успел съездив пообедать вернуться назад. Счастливчик! Избежал смерти не зная об этом. Но, раздавать распоряжения сотрудникам ему оставалось недолго. Новые магниты оказались магнитами, а не замаскировавшимися под них какашками, на железное днище авто прилипли намертво.

Выехав со стоянки, Лучи встали напротив Триумфа, со стороны домов, так чтобы они могли наблюдать за стоянкой БЦ. Трамп, любил задерживаться в офисе, к чему приучил и сотрудников (за что имел от них отдельную, молчаливую, не выразимую цензурными оборотами речи, благодарность). Вышел он из БЦ ближе к девяти. Солнце село, цикады запели, море продолжало расслабляюще шуметь. Начало лета лучшее время в году, особенно на юге. Почему новый год празднуют зимой? Да, ещё в конце декабря. Июнь, вот достойная тёплая альтернатива. Хочется веселья, любви, счастья. Вил и Эриху тоже хотелось любить, а приходилось убивать.

Взрывная волна выбила стёкла в окнах небоскрёба вплоть до двадцатого этажа. На месте лимузина расцвела жёлтая бактерия огненной вспышки. Стоявшие рядом автомобили охраны подняло на воздух и раскидало в разные стороны. Закоптило, жёлтое перешло в рыжее, огонь пожирал искорёженный труп железного катафалка. Эрик, завёл революционный Пежо и не превышая скорости, соблюдая прави-

ла дорожного движения укатил в неизвестном направлении. Убийство банкира открыло охотничий сезон Красного Лета.

Через неделю после Трумпа, настала очередь главного машиниста либерального ПАРАВОЗА – Сола Урбо. Лишившись своего спонсора, Урбо организовал митинг против начала красного террора. На волне растущей негативной популярности УРА, он хотел въехать в парламент, выиграв ближайшие выборы. Отлично пропиаренная акция собрала несколько тысяч человек.

Ярко светило солнышко, припекая, расслабляя. Митинг проходил в центре Давинвиля, на площади Чистоты, рядом с памятником основателю города – Громадису Вольфу. Не воспользоваться таким подарком судьбы Лучи не могли, иначе они бы перестали себя уважать. Полиции на митинге ненависти было совсем не много, не сравнить с тем впечатляющим количеством спецподразделений ломщиков обыкновенно присутствующих на каждом, мало-мальски значимом, мероприятии красной оппозиции. Несколько кучек обычных муниципалов стояли на некотором отдалении от толпы, курили, лениво наблюдая за происходящим, так сказать, по долгу службы.

Пятёрка Эйха, на этот раз, присутствовала на митинге в полном составе. Расчёт строился на том, что Урбо любил устраивать походы в народ. Каждое мероприятие ПАРАВОЗА оканчивались такими заплывами в людское море, всегда активно бушующее у трибун. Не стал исключением и этот

раз.

Широко улыбающейся Урбо пожимал руки, отвечал на вопросы, выплёвывал лозунги, а заодно получал огромное удовольствие от происходящего ажиотажа связанного с его таким близким знакомством с народными массами. Наверняка он каждый раз, общаясь со своими сторонниками, примерял на себя роль национального лидера. Разбивая его мечты, автоматы Лучей загавкали короткими очередями разом с нескольких направлений. Революционеры, подобрались к Урбо со спины и устроили импровизированную панику в рядах господ демократов. Первым выпустил четыре свинцовых жала из своего Бизона, Эйх. Перед тем, как нажать на спусковой крючок, он встретился глазами с товарищами и лёгким кивком дал им знак о начале операции. Лучи, достав из-под одежды автоматы словно боясь отстать от решительных действий командира, зашумели изрыгающими огонь стволами. Раскалённые гильзы сыпались медным горохом на асфальт. Демонстранты шарахнулись в стороны, оставив своего лидера один на один с терзающими его плоть железными градинами. Теснота, за секунду до выстрелов, мешающая точно прицелиться, окружающая Урбо, рассосалась в мгновение ока. С первыми выхлопами выстрелов, головы человечков округлились орущими ртами испускающими визг, истеричный женский вой. Произошла давка. Полицейские, среагировали на происходящий, на их глаз беспредел с некоторым опозданием. Вечно они не готовы, когда нужно – два десятка

парней, в фиолетовой форме слуг правопорядка звеня подкованными ботинками, рванули неорганизованным стадом к очагу сконцентрированной на Урбо пальбы. Лора, сняла палец с курка последней. Она выпустила две лишние очереди в уже лежащее на спине тело мёртвого человека, растекающегося красной дымящейся влагой по серому подобию камня. Лучи, добившись своего, располосив на вторую улыбку туловище господина не ставшего президентом, так и не переставшего лыбиться Урбо, беспорядочно стреляя в воздух, пробили себе дорогу в сторону противоположную той, с которой к ним приближались муниципалы. Полицейским в реализации их служебного рвения очень мешали прущие на них толпы полные жгучего желания убраться от возможного убийства, как можно дальше. Лучам же наоборот сопутствовала удача. Распугав стоящих у самых трибун демонстрантов, пятёрка обошла слева памятник Громадису и, прикрываясь его бронзовым величием, скрылась от преследования.

Глава 16

Лора, в жёлтом фартуке с аппликацией, героя мультика, медвежонком Тарни, посередине, готовила ужин на маленькой кухне конспиративной квартиры. Фартук прикрывал белую футболку с изображением святой троицы коммунизма – Марксом, Ленином и Мао. Готовить революционерка Вайнхофф совершенно не умела. У неё постоянно что-то подгорало, пересаливалось, недоваривалось, но сегодня такие бытовые промахи её расстраивали мало. Она имела в своём полном распоряжении большую порцию хорошего настроения. Лето борьбы началось двумя удачными акциями, их мечта воплощалась в жизнь. Никто из Лучей не пострадал, первые цели достигнуты. СМИ, смаковали кровавые подробности, пугали обывателя, даже телевиденье взяхлёб клеймило красных активистов, как террористов и убийц. Особенно журналистов возмущали случайные жертвы – при ликвидации угольного короля, помимо его мордovorотов охранников, пострадали два совершенно посторонних, разборкам Лучей с мировым капиталом, прохожих. Один умер. При убийстве же машиниста, в больницу (хорошо, что не в морг) уехало целых шесть человек участников митинга. На эти случайные жертвы революционеры пока внимания не обращали. Жалко конечно, но Лучи же не хотели никому специально навредить, кроме врагов будущего их страны, а значит, и раская-

нья не испытывали.

Лора, прибывала в праздничном настроении, хотела своему любимому сделать приятное. На ужин она купила свинины, копчёных сосисок, ветчины, кислой капусты и спелых помидоров. И, теперь Эрик подкреплялся салатом из свежих овощей в ожидании тушёной капусты. Шнапс у них был, на закуску Лора сделала бутерброды с паштетом из гусяной печени. В открытое окно дышало лето, оставляя на губах привкус морской соли. Так хорошо ни она, ни он, ни разу себя в своей жизни не чувствовали.

– Скоро?

– Не торопи меня обжора, а то опять подгорит. – Притворно рассердилась Лора.

– Ничего страшного. Из твоих рук я готов угли съесть.

– Осталось положить специи и готово.

Лора, присев на краешек стула, взяла бокал, сделала глоток, сморщилась, заела вкус колючего напитка половинкой бутерброда.

– Я тебя люблю. – Лора, смотрела на Эрика с такой нежностью, что сила в ней заключённая и выпущенная, по велению любви на свободу, могла изменить мир.

Эрик, не ожидал услышать таких простых и честных слов сейчас. Он отчего-то смутился, щёки его зарделись, жарче, чем от выпитого алкоголя.

– Я, тоже тебя люблю. Что-то случилось?

– Ничего плохого не случилось любимый. Просто, я вдруг

поняла, насколько мне страшно тебя потерять.

– Предчувствие?

– Нет. Наверное, у меня случился рецидив обычного женского страха. Не хочу, чтобы ты уходил. Не хочу, чтобы ты и на минуту меня оставлял. – На ресницах Лоры засеребрились капли слезинок.

Эрик, встал, подошёл к ней, обнял. Она уткнулась ему лбом в живот. Погладив её по волосам, Эрик, взяв её щёки в ладони расцеловал это милое, мокрое, навсегда любимое, дорогое ему лицо. Лора, обхватила его за шею, отвечая на его поцелуи, своими мягкими, нежными прикосновениями дрожащих губ.

– Нам нельзя быть осторожными. Значит, наше счастье будет не долгим. – Лора, прошептала эти горькие слова, как ненароком открывшуюся ей недавно тайну.

– Что за траурные настроения у нас сегодня?

– Не знаю. Хочу любить. Навсегда оставить в прошлом злобу, ненависть. – Лора, морщит лоб, убирает волосы назад, её глаза теряют блеск. – Невозможно. Нам нельзя быть таким простыми с тобой. – В голосе звучат нотки грусти возвращающейся твёрдости.

– Сегодня можно. Сегодня можно забыть. Представь, что завтра не будет.

– Хорошо. – Лора, доверяет Эрику полностью.

– Только, мне кажется, что наша капуста всё же немного...

– Ой! – Лора, потешно пугаясь подскакивает к плите.

Эрик, смеётся.

Глава 17

Деятельность боевых единиц – ячеек УРА, к середине лета не на шутку встревожила власти. Десять акций – два десятка пострадавших и громкий резонанс в обществе, заставил государство предпринять экстренные меры. Теперь в газетах Красное Лето, стали называть Кровавым Летом. Лучи иначе, как террористами и убийцами, в статьях и передачах, не назывались. Остатки хорошего отношения к делам и целям Лучей, из мозгов простых людей начисто выметала метёлка пропагандисткой машины Фаверленда. Несмотря на растущее недовольство простых обывателей деятельностью Лучей ликвидации врагов революции продолжались, сеть ячеек УРА, росла, но в обществе о них складывалось стойкое определённое мнение, как о подонках и полных невменяемых отщепенцах, не имеющих никаких гражданских прав, не достойных даже, доступного любому уголовнику, суда. Их предлагалось уничтожать на месте.

Неприятным открытием для соратников Эйха оказалось, что в их родной левой среде начали раздаваться голоса критиков недовольных падением рейтинга народного доверия к их партиям. Действительно, власти использовали начало вооружённой борьбы УРА, как повод для увеличения давления по всему красному фронту. Особенно в травле УРА, очернении коммунистов-социалистов и особенно членов УРА

усердствовал журналист общенациональной газеты Зеркало – Марис Вилка. Терпеть, дальше его оскорбления становилось опасно для самого движения. Его приговорили к уничтожению.

Жил Вилка, в старой части города на улице Призраков. Серый, монументальный дом построенный в пятидесятых годах, осколок из прошлого, намертво засевший в материи настоящего. Восемь этажей, элитного здания, мирно уживались под двускатной зелёной крышей. Фасад обложен гранитными, нарочито грубо обработанными, плитами. Изящно изогнутые прутья балконов, волнистые портики, барельефы голов забытых героев, узкие стрелки готических окон.

Вели чёрного вруна-журналигу от редакции через весь город. Первый раз проводили, узнав, где он живёт. Во второй раз Лучи действовали немного по-другому. Убедившись, что Вилка едет к дому, его автомобиль обогнав подъехали к подъезду журналиста на несколько минут раньше. На совещании пятёрки под нажимом женской части центральной ячейки, приняли решение, что исполнителями воли партии, станут Лора Вайнхофф и Генрика Шваб. Их больше остальных раздражала подлая клевета, преподаваемая развязным, издевательским тоном, читателям Зеркала. Каких только побасёнок не писал про УРА, Вилка, и то, что все подряд Лучи наркоманы и то, что они поголовно привержены к однополрой любви, и ещё много всякой грязи выливал он регулярно со страниц газеты на головы революционеров. Как известно,

если про тебя написали в газете, что ты заразился СПИДом при совокуплении с больным павианом, то оправдываться придётся, в первую очередь тебе, а не автору пасквиля доказывать его состоятельность. Влипнуть в дерьмо легко, отмыться трудно.

– Девочки, вы готовы? – Эрик, заметно нервничал. Эмоций бродящих по его лицу в темноте салона видно не было. Темнота наступившего вечера хорошо скрывала волнение.

– Да. – За обоих ответила Лора.

– Может быть, я с вами пойду. – Петер, беспокоился о своих товарищах в юбках, не меньше командира.

– Нет. Мы же решили. – Генрика, обиженно выпятила нижнюю губу вперёд.

– Генрика права. – Эрик, поддержал порыв девушек. – Идите, а то он уже должен скоро подъехать.

Девушки покинули машину. Опустив головы закрытые бейсболками вошли в подъезд. Они поднялись на площадку между первым и вторым этажом и замерли. Следующие пять минут, для них превратились в нескончаемую цепочку, растягивающихся в бездонную пропасть, каучуковых секунд. Несколько раз их сердца начинали ускоренно биться, когда какая-нибудь машина заезжала во двор и недовольно ворча, начинала искать себе место для парковки.

Наконец прозвучал автомобильный гудок – условленный сигнал, данный Эйхом, предупреждающий о появлении журналиста. Ещё одна тягостная минута. Дверь подъезда, сыграв

пружинами, предвещая появление объекта, открылась. Шаги. Уверенные быстрые полу шлепки, полу стуки. Вилка, торопился. Подойдя к лифту, он нажал кнопку вызова. Подъёмные механизмы щёлкнув, загудели напрягшимися тросами, лифтовая кабина опускалась. Оттуда, где стояли барышни, они могли видеть часть спины журналиста. Серый пиджак, голубой воротничок рубашки, подстриженный скобой пегий затылок. Все предметы вокруг девушек подёрнулись дымкой утекшей из сна, загипнотизировавшей их. Лора, очнулась первой, дёрнув партийную подругу за рукав, она помчалась, размахивая Бизоном через две ступени, недолетая двух метров до писаки, она затормозила, заорав уже начавшему поворачиваться на шум, Вилке:

– Стоять!

Кажется, журналист не успел испугаться. Его брови изогнулись в презрительном удивлении, обвислые щеки пошли складками. Подоспевшая Генрика, произнесла:

– Посмотри в глаза смерти! Ублюдок. – Генрика выкрикнула фразу заранее ей для этого случая приготовленную. Прозвучала она неестественно, но это было сейчас совсем неважно. В жизни всё совсем не так, как в кино.

Пропшыкав шахту насквозь, прикатил лифт, его створки звякая, разъехались, обнажая уютную желтизну стен вертикальной коробки. Журналист, всё ещё не понимая, что происходит сделал шаг назад, но увидев наведённые на него дульные пятна стволов, выкинул навстречу приближающейся-

ся смерти растопыренную пятерню. Лора, успела начать стрельбу первой. Генрика, присоединилась к процессу оглушительной канонады расстрела, когда Вилка, под напором длинной, разящей очереди откинулся внутрь кабинки лифта. Его полёт прервала задняя пошедшая, от столкновения с телом, трещинами стенка. Журналист, брызгая кровью был пришпилен, как насекомое. Каждая новая порция пуль выбивала из него комичные судороги жестов дефективного клоуна. На ногах его держала лишь энергия выстрелов. Выпустив не меньше половины обоймы каждая, девушки бросились из подъезда вон.

Глава 18

Ивар Лай, только что закончил своё выступление в плохо освещённом зале старенького кинотеатра находящегося в промышленном предместье Давинвила. КПФ устроила внеочередную партийную сессию. На ней, в том числе обсуждали действия УРА, в основном мнения ортодоксов склонялись к негативной оценки их деятельности. Им не нравилось то пристальное внимание, которое к КПФ стала испытывать власть. Гонения начались с проблем на работе, продолжились незаконными задержаниями и обысками, а грозили окончиться реальными сроками, запретом организации. Кому это могло понравиться? Плохо было то, что под страх за свои шкурки, актив партии подводил теоретическое обоснование, используя широкую номенклатуру идеологических инструментов. К чести красного сообщества, надо отметить, что не все поддержали избранный курс КПФ на размежевание с их же молодёжью создавшей фракцию экстремистов. Одним из таких ярых почитателей УРА стал известный левый писатель и журналист Эрнст Родопулус. После разгромной речи Лая, заклеившей Лучей, чуть ли, не как неосознанных врагов всего коммунистического движения, Эрнст прошёл за кулисы и, подойдя к нему, предложил переговорить наедине. Лай, оторвавшись от разговора с четырьмя активистами из высшего совета, согласился. Родопулуса в пар-

тии чтили, а некоторые рядовые члены почитали. Найдя тут же, какую-то пыльную каморку, расположились. Эрнст, задал вопрос:

– Ивар, ты действительно веришь в то, что сейчас о ребятах из УРА, говорил?

– Конечно. Они же дают повод государству включить машину репрессий на полную мощность. Эти стрелки смазывают кровью обычных людей её шестерёнки и тем самым, крадут последние шансы левого движения на победу.

Родопулос, не был согласен с Лаем, он возразил экспрессивно:

– Вы тоже виноваты в рождении ячеек УРА. Может только вы и виноваты. Все потуги КПФ ни к чему не приводят. Вас не подпускают и не подпустят к власти. Чтобы вы ни делали, всё оканчивалось неудачей. А, эти мальчишки, будущие боевики, всегда были рядом. Но, вы их не замечали, не считали их мнение заслуживающим толики внимания. Что им оставалось делать, чтобы быть услышанными? Вот они и ушли играть в городскую войнушку. После чего вы изволили обратить на них внимание вступив с ними в заочную полемику! Как ты их сегодня называл? Политические хулиганы, приматы, юнцы с прыщавой совестью.

– Но, Эрнст, ты уж слишком сгущаешь краски. Не такие мы уж и непробиваемые. Они могли пойти прямо в комитет.

– Поздно. Компромисс невозможен. Прежде всего, для вас невозможен. Либо вы их полностью поддерживаете, ли-

бо вы, и дальше занимаясь обструкцией УРА, переходите на сторону их врагов. Ваших общих врагов, до начала Красного Лета. И, ты не хуже меня Ивар знаешь – любая сделка с системой приведёт партию к саморазрушению.

– Да, не можем мы поддерживать политический терроризм, не при каких условиях.

– Значит наше дело обречено.

– Не пугай. Это всё, о чём ты хотел поговорить?

– Всё. – Радопулус, нахохлившись, помрачнел. Убеждать узколобого чиновника в необходимости кардинальных перемен, было также глупо, как пытаться выпить море. Пришлось констатировать факт – руководство КПФ больше заботиться о себе, чем о реформировании общества. Они стали тем же чиновниками, которых они яростно критиковали, которые засели в доме правительства, с той лишь разницей, что легальные коммунисты заявляли о своих интересах под другим флагом.

– Мне пора. Конференция ещё не окончена, а моё присутствие на ней необходимо.

– Иди (Кто тебя держит).

Лай, ушёл. Эрнст, остался. Сдаваться он не собирался.

Глава 19

Красное Лето бушевало выпущенным из бутылки злобным джином. Организовалось несколько новых ячеек УРА, план по которому предполагалось совершить 47 акций, не только выдерживался, но и перевыполнялся. С такими темпами к концу лета количество нападений на систему могло поставив рекорд перепрыгнуть через отметку в 60.

В начале августа государство, выставя напоказ, законность, оправданность жёстких мер по отношению к революционерам, начало судебный процесс над тремя выжившими бойцами из пятёрки Зандера Зака – Юрием Рубеном, Немой Ваган и Карлом Биром. Первое же судебное заседание показало, что никакого честного разбирательства не будет. После первых, с точки зрения судей, провокационных заявлений Лучей, их всех лишили слова. Общественность не хотела ничего слышать ни о пытках, ни о нарушениях содержания. Хорошо отражал настроение народа произведённый телеканалом ФТ-1, выборочный опрос прохожих. Журналистам, делавшим репортаж для девятичасовых новостей, даже не пришлось монтировать и подтасовывать. Ненависть людей выглядела на экранах вполне естественной.

– Добрый день! – Репортёр женщина известная всему Фаверленду Моника Прис, подошла с микрофоном, имевшим зелёный мягкий набалдашник с нарисованным на нём боль-

шим знаком первого телевизионного канала к паре граждан – мужчине и женщине, по виду, мужу и жене. Они прогуливались в обнимку по бульвару Благолепия. – Мы проводим опрос, ответьте на несколько вопросов, пожалуйста.

Парочка остановилась. Усатый мужчина, со вторым подбородком, упитанный, пышущий здоровьем, ответил:

– Да, конечно.

Моника, высокая модельной внешности женщина легко привлекала внимание мужчин к своей особе. Знаменитость, блондинка с уголками изумрудных глаз вздернутых вверх, выглядела идеалом мечты среднестатистического фаверлендца – секс символом для мужского населения страны. Присовокупив к симпатичному личику, фигуру с крутыми, пышными бёдрами (любимый стандарт местной красоты) и ту популярность, которую Моника получила у женщин Фаверленда за смелые независимые высказывания, граничащие с догматами феминизма, на выходе репортёрша получила всеобщую любовь и уважение. Ну, как такой обояшке отказать в интервью?

– Скажите, вы, конечно же, слышали о той волне насилия, которая захлестнула наши города?

– Это ужасно! – В разговор вступила женщина усатого. – Страшно на улицу выйти.

– Как вы относитесь к развязанному УРА красному террору?

– Убивать этих сволочей надо. – Мужчина был категори-

чен. – На месте и без всякого суда.

– Да. Это же отщепенцы! Настоящие поддонки. Трех из них уже поймали, надеюсь, и остальных вскоре схватят. – Жена поддержала мужа.

– Я, собственными руками бы таких давил.

– А, что вы об их идеях думаете?

– Какие идеи? Бандиты кровавые. Маньяки жадные до крови, никому их война не нужна. У нас мирная страна. Я хочу, чтобы мои дети не слышали грохота пальбы под окнами моего дома.

– Спасибо. – Моника, поворачивается к оператору, держащему камеру, перехватывая инициативу сама даёт пояснения. – Как видите, ни один из семи опрошенных нами сегодня граждан не одобряет методов УРА. Сенсации не произошло. Господа террористы, надеюсь, смотрят новости и может быть, после откровенного волеизъявления простых граждан поймут, что убивая и грабя, они ничего не добьются. Моника Прис, 6 августа, для ФТ-1.

«Господа Лучи», намёков не понимали и борьбу продолжили. Гремели взрывы, трещали выстрелы, политическая сцена загружалась всё новыми трупами. Лидера УРА, Эрика Эйха особенно волновала судьба его задержанных товарищей. Государственным обвинителем по делу о нападении на банк выступал главный прокурор Шайн Страх – редкостный упырь, ратующий за крутые меры направленные против левого движения вообще и за пожизненное заключение для

всех арестованных Лучей, в частности. Он, на время процесса стал рупором реакции, под идеи о запрещении, лишении гражданских прав, разгоне красных партийных поездов по замшелым тупикам политического забвения, подводил юридическую базу. Страх, был опасным, деятельным врагом, от таких непримиримых чинуш, Лучам хотели избавиться, в первую очередь. Убийством главпрокурора, Эйх хотел достичь сразу нескольких целей. Первая – уничтожить врага. Вторая – дать понять его приемнику чтобы он не очень-то усердствовал в своём стремлении покарать пойманных на месте преступления злостных нарушителей правопорядка – налётчиков на банк. Третья – громко заявить о том, что ни один удар по УРА, без ответа не останется.

Страха охраняли. Предполагая возможность нападения, но всё ещё не очень-то веря в его вероятность, система перешла к деятельной защите её слуг. Два охранника-ломщика из спецотряда таскались за прокурором круглые сутки. В чёрных костюмах, под которыми угадывались прямоугольники бронежилетов, эти монументы грядущих политических репрессий укрывали маленького лысенького прокурора от возможных опасностей, как вороны своих птенчиков.

Место общего сбора в рабочем предместье столицы, предложила Вайнхоф. Там в здании небольшой автомобильной мастерской, чьим владельцем был сочувствующий движению молодой парень, сам член КПФ, состоялась летучка пе-

ред акцией. Времени ещё оставалось достаточно для отвлечённой беседы, выдвигаться было рано. Барышни, забрав Авена, пошли курить на улицу, а Эрик с Петером остались сидеть в маленькой комнатухе. Хотели поговорить о чём-то важном. Через три четверти часа Вил, посмотрев на циферблат своих электронных часов, отбросив окуроч, проговорил:

– Пора выдвигаться. Не мешало бы сходить, их поторопить. – Вил, обращался в основном к Лоре, как к девушке имеющей несколько больше прав вмешиваться в разговор двух их общих руководителей.

– Да, действительно пора. Я сейчас. – Лора, затушив сигарету о дверной косяк, выпустив остававшейся в лёгких дым в голубое небо, поспешила к забывшемуся в споре товарищам.

Лора, пройдя по длинному коридору, остановилась перед бело-грязным полотном двери. Постучав, она, не дожидаясь разрешения, сразу вошла.

– Ребята, время.

Эрик и Петер, встали со стульев. Эрик, выглядел, как обычно, а вот Петер сурово хмуря брови, выглядел непривычно задумчивым. Им предстояла не шуточная акция, может, по этому поводу Петер переживал?

Единственная лампочка на деревянном, поломанном скелете люстры мигнула, осветив синие плотно задёрнутые, на единственном окне в комнате, шторы, после чего, погасла. Дверь, завибрировав фанерой, захлопнулась, комната засе-

даний, погрузилась в привычную пыльную тьму. Революционеры ушли на войну.

Лучи, решили действовать на ходу. Дождавшись появления Страха из здания суда, Эрик, нажал на педаль газа. Их автомобиль, подстёгнутый реактивным впрыском топливной смеси в цилиндры мотора, сорвался из-под пальм сквера. Камнем, выпущенным из пращи, машина подлетела к лестнице. Чтобы прокурору добраться до его машины, ждавшей его сбоку от дома правосудия, с работающим двигателем, необходимо было спуститься по каменной, довольно крутой лестнице и повернуть налево под каменный портик. Впереди Страха защищая его своей могучей грудью, шествовал охранник, второй прикрывал ему спину. С реакцией у ломщиков оказалось всё в порядке. Увидев летящую в закатных красных лучах жёлтую машину, они вытащили длинноствольные красивые воронённые пушки, мастерское воплощение, печатавшей на конвейере агрессивности. Лопнули три выстрела, барабанные удары, которых сразу утонули в треске помех поставленных автоматными очередями, летящими из проезжающего мимо автомобиля.

Бронебойные пули прошивали насквозь бронежилеты и тела. За две секунды, пятьдесят пуль порвали охранников вместе с их хозяином Страхом в мокрые клочки, осевшие вместе с рубиновым туманом на гранитные ступени намоченными тяжёлыми бесформенными тряпками – кусками свежей убоины. Несколько пуль срикошетили, и одна из них по

замысловатой траектории попрыгав по ступеням, угодила в прохожего, попав ему прямо в лоб, без права обжалования.

Выпуская из-под колёс вонючие клубы дыма палёной резины, автомобиль унёс революционеров по проспекту Смирения в сторону набережной. Прокурор нашёл, то что искал, Лучи только немного ему помогли.

Глава 20

К концу лета накопилось такое количество невинных случайных жертв террора развязанного Лучами, что игнорировать, не принимать в расчёт, мирных покойников становилось аморально и опасно для движения. УРА, выпустили четвёртый по счёту боевой листок.

Ежемесячный боевой листок:

ЛУЧ.

Выпуск четвёртый.

Граждане Фаверленда, «Красное Лето» подходит к концу, нам удалось показать свою решительность на деле. Уничтожены десятки палачей народа, приспешники системы подавления духа и разума. Обо всех наших июньских-июльских акциях мы подробно информировали в предыдущих выпусках «ЛУЧА». Август для властей начинается ещё жарче первых месяцев лета, но он пока не закончен. О нём мы расскажем в своё время. Страну ждёт новый период нашей активности. Крыши дворцов рухнут на головы господ кровососов. Мы продолжим с ними войну до тех пор, пока они не превратятся в скупые строчки на страницах учебников истории.

К сожалению, вооружённая борьба может приводить к случайным жертвам среди мирного населения. Мы отдавали

себе отчёт в такой вероятности ещё прежде, чем взять оружие в руки, но смириться с такими потерями мы не можем. Партия УРАФ в целом и каждый её боец в частности просит прощения у всех пострадавших и их родственников. Мы скорбим вместе с вами. Понимая ваше законное негодование, просим извинить нас. В будущем мы сделаем все, чтобы подобных несчастных случаев более не повторялось. Никто не погиб напрасно, и чем быстрее система поймёт неизбежность своего поражения, тем меньше будет смертей. Каждый пострадавший, убитый по их вине будет отомщён, а его семья, получит компенсацию от нас. Никакие деньги не заменят человека, и всё же, мы надеемся на ваше понимание.

Смерть системе мирового капитала!
Вечная жизнь народу!

УРАФ.

25 августа 1982 года.

Глава 21

Мсть Страху была, конечно, важной, необходимой составляющей частью создания образа бескомпромиссной борьбы, но явно не самой главной. Трое товарищей оставались за решёткой, и если их в принудительном порядке не освободить, то они будут закрыты надолго в казематах. При удачном исходе такой масштабной операции система прилюдно получала звонкую пощёчину, эхо от которой разнеслось бы по всей стране.

Сил одной пятёрки для реализации плана освобождения троицы разработанного Эйхом совместно с Лорой, было недостаточно, поэтому, на последнем этапе, к освобождению товарищей привлекли группу Кариса Гана. Везли подсудимых на суд в одном грузовике, внутри крытого фургона, под конвоем двух полицейских автомобилей под охраной четырнадцати ломщиков. План нападения разрабатывали детально, по секундам расписывая действия каждого бойца. Обеспечили материальную базу, определили пути обхода, места, где Лучи рассчитывали пересидеть неминуемо бы начавшуюся после акции бурю повальных обвал, обысков и арестов. За день до часа «Х», венчающего такой масштабной акцией окончание «Красного Лета», должной стать шестьдесят третьей по счёту, все будущие участники операции по освобождению партийных товарищей, в полном составе двух пятё-

рок, собрались на последний инструктаж – генеральный прогон исполнения ролей каждого участника.

Собрание проходило в рабочей, хоть и напряжённой, обстановке. Все понимали, что завтрашнее мероприятие сильно отличалось от других акций совершённых этим летом, в которых столичные пятёрки приняли участие. На две ячейки Давинвиля, пришлась треть всех акций совершённых УРА в стране. Так и должно было быть. Самые опытные товарищи, верховный актив партии был просто обязан собственным примером показывать, как и где нужно действовать. Все столичные бойцы за эти три месяца возмужали, перейдя из разряда зелёных сосунков в когорту, уверенных в себе, знающих, крещёных кровью и огнём, ветеранов. И, тем не менее, им предстояло совершить настоящий подвиг. Их товарищей охраняли надёжно. Никто не сомневался, что мясники станут стрелять. Подручные Кнута, хорошо вооружённые обязательно дадут отпор, если им такую возможность предоставить. Всего мясников-охранников перевозящих Лучей из изолятора ПУ в здание суда, насчитывалось 14 человек, а революционеров налётчиков всего 10. Численное преимущество решили компенсировать внезапностью нападения. Всем было всё ясно, все тренировки оставлены позади и тут Ган, всё время инструктажа, подавляя рвущееся наружу слова описывающие его горячие желания, полыхнул недовольством. Члены его пятёрки наедине тоже высказывались подобным образом, но их командир молчал никак не

участвуя в обсуждении. Теперь же, поняв законность претензий своих людей, он принял их сторону:

– Эрик, а почему вы идёте впереди? На нас лежаться вспомогательные функции отряда поддержки. По нашему мнению, это несправедливо.

В комнате стало тихо. В каждом сообществе людей, должен существовать этакий античный критик, который будет, казалось бы, очевидные истины ставя под сомнения, оспаривать. Раньше таким мощным тараном фундаментальных постулатов был Зандер Зак, а теперь вот эстафету из рук погибшего товарища принял Ган. Эйх, разумом понимал законность требований ребят Гана, принять непосредственное участие в освобождение пленников. Они хотели воевать на первом плане, а он их задвигал на вторую линию. Головой-то он понимал, а вот сердцем принять не мог. Нервная система Эйха, за последние три месяца значительно пострадала, он, всё чаще злился, психовал. Эрик, скрывал ото всех, в том числе и от Лоры, что кровь, оказалась ему, в таких количествах, противопоказана. К тому же, его всё чаще посещали сомнения в успехе его дела. Не разочарование, признаки которого показал при последней их беседе на чистоту, Петер, нет, просто ноющее предчувствие, нахально поселившееся в районе рёбер. Невралгия душевной ткани. Оправданий ему не требовалось, чего не сказать о некоторых товарищах, которые искали причины страхов во вне, а не внутри себя. Не все из Лучей понимали, что происходило в стране, но вско-

ре дойдёт до последнего тугодума, что они бредут по лезвию бритвы и тогда, они потребуют объяснений. Эрик, боялся, что вскоре пик борьбы будет пройден, а дальше всё покатиться по нисходящей. А, ему (он так чувствовал) для того чтобы, брошенные ими в землю Фаверленда, зёрна дали всходы в будущее, не хватало времени. Он даже вернулся к постыдной страстишке приобретательства. Тратил оставшиеся свободными деньги, на новые вещи. Когда прозвучал вопрос-требование Гана, на нём была надета тёмно-бордовая рубашка со стоячим воротником и серебряными запонками на рукавах, узкие брюки обжимающие замшевые ботинки. Лора, увидев, что Эрик, в таком пижонистом виде, собирается вести собрание, начала над ним подшучивать, но увидев, как заблестели его воспалённые бессонницей глаза, смеяться прекратила. О, том что твориться в душе Эрика она не знала, но её женское сердце чувствовало, что, что-то идёт не так.

Ган, ждал ответа, пришлось что-то говорить:

– Первая пятёрка самая опытная, поэтому она идёт первой. Никакого недоверия товарищи. Карис, ты должен это лучше других понимать.

– Не могу с тобой согласиться. По-моему опыт у нас всех одинаковый, мои ребята достойны идти впереди не меньше остальных.

– Мы уже всё обсудили. Каждый тренировал действия в бою, характерные для его индивидуальной задачи. Перестройка порядков за один день до акции не к чему хорошему

не приведёт.

– Вся разница в распределённых тобой ролях в степени риска достающегося на долю каждого бойца.

В голове Эйха, задёргалась жилка новорожденного психа, держать себя в руках ему становилось всё труднее.

– Не тени одеяло на себя. Наша главная цель освобождение товарищей, а не величина куска славы, который достанется каждому. Решение уже принято. Нечего здесь больше обсуждать.

Ребята ячейки Гана, заворчали. Люди вообще не любят, когда их не спрашивая им, навязывают готовые, может быть правильные, обоснованные, решения, но в разработке, которых они не принимали никакого участия. Эрик, делал ошибку, говоря с товарищами таким тоном, и теперь мог её исправить лишь одним, довольно тоталитарным, способом.

– Достанется каждому, но не тебе? Почему? – Ган, ощущая поддержку, ребят спросил жёстко, смотрел прямо и ждал объяснений. Он их получил, правда, совсем не тех, которые ждал.

– Потому, что, в данный момент, я твой руководитель! – Эрик, сорвался. Он не кричал, но был к этому, позорному атавизму капитализма в его империалистической форме, близок. – И, не потому что, я такой властолюбивый и мне нравится им быть, а потому, что ты быть им не можешь. Пока во всяком случае. – Добавил он тише. По лицам соратников увидел, что он на правильном пути. – Но, был бы ты

моим командиром, я бы не стал оспаривать каждое твоё решение, тем более, касающееся наших товарищей. Я бы тебе подчинился. Тот, кто не умеет подчиняться не умеет руководить. Наша революция это, прежде всего дисциплина. Надо уметь умерщвлять амбиции воспитывая в себе солдата. Запомните, споры ведут в тюрьму и у нас не дискуссионный клуб КПФ, мы занимаемся уголовно преследуемыми делами. Наши акции это серьёзно. Поэтому Карис заткнись. Делай то, что тебя говорят. А, ругаться будем потом, после нашей победы.

Сказать, на этот наполненный горькими эмоциями диалог, Гану, оказалось нечего. Небольшая прилюдная порка с расставлением правильных акцентов, пред большой акцией, никогда лишней не бывает. И, Эйх выпустив пар, немного успокоился. После ещё одно повтора, Лучи стали расходиться. К Эрику подошёл Петер попросив переговорить наедине.

«Так, я так и думал. Плохо. По-моему я подозреваю, что он хочет мне сказать». – Подумал Эйх, закрыв дверь оставшись с Петером наедине.

– Говорю честно. Я не знаю, приду, завтра на акцию или нет. – «Ах, ты. Ну, точно, так я и думал. Не выдержал наш ариец. Жаль. Как не вовремя.». – Признаюсь, меня убивает наше гарантированное поражение, со слепой верой в завтра, в котором мы якобы возродимся в сознании наших детей или внуков.

– Ну, не перед акцией же, Петер?

– Не имеет значения когда. С такими мыслями на смерть не ходят, а обузой для вас я быть не хочу. Сама эта идея бескорыстного принесения себя в жертву, без какой-либо маломальской гарантии, похожа на оправдания того тупика, в который мы сами себя загоняем.

– Петер, что ты! Это не так!

– Ты и сам всё понимаешь. А, через месяц, два, три в бесперспективность нашей борьбы поверят многие. Веселье закончится, начнутся репрессии.

– И, всё же...

– Нет. Мне надо всё взвесить. Хорошенько обдумать. Я, как ты не могу, мне нужен хотя бы грамм надежды. А, вот, есть ли она у меня, я и сам не знаю. Если, я завтра к назначенному сроку не явлюсь, значит, не приду совсем. Извини.

Петер Сваар, на прощанье боднув воздух лысым черепом вышел из комнаты, чтобы уже больше никогда не вернуться. Он сам ещё не знал, останется ли он в партии или нет, а Эйх уже понимал, что Петер не вернётся. Всему тому виной его излишняя откровенность перед ликвидацией прокурора. Если бы тогда он не высказал ему ту правду о революционной борьбе, в обществе с постоянно повышающимся уровнем жизни, которую выстрадал, которой переболел, после всё же остался верен идеям коммунизма, то Сваар остался бы с ними, по крайней мере, на некоторое время, теперь же они оказались в весьма затруднительном положении. Но, по-другому он жить не мог. Хитрить с людьми, когда через

день ему придётся с ними драться, делиться последним, возможно отдать жизнь, он считал диверсией достойной провокатора, а не лидера партии. Место Сваара, должен занять новичок из резерва. Хреново, это слабо сказано. Риск, но другого выхода не было. Лора, хорошо разбиралась в людях, она сможет помочь подобрать нужного человека, с чистыми помыслами, рвущегося в бой способного выдержать напряжение акции прямого действия.

Грузовик с рекламой на бортах очередной новинки – шоколада с воздушными зёрнами розового риса, со зверской улыбкой, уплетаемого кудрявым, розовощёким карапузом, вылетел на перекресток, игнорируя красный запрещающий знак светофора со всего хода вмазав все свои железные тонны в кабину фургона перевозившего подсудимых. С жестяным скрежетом грузовик и автозак слепившиеся в одно бряцающее металлом целое почертили по асфальту, по пути сшибив фонарь с утробным машинным вздохом вмялись в стену дома. Не успели осыпаться стёкла в витринах магазинов в этом доме, как застрочили автоматы революционеров.

Два автомобиля сопровождающих фургон, пригазовали к автозаку. Причём один подъехал задним ходом. Этот второй автомобиль Лучи пропустили специально и теперь он возвращался, назад исполняя свою функцию защиты автозака. Две полицейские машины встали на некотором удалении, образовав, направляющие галочки при продолжении проходящих через них линии, составляющие острый угол, отстоя-

щий на расстояние десяти метров от борта фургона.

Лучи, атаковали. Четвёрка Эйха, дополненная двумя новичками, покинув свои машины, короткими перебежками, стреляя на ходу, приближались к месту аварии. Их зигзаги передвижений прикрывала пятёрка Гана, устроившаяся в сквере, надёжно прикрывшись стволами деревьев и чугунными столбиками низкой ограды. Свой автомобиль они оставили за два квартала от перекрёстка судьбы УРА, в их задачу входило обеспечивать отход. Эвакуацию же освобождённых товарищей, обеспечивали бойцы Эйха. Для главной цели всей операции – спасении троицы героев, имелось два автомобиля – один простая легковушка, а второй – микроавтобус Фольксваген. Из-за того чтобы не терять темпа и в то же время иметь возможность прикрываться от полицейских пуль, первая группа подкатила на авто, как можно ближе к автозаку. Грузовик, использованный революционерами в качестве тарана, вёл Вил Авен. После того, как он сбил тюрьму на колёсах, заблокировав все возможности для побега, зажав автозак между фасадом дома и грузовиком, он покинул кабину, как раз в тот момент, когда со стороны перекрёстка задним ходом, подвывая усиленной подвеской, принеслась охрана. Вилу ничего не оставалось делать, как уступить их численному перевесу. Лучи, атаковали, а он встречал их своим бегством. Но, быстро заняв место в рядах, он пошёл со всеми назад в атаку.

Ломщики, укравшись за своими автомобилями, откры-

ли перекрёстный огонь. Перестрелка быстро набирала обороты. Шесть против шести в непосредственном контакте и ещё пять Лучей, поливающих огнём врага из сквера. За первые тридцать секунд боя двое ломщиков оказались ранены, один убит пулей насквозь прошившей багажник прикрывающего свиней авто попавшей ему точно в сердце. Не помог бронезилет. Огневая мощь советского Бизона играла на стороне революционных бойцов. Шнековые Бизоны подавляли активность ломщиков не столько бронебойными пулями, сколько своей скорострельностью. Двери автозака были уже близко, когда его бок осветили огоньки рыжих вспышек. В борту открылись окошки трёх бойниц. Засевшие внутри фургона охранники встретили приблизившихся на опасное расстояние Лучей, дружным залпом. Бежавший впереди с магнитной миной новичок, раскинув руки упал. В его задачу входило, после того, как с охранением будет покончено, закрепив на дверях фургона мину привести её в действие. Почётная роль, для рвущегося в бой молодого энтузиаста индивидуального террора. Только, волнение сыграло с ним злую шутку, вместо того чтобы держаться с миной, за спинами ребят, он в последний момент вылез вперёд. Вся эта пальба его увлекла. Он сам стрелял много длинными очередями, страх с первыми выстрелами улетучился, он не чувствовал никакой опасности пока его грудь не вскрыли одновременно семь пуль. А, потом сожалеть было поздно, да и не нужно. Боль пришла и ушла, тело онемело став пустым футляром, в ко-

тором, на время, забыли лишь зрение и слух.

Эйх, не имел никакого желания, кончать жизнь самоубийством. Из-за близости противника, прикрывать бойцы Гана их не могли, опасаясь задеть своих, стрелять сами по фургону они опасались, потому что, могли попасть в подсудимых революционеров. Оставалось две возможности либо умереть, либо отступить. Вожак красных, остановился на втором варианте. По знаку Эйха, оставив плавающего в луже крови убитого товарища на мостовой, Лучи откатились назад к своим машинам. Здесь же они обнаружили, что их микроавтобус получил пробитие двух шин плюс повреждение двигателя, спасти чьи-либо жизни он уже не мог. Пришлось им утрамбоваться впятером в оставшуюся на ходу французскую малолитражку. Наверняка без потерь бы при погрузке не обошлось, даже учитывая то, что севший последним в салон Эйх, стрелял по ломщикам без остановки, но Ган увидев, что освободить товарищей не удалось, не ушёл сразу со своими ребятами, а также продолжал выполнять приказ прикрывать первую пятёрку.

Эйх, любил ездить быстро, но так, как он сейчас втопил, выжав из маломощного движка лягушатников такое, что в нем-то французскими инженерами и не предусматривалось, можно сравнить лишь со скоростями гонок формулы-1 на крутых виражах. По ним стреляли. Заднее окно лопнуло градом мелких кубиков. В ответ, кажется Лора, начала беспорядочно, тыкая стволом в сторону преследователей, будто до-

полнительно разгоняя пули, отвечать. Она, повернувшись на месте, встав коленями на сиденье, высунув наружу автомат, отстреливалась. Вскоре такое проявление досады стало не нужным. Эйх, завернул, сектор обстрела для ломщиков закрыло здание торгового центра. От начала манёвра, до этого момента прошло не более трёх минут, и всё-таки, революционеры слышали сирены. Их сучий скулёж накатывал отовсюду. Он плыл в воздухе, опускался звуковым туманом, густел, не предвещая НИЧЕГО ХОРОШЕГО.

Настигли их на выезде из города, на западном, шести полосном, автобане, идущем в рабочие пригороды и дальше к границе. Дорога впереди блестела сиренами полицейского заслона, а сзади её подпирали всё новые выкатывающиеся из сизой дымки последнего дня лета патрульные автомобили погони. Эйх, затормозил. Идти напролом, означало быть изрешечённым пулями. Свиньи, только этого и ждали.

– Уходим. – Коротко бросил Эрик.

Лучи, покинули машину блохами, спрыгивающими с остывающего трупа. Запрыгали по асфальту, направляясь в сторону, отстоящих метров на сто от дороги, многоэтажек нового микрорайона. Движение на автобане застопорилось, цветные коробочки автомобилей замерли в позах наступившего апокалипсиса, водители попрятались под торпедами. Приближался шум летящих на свежую кровь вертолётчиков. Раскатисто загоготали выстрелы. С двух сторон к революционерам бежали полицейские, патронов они не жалели. Лучи,

отвечали им взаимностью, любезно щёлкая свинцовым горохом по капотам, лобовым стёклам, напираящим, болеющим служебным рвением легавых. Забежав на обочину, Генрика, как замыкающая группы, развернулась. Встав на одно колено, она встретила настырных сторожевых псов в форме, автоматическим огнём. В двоих она попала точно, видела, как их отбросило назад, смазало из поля зрения. Другие, увидев участь сослуживцев, поумерив прыть, а заодно и веру в своё бессмертие, спрятались. Добившись небольшой форы Генрика, побежала догонять остальных.

По левую руку от улепётывающих Лучей стояла тридцатиэтажная жилая башня, они её обогнули, желая вырваться на свободу. Их надежды разбились о суровую реальность вырвавшегося из-за соседнего дома чёрного, с оранжевыми полосами, микроавтобуса спецотряда мясников, а за ним ехавшего ещё одного фургона. Пришлось повернуть назад, а там со стороны автострады к ним подбирались патрульные. Революционеров, словно крыс, брали в клещи окружения. Для них оставался один путь – вверх. По внешней пожарной лестнице они совершили скоростное восхождение. Успели вознестись до пятого этажа, когда железные поручни лестницы запели органными трубами. Опередив мясников, до башни первыми добежали патрульные, принявшиеся расстреливать, карабкающиеся по фасаду здания, фигурки Лучей. Хорошо, что патрульные оказались первыми, точность не входила в число их достоинств. Пришлось Лучам войти в зда-

ние. Площадка лифта, за ней длинный коридор с выходящими в него дверями квартир. Куда дальше, и что делать никто не знал. Вызвали лифт. Инстинкт загонял их всё выше, не умно, но сейчас их мозги отключились, как у загнанного животного, бросающегося от охотников в реку, а значит попадающего в естественную ловушку. Тридцатый этаж встречал шумом не успевшего остыть вертолётного винта. Они, было, сунулись на крышу, но услышали шаги спускающихся сверху солдат высадившихся на крыше, снизу тоже до них доносилось эхо стука тяжёлых ботинок. Ловушка захлопывалась.

– Эрик, надо в квартиру зайти. – Вил Авен, нервничал. Переступал с ноги на ногу, словно ему срочно приспичило справить малую нужду. Его чёрные стёкла очков отражали жёлтые стены коридора и бледные возбуждённые адреналиновые лица товарищей.

– Правильно. – Лора, не дожидаясь согласия Эйха, подбежала к центральной двери ударив по ней ногой. Дверное полотно крякнуло, но выдержало.

– Отойди, Лора. Вил, помоги.

Вместе, с короткого разбега навалившись, мужчины получили результат.

Зайдя в квартиру, дверь притворили, новенького, перепуганного Вилли, с глазами, превращёнными стрессом в органы зрения ночного филина, оставили наблюдать в глазок за коридором. Остальные устроили обыск. Дома никого не оказалось. Хозяева были на работе или ещё где-то шлялись. Ан-

филада комнат, не меньше семи штук, две ваннных комнаты, кухня размером с волейбольную площадку. Прихожая имела три выхода, в три разные стороны – в кухню и комнаты. Комнаты, сообщались между собой и имели по два три прохода. Настоящий мини лабиринт для элиты. Жильё не для бедных и обставлено соответствующим образом, в модном стиле хай тек – тёмные тона, матовый блеск алюминия, где прямые углы превалировали над обычной для Фаверленда классической роскошью. Отлично, не стыдно встретить гостей.

Тридцатизэтажная башня наполнилась звуками обыска. Искали революционеров. Дом окружили несколькими линиями полиции, понагнали со всего города парней в форме. Лора, выглянув из окна, покивала головой. Да, отсидеться им не удастся. Найдут рано или поздно.

– Что дальше? – Спросил Авен. Он встав в середине комнаты адресовал вопрос всем сразу, а никому-то в отдельности.

– Воевать дальше будем. – Эрик, хмурился. Безвыходность ситуации, позволяла проявить себя. Проверить твёрдость характера или сдохнуть.

– Да. Подстрелим ещё парочку свиней. Будут знать, с кем связались. – Лора, была настроена серьёзно.

Из прихожей, подал голос Вили:

– Идут!!!

Кто и куда идёт, стало понятно сразу. Авен и Эйх, встали у двери, девушки остались в комнате.

– Слева. – Дал пояснение, подрагивающий в нервном ознобе, Вили.

Эрик посмотрел в широкоугольный глазок (слава всем богам, хозяева не пожадничали вставив в дверь настоящую оптику, хоть дверь была скорее декоративным предметом интерьера, а не препятствием для грабителей (район отличался практически нулевым уровнем преступности) линза увеличивала показывая коридор, как надо, причём в обе стороны). Слева, со стороны лестницы шли ломщики в полной боевой выкладке. Шары шлемов, бронежилеты, автоматы всё в комплекте. Вытянувшись вдоль стен в две линии, спереди прикрывшись прямоугольными щитами со смотровыми щелями, пригнувшись, спецы двигались потихоньку, без лишнего шума. Останавливаясь на секунду, по пути, у каждой двери ломщики что-то такое делали после чего двигались дальше. По всей видимости, у них был прибор, типа портативного высокочастотного сканера, с его помощью они могли видеть сквозь стены. Сплетни об этом чуде техники ходили давно, но официально ПУ, никак их не комментировало. Этаж, где прятались Лучи, вычислить не составило ломщикам никакого труда, а остальное оказалось делом техники.

– Вили, иди назад. – Эрик, сменил обойму. Из трёх взятых сегодня утром на акцию магазинов, этот стал последний магазин. – А, ты Вил, по моему сигналу, откроешь дверь.

Лёгкий кивок, Эрик, выставив в коридор один ствол, всплоную послал две короткие очереди в направлении ломщиков.

Первая очередь ушла вверх, а следующая попала в щит. Все четыре пули повышенной пробивной способности сумели его преодолеть, две из них попали в ломщика. Державший щит солдат спецотряда осел, его бронежилет частично погасил скорость пуль, но сдержать их не сумел. Мягкие кусочки оружейного металла вошли в тело, ранили, но не убили. Ломщики, ошестинившись автоматами, дружно огрызнулись парой десятков очередей и унося раненного отступили. Главное, они узнали, где скрываются Лучи, стало известно.

Оставив Вилли сторожить возвращение мясников, остальные собрались в гостинице, на совет.

– Всё. Скоро они перегруппировавшись пойдут на штурм. – Вил, расхаживал взад-вперёд, размахивая руками. – Переговоры им с нами не нужны. Нам им взамен нечего предложить.

– Да, раз у нас нет заложников, так и разговаривать не о чем. – Генрика, сидела, задумчиво рассматривая висевшую на стене фотографию с протестантской кирхой. Она очень походила на ту, в которой проводил воскресные службы её отец. Любая экстремальная ситуация рождает рецидивы забытых сантиментов. Странно, но она чувствовала больше грусть, чем страх. Чтобы избавиться от наваждения она потрянула рыжей, пушистой головой.

– Чёрт, они постараются всё провернуть быстро, до приезда прессы. Живыми мы им не нужны, это точно. – Эрик, говорил тихо, будто читал собственный приговор. – Конеч-

но, прямого приказа им на нашу ликвидацию не давали, но и ждать от них жалости не приходится. Товарищи дадим им бой, которого они не ждут от нас. Потянем время до приезда журналистов.

– Чем мы больше их укокошим, тем сговорчивее станут. – Заявила Лора.

– Не уверен. – Эрик, покачал головой. – И, всё-таки, сделаем так, чтобы свиньи облажались на глазах у всей нации. Уверен, что загружаемые в труповозы носилки с мёртвыми ломщиками, покажут все каналы. Рейтинг для них важнее, правил приличий. Шокировать, заработать денег, вот их единственная цель. Система пожирает сама себя. – Он, по привычке говорил будто агитировал. Так он успокаивал себя, вселяя веру в товарищей об их победе. В данной ситуации такие слова являлись единственно правильным подходом. Если бы лидер распустил нюни, то его люди сторели бы, как папиросная бумага, ещё до начала штурма. Удача улыбается смелым – истина, которую знают бандиты, да настоящие революционеры. Они словно чёрные пулевые отверстия блуждали по улицам и районам, а там, где они останавливались, окутывались дымом, края часов-минут-секунд их пребывания в этом месте обваливались, ощерившимися в последней предсмертной гримасе, мертвецами. Настоящая жизнь!

Эйх, оказался прав, времени им не дали. Ломщики, подготовившись пошли на приступ. Но, Лучи успели подготовиться. Они завалив прихожую мебелью засели в комнатах

держа входную дверь под прицелом. Через две минуты после того, как они заняли позиции, дверь вздыбилась щепками от прошивавших её насквозь пуль. Деревянная основа предметов интерьера прихожей взрывалась фейерверком заноз. Пули летели под острыми углами сразу с двух сторон. Лучи, не отвечали, они не видели врагов, а значит, не в кого было стрелять, только зря расходовать итак, изрядно, похудевший запас боеприпасов.

Правда, ломщики обладали боевым интеллектом, какого от них никто из революционеров не ждал. Презрение к врагам не всегда полезно, очень часто оно оказывается роковым. Стрельба по двери стала отвлекающим манёвром. Понимая, что попытайся они взять квартиру в лоб, понесут потери, ломщики схитрили. Пока их коллеги разносили в щепы дверь, две основные штурмовые группы вышли на исходные позиции.

Потолок квартиры лопнул, окатив помещения дождём бетонных осколков сразу в двух местах – гостиной и кухне. Одновременно, синхронно с прозвучавшими взрывами пробивающими дыры проходов для солдат, брызнули осколки окон – в них с крыши влетели на верёвках трое ломщиков. Их автоматы, сорвавшимися с привязи сторожевыми волкодавами, создали сплошную завесу огня. Загремел бой в закрытом пространстве. Дрогнули стены дома – это взорвались две гранаты. Понеслось. Лучи, застигнутые врасплох, но не потерявшие принявшие вызов, пойдя на врага лоб в лоб. Их,

атаковали, они пошли в контратаку. Прикрытые бронёй ломщики представляли для них столько же опасности, сколько и они для них. Сумбур пороховой каши подкрашенной алыми брызгами крови, озарялся язычками мерцающих огоньками выстрелов.

Вил Авен, встретил с шумом ввалившегося в окно ломщика, стоя на коленях. Бетон над его головой осыпался пыльной шелухой, шальные пули, раскинутые широким веером, прошли совсем рядом. Ему удалось повернувшись, падая на спину встретить врага. Тело ломщика обвисло на альпинистской разгрузке, качнувшись, выплыло из окна наружу. Вскочив на ноги Вил, выбежал в соседнюю комнату, там с потолка, в дыру впрыгнули уже два ломщика. От них ему в плечо прилетели два презента, он отступил, оскалившись очередью в боковую дверь.

Звенели, разбивающиеся стёкла ещё трое штурмовиков очутились в квартире. Эрик с остальными бойцами пробились в кухню, куда вела всего одна дверь. Их встретил огонь. Спустившиеся из дыры в потолке двое солдат стреляли из-за укрытий. Новичка Вилли остановили первым – одна пуля вырвала ему часть челюсти, другая вошла в шею. Эйх, получил два раскалённых шара под правую ключицу и живот. Заплатив высокую цену, Лучи ворвались в кухню уничтожив двух ломщиков, получивших не меньше десяти ранений каждый. Ранее оглушённая гранатой Генрика, опалила пробитый взрывом люк в потолке, чтобы отвадить охот-

ников желающих спуститься к ним и заняла угол, направив автомат в дыру. На текущую из левого уха кровь он не обращала внимания.

Вил, пробежав несколько комнат, получил сквозное ранение в бедро, миновав коридорные завалы, оказался почти на пороге кухни, когда почувствовал, как спину пронзили несколько длинных игл расцветших острыми рваными лепестками гвоздик у него в груди. Споткнулся, покачнулся, свалился. Упал он назад, стукнулся затылком, очки слетели, открыв голубые, которые редко кто видел, по-детски круглые, будто прибывающие в перманентном удивлении, глаза.

Спецы, сделали вполне логичную вещь, которую на их месте повторила бы любая группа захвата, они кинули в пробитую на кухне, дыру, гранату. И, в дым, хаос разбитой кухни понеслись призраки ломщиков. Для временно потерявших слух Лучей они представлялись призраками, бесшумно выплывающими из-под белой пелены, награждающими беспомощных революционеров болью.

Как это ни удивительно, но Вил Авен, Генрика Швааб, Эрик Эйх и Лора Ванхоф, остались живы. Все они кроме Лоры, получили тяжёлые ранения. Эрик к двум первым ранениям, получил третье в голову, симпатичная Генрика попала в плен с пробитым лёгким и оторванной взрывом ступнёй. Лора, потеряла сознание, но осталась невредимой. Несколько царапин от осколков и только. В себя она пришла, когда её какой-то здоровяк ломщик взвалил на плечо и понёс к вы-

ходу. Первое, что она увидела, открыв глаза, как её Эрика, всего израненного, окровавленного тащат за волосы. На неё, такое жестокое обращение с раненым и любимым человеком, подействовало лучше, чем нашатырь. Она выгнулась, запустила пальцы под шлем ломщика, в одно движение скинула его с головы и ткнула большим пальцем штурмовику в глаз. Огромный ломщик, заревел медведем, шарахнул Лору на пол. Лора, подняться не успела, к ней подоспели другие штурмовики. Они её стали затапывать словно гадюку и остановились только тогда, когда на её губах и в ноздрях запузырилась кровавая пена.

Всех захваченных Лучей, поместили в тюремную больницу изолятора Политического Управления. Пятёрке Кариса Гана удалось уйти. Не смотря на то, что первая пятёрка оказалась, разгромлена, борьба продолжилась. Возглавил УРА – Ган.

Глава 22

Первое заседание суда по делу о нападении группы Эйха на автозак назначили на конец декабря. Подлатав пленников, по распоряжению генерала Кнута, их перевели в тюремный изолятор, поместив рядом с теми, кого они так неистово стремились освободить. Два процесса решили объединить в одно судилище над молодостью, любовью, жизнью.

За месяц прошедший с момента захвата четырёх революционеров, властям удалось прекратить деятельность ещё нескольких пятёркой УРА. Количество акций пошло на спад. За «Красным Летом», «Красной Осени», к сожалению, не последовало, но всё же в Фаверленде изредка, всё ещё, побухивали взрывы, гремели выстрелы. УРА, затаилось, заливая раны, пережидая ажиотаж репрессий, готовясь к чему-то особенному, значительному.

Ган, шёл на встречу, во вполне надёжную конспиративную квартиру, с представителем бескорыстных заграничных спонсоров. Деньги, добытые в весенних эксах кончались, а быстро получить их было можно только от сочувствующих их делу советов. Русским было можно доверять, он в этом успел убедиться. Русские снабжали УРА не только оружием и деньгами, они помогли с обучением. Три пятёрки прошли обучение в лагерях на ближнем востоке. Ган тоже там побывал. Теперь его багаж знаний, навыков значительно возрос.

Припарковавшись за квартал от нужного ему дома, он решил немного прогуляться. Солнце село час назад. Со стороны моря на город, лёгкими порывами, налетал прохладный ветерок. Вечер казался золотым, пахнувшим карамельными леденцами, тихим, совсем не по столичному уютным. Район, в котором находилась явка, являлся переходным мостиком между старой и новой частью города. Он раскинулся на возвышенности над побережьем, здесь, как нигде в городе, росло много зелени. Тени укрывающие мягким вельветом переулки, придавали району прелесть уходящего вперёд времени, здесь его течение притормаживало, хотелось верить, что старость отдалялась, а молодость, умеряя своё кипение, неограниченно продлевалась.

Не желая того, Ган, каждый раз бывая на Чайках (так назывался район), попадал под его ненавязчивое обаяние, постепенно окружающее, сжимающее на душе кольцо щемящей грусти, кружащее опьянением голову. Зайдя в подъезд дома, он поднявшись по четырём ступеням на площадку первого этажа подошёл к дверям лифта. Не успел Карис нажать на кнопку вызова, как на него со спины навалилась страшная тройная тяжесть. Три плотных человека со стёртыми лицами шпииков зашли за ним в подъезд. Незаметно, двигаясь они бесшумно, напали на Гана. И, красный боевик ничего не почувствовал! Обычно человек всегда чувствует, когда к нему достаточно близко подошли со спины, а Ган с нервной системой подпольщика настроенного на постоянное улавли-

вание сигналов потенциальной опасности, должен был почувствовать приближение трёх, недружелюбно настроенных мужиков, и подавно. Но, атмосфера района его расслабила, а профессионализм действий полицейских анестезировал аппарат оперативных предчувствий. Почему его решили брать в подъезде, а не проследили до квартиры или не взяли раньше, оставалось лишь гадать. Гана хотели задержать, это главное, а «что?», «почему сейчас?», когда ему выкручивали руки лязгая перед носом браслетами наручников, становилось не важно. Боролись молча, слышалось лишь пыхтение, свистящее, нетерпеливое сопение шпикиков. Гана, быстро сбили с ног. Подтащив к стене успешно ему отжимали руки за спину. Борясь Карис, успел заметить, как по лестнице, сверху спускался какой-то широкий силуэт высокого человека. Потом перед глазами замелькало, тяжесть чужих объятий перестала сдавливать грудную клетку, кто-то вскрикнул, кто-то застонал, а Гана, невероятная, звериная сила, вздёгнув, поставила на ноги.

– Идти сам сможешь? – Услышал Ган, вопрос, заданный совершенно будничным голосом.

– Да.

– Тогда пошли.

Ган, успел увидев измятые, неестественно выгнутые, лежащие в вычурных театральных позах, тела через секунду оказался на улице. Рядом с ним, поддерживая его под локоток, широко вышагивал молодой мужчина, ростом под два

метра, светловолосый, стриженный под стандарт армейского ёжика, здоровый, словно профессиональный тяжеловес бодибилдер.

– У меня машина, здесь недалеко. – Проговорил Ган.

– Судя по виду парней напавших на вас, машина может находиться под контролем. Неразумно так рисковать. Лучше воспользуемся услугами такси.

От спасителя Кариса, исходило такое мировое спокойствие, что он не стал спорить. Его спутник умел располагать к себе людей с первого слова. Ган, не на секунду, не заподозрил его, в ремесле искусного провокатора, каким он, к слову сказать, и не был. Автоматически установившееся, между двумя мужчинами, доверие стало пропуском для белобрысого здоровяка в мир Гана. Поймав такси, они поехали в пригород, лежащий между двумя частями города, старой и новой. Таксисту Ган, назвал адрес дома, отстоящего от нужного им здания на несколько кварталов. Пока мужчины шли на конспиративную квартиру, где сейчас обитал Ган с двумя бойцами (Отто Фетке, тот самый которого ранили в бицепс и Курт Ман, пришедший по призыву на место одного из выживших, по причине смерти, бойцов его пятёрки), познакомились. Широкоплечего драчуна звали Рэкс.

Пришли. Однокомнатная, съёмная квартирка. Аккуратная, чистая, немного тёмная из-за того, что глядела окнами на север, но в общем, вполне сносная. Отто, отсутствовал, дома был Курт, молодой, совсем ещё мальчик – худо-

щавый, с впалыми щеками, хитрым прищуром глаз, острым носом, упрямой, выдвинутой вперёд челюстью. Голова круглая, подстриженная коротко, но как-то криво, с участками, на которых волосы словно вырывали, а не выстригали. Такой очумелый вид объяснялся просто – Курт, предпочитая парикмахерским, полное самообслуживание стриг себя машинкой сам. Представив нового друга Курту, Ган с Рэксом прошли на кухню. От вина Рэкс отказался, а вот крепкий, свежеприготовленный Куртом чай, одобрил. Посидели, выпили по чашке, налили ещё по одной. Наступила неизбежная пауза в разговоре, необходимый переход между пустой болтовнёй и настоящим общением по душам. Рэкс, взяв инициативу на себя, начал:

– Судя по блеклым рожам парней намеревающихся тебя задержать, они служат в подразделении политической полиции. А, значит вы из тех ребят, что любят устраивать перестрелки с ними прямо под окнами наших добропорядочных буржуа, чем напугаете его, каждый раз, до полусмерти.

Ган, пригладил волосы, обдумав слова Рэкса, сидящего возвышающейся громадой на маленькой кухне, он ответил:

– Сказано очень красочно, но не совсем так.

– Чего же вы добиваетесь?

– Я дам на этот такой сложный вопрос, простой ответ. Мы хотим, чтобы человек был счастлив и не равнодушен.

– Учитывая, что большинство современных людей безразличны к чужому горю, не простая задача.

– Но, ведь ты не остался безучастным, пришёл ко мне на помощь.

– Я другое дело.

Курт Ман, внимательно слушал, о чём говорили за столом, но в сам разговор не вмешивался. Встав, он наполнив чайник водой поставил его, кипятить на плиту.

– Слушай, а как ты понял, что мы Лучи?

– Не мы, а прежде всего ты. Ведь, я понял это, как только увидел, как они тебя заучено прессуют. Настоящие спецы. А, дальше просто. – Ган, не считал, что всё так просто, но настаивать, переспрашивая, не стал. – Тебе повезло, что я оказался не на том месте и совсем в не то время. – Последнего изречения ни Карис, ни Курт не поняли, но оба промолчали. – Спускайся по лестнице не я, а любой другой жилец того дома, скучал бы ты сейчас в камере. И, ты после всего наплевать подавляющего числа людей, на горе ближнего своего, считаешь, что хомо сапиенсу нужно ваше счастье?

– Да. – Ган, закивал головой. – Поэтому, человек должен не только и не столько возможность покупать, продавать, а как апофеоз развития личности, обогащаться, а прежде всего, мог уметь реализовывать себя в жизни. Когда этот постулат реализуется в жизнь на уровне государственной идеологии, тогда жители того дома станут на подобные ситуации реагировать совсем по иному. Не сразу конечно, но постепенно, через панцирь косности мы пробьёмся к душе, духу. Ты знаешь, что все люди рождаются гениями?

– Признаться, я думал противоположное. – Рэкс, был заинтригован.

– Любой человек гений. Но западному обществу не нужны гении, ему требуются потребители, а значит, оно осознанно подавляет заложенные в человеке задатки таланта. Оно давит, постоянно делая из круглого квадратное, из прямого кривое, из чёрного белое. Наше, грядущее на смену старому порядку, общество – это общество равных возможностей, достижений – свобода настоящая, а не кажущаяся. Конечная цель нашей революции – избавление людей от каторжной зависимости от денег, а дальше вообще от любых материальных благ.

Рэкс, хмыкнул, откинувшись на спинку, жалобно скрипнувшему стула, с тяжёлой уверенностью прирождённого лидера впечатывая звуки в форму, не подлежащих сомнению, слов проговорил:

– Люди слишком не однородный вид чтобы быть счастливыми всем вместе, скопом. Коммунистическое завтра для всех это сказка. Хорошая, добрая, но сказка. Понимаешь? – Рэкс, говорил так убедительно, как будто знал это будущее не понаслышке.

– Ты так думаешь? Интересно, почему ты так уверен? – Ган, поражённый тоном убеждённого в своей правоте человека, пристально всматривался в это, словно отлитое из метеоритного железа, волевое лицо героя военного времени. – Рэкс, а чем ты занимаешься в жизни?

Лучи, получили неожиданный ответ.

– Я ё*арь.

– Что, прости, не понял?

– Я делаю женщинам детей.

«Что это, шутка? Да, похоже». – Ган, был неприятно поражён и разочарован, а поэтому искал причину, чтобы объяснить себе побуждающую подоплёку поступков Рэкса. – «Ну, а что, если он обыкновенный альфонс? Страдающий от своего низкого социального статуса? Да, для такого красивого, сильного, умного мужика просто трагедия продаваться за деньги. Но, такое у нас возможно. Ещё одна уродливая бородавка подтверждающая изначальную порочность системы построения общества Фаверленда.». – Увидев, до какой степени вытянулись лица революционеров, прочитав по ним все забегавшие в их головах мысли, Рэкс несколько лениво, как будто нехотя, объяснил:

– Не беспокойся, я занимаюсь этим бескорыстно. Не за деньги. Другие причины, а как следствие, другие следствия. – Рэкс, пошутив, позволил себе улыбнуться, чуть-чуть, одними краешками губ.

– Ещё чаю? – Курт, решил прийти на помощь своему командиру и сменить тему.

– Пожалуй.

Курт, налил гостю полную чашку ароматной, тёмно-коричневой жидкости.

– Знаете, вы обречены на поражение. – Рэкс, выпив чаю

оставил белую в розовый цветочек чашку в сторону. То ли удовлетворённый вкусом чая, то ли довольный высказанным им приговором, вынесенным им всему движению, произнёс эту короткую фразу с каким-то домашним удовольствием.

Ган, немного разозлился. Рэкс, мог убедить кого угодно, хоть истового христианина попробовать человеческого мяса. В его душу закрался холодок могильного сомнения, чтобы избавиться от этого сквозняка с того света, он схватился за орудие любого проигрывающего спорщика, за упрямство.

– Ничего подобного. Идея равной реализации природных возможностей любым человеком, восторжествует.

– Правильно. Иначе мир людей исчезнет, победит царство свиней. – Высказался Курт.

После чего, несколько возбуждённый разговором разбредившим Курту раны старых страхов, Ман, встав, подошёл к окну. За окном царила белая мгла. Невероятно редкое явление для приморского Давинвиля – туман, да ещё такой непроглядной плотности.

– Какой туман! Вы только поглядите! – Курт, удивлялся искренне, как ребёнок. В семнадцать лет, он хоть и участвовал в акциях, стрелял, убивал, не разучился ещё восхищаться такими простыми явлениями природы, как закат, рассвет, полнолуние или вот такой туман.

– Туман? – Рэкс, повернулся всем корпусом вместе со стулом. – Значит мне пора. – Он встал. – Спасибо за чай. Кстати, ваш второй вариант со свиньями, ближе к истине, чем вы

думаете.

– Я вас провожу. – Предложил свои услуги Карис.

– Не стоит. Не советую вам сегодня появляться на улице, тем более выходить в туман. Наверняка полиция устроит облаву. Вас ищут, имея на руках ваше описание, а теперь, возможно и фото.

Прощались с Рэксом, Лучи тепло. Крепкое рукопожатие, пожелание удачи и он ушёл. Рэкс, покинул квартиру революционеров, чтобы затеряться в тумане, вернуться туда, где на все мучавшие здешних чудаков вопросы, были найдены циничные утилитарные, до безобразия простые ответы. Здесь в прошлом чужого мира, ему делать было больше нечего. Удовлетворив любопытство человека нового биологического вида к отдельным представителям, можно сказать мутантам, старого типа, он возвратился к себе вперёд.

Глава 23

Просыпался я рано. Вставал в шесть утра, за час до завтрака. Раны от пуль затянулись, но по ночам всё ещё ныли. Больше всех беспокоил даже не живот, а плечо. Оно давало о себе знать внезапными прострелами с последующей тягучей, не затихающей ни на минуту, сосущей нервы болью. Днём ещё ничего, а вот по ночам её громкость увеличивалась до звучания духового, отчаянного фальшивившего оркестра. А, ещё я очень похудел.

Умывшись, я прошёлся по камере. Одиночка размером три на четыре. Унитаз, тумбочка, кровать, железный стол, куб сиденья, вмонтированные в пол, немного посуды вот и весь мой не хитрый скарб. В изоляторе я получил казённые штаны, куртку, нижнее бельё. В общем, одели они меня в серые застиранные тряпки тюремной робы. Это называется прибрахлиться по тюремному, я сразу перестал походить на свободного модника. Того и гляди, не желая того, можно вылечиться от тяги к прекрасному. Что не удавалось мне, удаётся им.

Раз в три дня меня выводили в закрытый тюремный дворик на прогулку. Там я мог встречаться с товарищами. Вил, Юрий Рубен, Карл Бир. С моей Лорой я не виделся с того самого дня, как нас схватили. Женщин держали в другом блоке. Если с парнями мы имели возможность перестукиваться

через стены и батареи, то с девочками у меня имелась всего лишь тоненькая ниточка связи, через посредника. Генрика, лишилась части левой ноги, ступню ампутировали с куском голени. Протеза ей естественно не поставили, передвигалась она теперь на костылях. Нема Ваган, которая получила при штурме банка, ранения обеих рук тоже стала инвалидом – повреждённые связки сшили, но сжать руки в кулаки до конца она не могла. Слава богу, Лора, чувствовала себя лучше других. Вчера мы с товарищами договорились о совместных действиях, в знак протеста против нашего одиночного содержания. Оставалось предупредить женщин, тогда и начнём. Мне запретили читать, но разрешали писать. На месяц выдавали целую ученическую тетрадь – 18 листов и карандаш. Излагать мысли мне позволили не без умысла, мои записи регулярно проверяли, а вдруг я напишу то, о чём отказываюсь говорить. Глупо. Зато, я мог себя занять, разбавив тягучие минуты ожидания неизбежного писаниной.

Принесли завтрак. Пока я лежал в госпитале потерял пятнадцать кило. При моей отнюдь не атлетической комплекции я стал похож на узника Бухенвальда. После того, как меня перевели в тюремный изолятор, пять килограмм я вернул себе обратно. Кормили очень хорошо – мясо, рыба, овощи, всё остальное. Продукты приличного качества. Но, ни одной тарелки я не мог доесть до конца. Не лезла в меня еда. Не было аппетита и всё. Сегодня мне подали тушёную капусту, сосиски, два куска хлеба, большую кружку кофе, масло. Поковы-

рвав вилкой капусту, я съел сосиску, хлеб, кофе выпил. Всё. Не доел больше половины порции. Через час опять придёт дознаватель, начнётся ежедневная обязательная допросная муть. Зарядка. Надо хоть немного взбодриться. Приседания, немного отжиманий. Отжиматься больше, чем семь-восемь раз за подход, мне не удавалось. Плечо начинало нестерпимо жечь, тянуть. Колени в последнее время тоже стали отчего-то болеть. В первые две недели, я ещё практиковал прыжки на куб стула, но суставы взбунтовались скрипами, хриплыми рыданиями мокрых хрустов, от прыжков пришлось отказать. Несколько подходов. Мне стало жарко. Сердце колотилось, тяжело дышалось, кружилась голова.

Я ошибся дознаватель сегодня не пришёл, меня самого повели в допросную. Такое, хоть и редко, но случалось. Мои ответные визиты к нему вносили разнообразие в жизнь заключённого. Унылое существование после настоящей жизни. Из белой камеры меня двое конвойных солдат вывели в белый коридор. Здесь всё встречало меня белым – стены, пол, двери, поручни. Тюрьма словно психиатрическое гнездо неизлечимых болезней разделённое на одиночные клетки для буйно помешанных пациентов. Наверняка мы им такими и казались. Единственное цветное отличие коридора от камеры выражалось в тонкой оранжевой линии, шедшей по его середке, по которой меня вели.

Прибыли. Я пожелал доброго дня, мне, как всегда, не ответили, указав, вместо приветствия, на стул. Всё. Дозна-

ватель вызывал во мне чувство органического отвращения. При его виде, мне всегда приходило на ум, что он и я, принадлежим к разным биологическим видам. На его узких плечах болталась большая голова – её лысину окаймляла полоска чёрных блестящих жиром, всегда грязных волос. Она мне напоминала оголённую головку полового члена. Волосы это закатанная в чёрную складку крайняя плоть, а розовая лысина – залупа. На макушке даже соответствующая складка имела. По бокам головы болтались большие обвисшие уши, если продолжить сравнение – их можно принять за сдувшиеся яйца, постепенно трансформирующиеся в крылышки. Получалась летающая головка пениса с лицом тролля. Крупный нос нависал круглым кончиком над тонкогубым нервным брезгливым, кривым ртом. Глаза прятались в мешках под глазами и верхних вечно опухших веках, до той поры, пока он не начинал орать, тогда они наливались кровушкой, вылезая из орбит шариками, непонятно какого цвета, подрагивая в такт его лаю. Меня каждый раз передёргивало, когда я его видел.

Дознаватель что-то нудно начал мне, в сто первый раз, втолковывать. Я привык, пропускал его слова мимо ушей. Нам – мне и другим товарищам из первой пятёрки повезло, нас допрашивали, но не пытали, даже не били, как первых ребят попавших в руки мясника Кнута. По непонятной для меня причине правительство приняло решение о допуске к нам журналистов, на еженедельной основе. Наверняка они

хотели показать какие они добренькие и «цивилизованные». Кнут, активно возражал, но на его мнение наплевали. Вполне в традициях системы, когда вышестоящие никогда не слушают подчинённых. Отличный стимул для тех, кто любит карабкаться по карьерной лестнице на вершину властного Олимпа. Чем ты выше, тем меньше тебе приходится проводить времени в ванной, отмываясь от начальственных плевков. Кнут, не желал огласки, он и дальше хотел выбивать из нас нужные показания, но наверху решили иначе, возможно они совершили очередную ошибку – очередную глупость так характерную для них.

Пускали к нам в основном журналистов по собачьи преданных режиму. Они приходили, неумело пробовали лезть в душевные раны своими невымытыми руками, стараясь препарировать непонятное им явление не имея соответствующего образования – близнецы Вилки, того писаки, которого наши девочки ликвидировали в подъезде его собственного дома. Вши. Но было среди них одно выдающееся исключение – Эрнст Радопулос. Видеться с ним мне, с каждым разом, становилось всё тяжелее и тяжелее, а обходиться совсем без него трудно. Наши встречи походили на возвращение человека, после долгого отсутствия к себе домой. С одним дополнением – домом, да, но в том случае, когда дом оборачивается давно остывшем пепелищем. Эрнст, мне казался наивным представителем родной планеты, которую я давно покинул, ради холодной бездонности далёкого космоса. Он вызвался

стать посредником между нами и властями, стараясь подойти к вопросу не предвзято, за что я ему был благодарен, хотя его голос ничего не решал, утопая в изрыгаемых тысячами глоток воплях проклятий направленных в нашу сторону. Именно он служил мне связником с женским блоком. Я, ему давал и получал от него записки к Лоре. Моя Лора не сдавалась, она бурлила энергией, фонтанировала идеями о продолжении борьбы. Её оптимистический энтузиазм сейчас я воспринимал с трудом. Нет, веры я не потерял, просто Лора оказалась сильнее меня, да и всех нас вместе взятых. Скоро ей представится на деле доказать, насколько много желания в ней осталось. Я уже говорил, что мы с мужской половиной товарищей договорились об акции. Что-то мне подсказывало, что самым активным её участником станет Лора. Лишь бы с ней не случилось ничего плохого. Я, так по ней соскучился, по её дикости, строптивости на людях и безоглядной нежности со мной наедине. Миф, пустое ожидание потерянного счастья.

Как же я устал. Покупаться бы сейчас в море, выпить красного вина, позагорать. Пройтись по вечерней набережной в белом костюме и ботинках из крокодиловой кожи. Но, всё осталось далеко позади, как во сне, чудом не стёршемся из памяти после резкого пробуждения.

Мне что-то говорили. Этот летающий хрен даже привстал, подошёл, шевеля ушами, ко мне.

– Вы же понимаете, что всё кончилось. Вам предлагают

рассказать о всех известных вам пятёрках. Обещаю вам, что информация не будет афишироваться. Никто не узнает от кого мы её получили. Вы же понимаете, нам можно верить. Слушайте, не будьте ребёнком, вам же выгодно чтобы они остались в живых. Какая участь их ждёт? Знаете, без вас у них перестало получаться. Лишние жертвы не нужны никому, ни вам, ни нам. Что скажете?

Из дознавателя получился бы отличный дятел. Изо дня в день долбит в одну точку ничуть не смущаясь отсутствием результата. Скучная работа, свихнуться можно.

– Неблагодарное это занятие говно есть.

Дознаватель, ничего мне не ответил, нажал на кнопку под столом. Вошли солдаты. Меня увели в камеру. Скоро обед.

Глава 24

Перед каждым визитом к кому-либо из содержащихся под стражей Лучей, Родопулос должен был в обязательном порядке посещать кабинет генерала Кнута.

– Зачистили вы к нам. – Кнут, сидел в кресле за письменным столом и вертел карточку пропуска в пальцах. Ставить подпись, он как всегда не спешил. – Книгу пишете?

– Вы лучше скажите, зачем вы их в одиночках держите? – Эрнст, сидел напротив генерала, жевал его глазами.

– Господин Родопулус, мы же с вами эту тему сто раз обсуждали. – Кнут, объяснял, как маленькому. – Им повезло, что, как террористов их содержат в нашем изоляторе. В любом другом месте подконтрольном полиции, их бы в общие камеры посадили. А, это знаете ли, чревато. Народ бы их не понял.

– Народ. – Слово «народ» в его устах прозвучало выразительно, с изрядной долей неприкрытого ироничного недовольства.

– Да, народ – люди, хоть и совершившие преступления, но, по-моему мнению, являющиеся более гражданами, чем ваши красные друзья. Так, что я им жизнь спасаю. А, у нас многоместных камер нет. Специфика знаете ли.

– Ну, а зачем вы их прогулок лишаете?

– Что же это вы такое говорите, выводят их дышать воз-

духом регулярно.

– Раз в три дня?

– Как по регламенту положено, так и выводят.

– Угу. Новая форма пытки? Дыбы и электрошока вам мало стало.

– Какие ещё дыбы? А! Это вам Рубен всё наговаривает, не успокоился ещё. – Кнут, поджав губы, постучал пальцем по покрытой бархоткой поверхности стола. – Знаете, господин писатель, скажу откровенно, если бы я узнал, что кто-то из моих ребят превысив полномочия навалял этим соплякам, я бы не расстроился.

– Спасибо за откровенность. Они, как, впрочем любые задержанные полицией имеют права.

– Они ничего не имеют. Своей деятельностью они поставили себя вне закона. С такой оценкой, кстати, согласно большинство жителей Фаверленда.

– Отцы убивают детей. Им есть, что вам сказать.

– Никто их слушать не хочет. Всё, что могли, они уже сказали выстрелами, взрывами. Ничего себе детки! Страну на уши поставили. Сколько человек поубивали, в том числе простых, ни в чём не повинных, граждан.

– Лучи не убийцы, они наивные романтики, борющиеся за наше счастье.

– За ваше счастье. У нас вам тут не Китай двадцатых годов. Гражданской войны развязать им не позволят. Лично я не позволю. Вашим товарищам лишь бы пострелять. Тир

из Фаверленда устроили. У них никакой политической программы нет, одно насилие.

– Почему же? Есть у них программа.

– Знаю, читал их манифест, боевой листок, даже пухлый том, каких-то там комментариев, неизвестно кем написанный. Макулатура. Неприкрытый садизм отвергнутых обществом неудачников. Что они там пишут? Всех расстрелять, всё разрушить и тогда всё само собой, как-нибудь устроится. Бред, облаченный в красивые фантики слов.

– Вы не понимаете.

– Куда уж мне.

– Их ведёт высокое чувство социальной ответственности, они готовы пожертвовать жизнями за ЧЕ-ЛЮ-ВЕ-КА. Кто же виноват, что вы, система не дала им такой возможности.

– Они готовы – мы не готовы. Пускай бы шли в армию служить, землю отцов защищать, толку бы больше было.

– Шла бы война, конечно, если бы на нас напали, а не наоборот, они бы пошли на фронт добровольцами, я уверен.

– Значит, мы для двух сотен психически ненормальных юнцов должны что-то там выдумывать. Ох, господин Родопулус, а вы не только правозащитник, а ещё и фантазёр.

– Поймите, Лучи лишь авангард, они первые кто осмелился высказаться прямо. Таких в нашей стране сотни тысяч. Им не нужно сытое тепло, этот хлев для жвачных. Им нужны не деньги, а творчество!

– Это вы так говорите, потому что сами человек творче-

ский. Может быть, они действительно куда-то там, под действием гормонов, летят сломя голову, но нам-то, что прикажите делать. Стать зрителями, позволить им дальше куролесить, мазать кровью мостовые городов? Это же не серьёзно.

– Достаточно будет их просто понять. А, поняв начать диалог.

– Зачем? Они сами заявляют о себе, как о непримиримых.

– Сделайте шаг навстречу первыми, прекратите давить левое движение. Постепенно разрушительная энергия станет созидательной.

– Вы заблуждаетесь. Для революционеров важна драка в принципе, а не её конечная цель. У них в крови бурлит вирус насилия. Нужен лишь повод для борьбы, а за что там стрелять, по большому счёту, значения не имеет. – Кнут, откинулся на спинку кресла, он был удовлетворён, писатель проигрывал ему спор, аргументов не хватало. Чувствовать-то правоту Лучей, он чувствовал, а вот понять до конца, в чём она заключается, в чём её костный мозг не мог – не позволял возраст. Родопулус, лет десять назад проскочил точку, когда все связи между событиями в мире были для него понятны, а любое явление объяснимо с помощью логики разума. Со временем всё изменилось, ослабли способности видеть и предвидеть, осталось одно душевное беспокойство вкупе с тягой к мечте.

– Вы мне пропуск подпишите?

– Да, конечно. – Генерал, спохватился, взял пропуск.

Чиркнув на нём изящную загогулину подписи отдал его в руки писателя. – Приятно было с вами увидеться. С умным человеком всегда интересно спорить, даже если он и ваш идеологический противник.

– Благодарю. – Эрнст, благодарил за подпись, а не за комплимент.

Кнут, поднявшись, вышел из-за стола, предупредительно поддерживая писателя под локоток, проводил его до дверей.

– Вы же сегодня, в первую очередь, к Эйху идёте. Повлияйте на него, пускай, ради бога, не усложняет. А, то он там всякие заговоры составляет, нехорошо, в самом деле. На суде это будет отягчающим обстоятельством.

Родопулос, виду не подал, ничего не сказал, но про себя отметил, что генерал имел информацию о своих подопечных, а значит, был и источник откуда о черпал данные о своих подопечных.

С Эриком, он встречался прямо у него в камере. На интервью отводился час.

– Здравствуй, Эрик. Как здоровье? – Эрнста завели в камеру, дверь закрыли, он пройдя к с столу присел на зафиксированный табурет. Эйх, сидел на кровати.

– Ничего.

– Что у вас тут нового.

– Тоже ничего.

– А, у меня есть новости. Ваш бывший товарищ Петер Сваар, объявился у наци.

– Да? – Брови Эйха, поползли вверх. – Впрочем, я удивлён не очень. Он всегда был юдофобом. Для него так лучше будет.

– Это же предательство!

– Не надо Эрнст. Он никого не предавал. А, идеи, ну что ж, во многом мы с ними сходимся.

– Признаюсь, удивительно от тебя такое слышать.

– Нет, ты не думай, они конечно враги, и всё же наци другие, не планктон, в общем. Народу гораздо больше нравится, когда его гладят по головке, а не, как мы дубасим дубиной. У наци гораздо больше вероятность прийти к власти в ближайшие годы. Так, что оставим Петера в покое. Расскажи лучше, как обстоят наши дела.

– Порадовать тебя нечем. УРА, фактически свернула свою деятельность.

– Значит, дознаватель не врал. Так, дальше. Что КПФ?

– Вас осуждают все партии левого толка, КПФ, к сожалению тоже. Лай, однозначно выражает позицию руководства по этому поводу.

– Другого от них ожидать сейчас трудно. Понятно, испугались.

– Слушай скоро суд. Что говорит адвокат?

– А, что он может сказать? По-моему ему мы до лампочки. Сделал вялое предложение пройти на психиатрическое освидетельствование. Мы отказались. Доказательной базы хватает. Наши действия характеризуют, как терроризм, банди-

тизм, убийство. Пожизненное. Не знаю, что лучше – смерть или гнить за решёткой заживо.

– Да, в Фаверленде, слава богу, нет смертной казни.

– Ты так думаешь? Ладно. Скажи лучше много ещё наших взяли.

– За последние две недели ни акций, ни арестов не проводилось. Эрик, мне кажется, ты похудел.

– Вес прежний, но ненадолго.

– Что ты имеешь ввиду? – Эрнст, не понял.

– Не важно.

Эрик, поднялся и подойдя к Родопулусу, положил ладонь на стол. Вот теперь писатель догадался, он незаметно накрыл своей рукой ладонь Эйха. Передача записки состоялась.

– Ты сейчас к кому?

– У меня два стандартных посещения. После тебя загляну к женщинам.

– Лоре, передай, что... Хотя, нет, это я ей сам скажу при встрече. Мои слова не для чужих ушей.

Эрик, намекал на то, что их подслушивают. Писатель, сразу кое-что вспомнил:

– Как твои записи? – Родопулус, посмотрел на стол, где лежала тетрадь.

– Да. Пишу, чтобы мозги в форме держать.

– Можно взглянуть?

Эйх, кивнул. В тюрьме он вернулся к юношескому увлечению стихами. На страницах в синюю клетку между строч-

ками маленьких шатающихся букв складывающихся в философские изречения заключённого, в промежутки между текстом, Эрик вставлял свои не мудрёные стихи. Родопулус, ещё раньше ознакомленный с творчеством руководителя УРА, считал его интересным. Полистав тетрадь, он остановился на последней заполненной странице. С одной стороны разворота тетради, на всю страницу, глядело в белый мир камеры стихотворение:

Солнце меркнет от хохота глупого
Наливаются желчью глаза
Я ненавижу своё бессилие
И силу своего врага
Нехорошее, пьяное, глупое
Беспокойное вороньё
Бьёт клювом меня по темени
Бьёт клювом меня давно
Пистолетные выстрелы мятные
Хорошо лёг на палец курок
Не способность себя возвеличивать
Убивает в тебе вождя
А, без этого посоха царского
Тебе не видать никогда

– Неплохо. Даже очень. – Эрнст, взял в руки карандаш. –

Если позволишь, я бы последнюю строчку немного подправлю. – Не дожидаясь разрешения Родополус, склонившись над тетрадью быстро что-то написал. – Вот так.

Эрику, стало любопытно, он взяв тетрадь в руки прочёл на правом листе. – «Ваши планы известны Кнуту». – Писатель предупреждал, он не знал, что затеяли ребята, но то, что что-то они готовили у него не вызывало сомнений.

– Умм. Да, так, пожалуй, лучше. – Эрик, выдавил улыбку. – Сразу видно руку мастера.

– Мне пора. Хочу до обеда с товарищем Вайнхофф поговорить.

Писатель и революционер попрощались. Дверь камеры лязгнула, Эрик опять остался один.

Глава 25

Через два дня после посещения Родопулосом изолятора ПУ, Лучи начали голодовку, одновременно послужившую сигналом для пятёрки Гана к началу действий.

Пятёрка Гана состояла из ветерана Отто Фетке, с простреленным тогда на первой, для всего УРА, акции бицепсом. Курта Мана – молоденького максималиста, стриженного фанатика и пришедшими в партию одновременно с ним парой родственников – братом и сестрой Арк. Эндрю Арк, двадцать семь лет, старший брат, смешной толстячок – круглолицый, круглоглазый, нос крючком с недовольным ртом, отсутствием подбородка, только с виду, был похож на мямлю, на самом деле, он имел железный характер и упрямство как микадзе. По сути, и он, и его сестра Гера, поэтапно, на законных основаниях дополняли фанатизм группы, изначально привнесённый в неё Куртом. Гера Арк, красивая, маленькая, как тринадцатилетняя девочка, брюнетка с длинными сверкающими на солнце, синими искрами чёрной ночи, волосами. Чистое лицо ангела, обрамлённое антрацитовыми занавесками волос, дополняли большие синие глаза. Миниатюрный рот с нижней губой более пухлой и нежно изогнутой по сравнению с верхней тоненькой, по-детски розовой. Трудно представить, что в таком неземном существе одновременно могли уживаться любовь и ненависть, нежность и

твёрдость, желание жизни и жажда смерти. Тем не менее она вместе с братом успела доказать свою состоятельность, как одна из самых жёстких, оставшихся на свободе, бойцов УРА.

Отто Фетке, питал к Гере, отнюдь не дружеские чувства. Любовь в его сердце вспыхнула, на фоне исходящего от Красного Лета жара, впервые за двадцать один год его жизни, но он не мог себе позволить показывать чувства. Отто, оставаясь идейным девственником считал себя не достаточно сильным, а значит не достойным никаких серьёзных отношений с женщинами, тем более интимных. По его мнению, лишь лучшие должны давать потомство, иначе землю заполнят дегенераты – бесполое уроды. Признаки этого негативного явления наблюдались в сегодняшнем Фаверленде. В общем, страдал он молча. Все в группе, кроме Курта, по причине его молодости, догадывались о влюблённости Фетке. Знала и Гера, но она воспринимала Отто только, как надёжного боевого товарища. Ган, не препятствовал расцвету чувств одного из бойцов, он даже радовался – личная привязанность укрепляла пятёрку дополнительными связями.

Эндрю Арк, работал уборщиком в столичном аэропорте. Собственно на его возможностях строился весь расчёт. Ган, с остальными бойцами, решили захватить самолёт, а затем потребовать освобождения всех их товарищей томящихся в тюрьмах и изоляторах. Последние десять дней Эндрю занимался весьма опасным делом. Он, прикрываясь служебным комбинезоном низшего рабочего, проносил в аэропорт ору-

жие и прятал автоматы-пистолеты в тайнике. Служба безопасности таких, как он почти никогда не останавливала, не проверяла, но возможность такую имела.

Эндрю, вёз тележку со швабрами, тряпками, шампунями по зоне ожидания международных рейсов. Кеды хлопали по натёртому до блеска полу, висевшее сбоку тележки ведро слабо звякало. Он вильнув направо, протиснувшись между креслами ждущих посадки пассажиров и стенкой, оказался перед входом в туалет. Достал табличку, повесил её на ручку. Дождавшись, когда последний посетитель покинет помещение туалета, принялся за уборку. Дверь для верности заблокировал, подперев шваброй. Достал из шкафчика тележки, продолговатый, увесистый свёрток. Зашёл в крайнюю кабинку, забрался на унитазный бочок, отодвинул панельку навесного потолка, положил последний свёрток к остальному арсеналу. Комплект. Пять автоматов советского производства «Бизон-2», три пистолета, а ещё бомба – три килограмма взрывчатки плюс два шляпок гвоздей соток в комплекте с шариками от подшипников. Жуть, каждый раз, когда взгляд Эндрю падал на адскую машину, его передёргивало – нервная дрожь рябью пробегала по лопаткам оседая испариной стекающей со лба на толстые щёки. Поэтому задерживаться, рассматривая секреты схрона, он не стал, вставил на место потолочный пазл, слез, снова взялся за швабру.

Рейс под номером 346 отправлялся в полёт утром – в девять тридцать, из Давинвила в Нью-Йорк. Лучи, выбрали

именно этот рейс не случайно. Случайных людей в США не летало. Большую часть пассажиров составляли толстосумы, играючи позволяющие себе потратить полторы тысячи марок на один перелёт. В бизнес класс билеты стоили ещё дороже. Самолёт был относительно небольшим, рассчитанным на сто пятьдесят посадочных мест, а значит защищать его легче, соответственно мясникам решиться на штурм сложнее. Этот конкретный международный авиаперевозчик, осуществляющий рейсы за океан считался премиальной компанией. Обслуживание по первому разряду, удобства, икра, шампанское, видеофильмы. Сотрудники компании делали все, чтобы клиенты остались довольны. Обаяние капиталистического строя в действии. Денежные мешки – хозяева жизни, услужливый обслуживающий персонал всем довольный с застывшей заученной пластиковой улыбкой на губах. Дрессированные системой люди. Але ап! Большой дядя корпоративный плутократ приближается, помахивая главным движущим вперёд, всю западную цивилизацию, золотым органом – желанием финансового обогащения. Рабочую стойку принять – встали раком и улыбаемся. Улыбаемся! Главное, чтобы все казались довольными. Внешнее главнее внутреннего. Неужели не знали? Ну, вы и лузеры.

За три часа до взлёта, как и положено сознательным пассажирам, Лучи прибыли, по отдельности, на двух такси в аэропорт. Зарегистрировались, прошли через зону досмотра, в зал ожидания. Народу в здании аэропорта было уже предо-

статочно. 25 декабря. Рождество. Предпраздничная суета, кафе работают, пассажиры подкрепляются. Ёлки сверкают мишурой, электрическими огнями гирлянд. В стеклянных дверях на входе в аэропорт стоят пузатые розовощёкие Санта Клаусы. Охранники в десятигранниках фуражек, взирают на толпу пассажиров благосклонно.

У заветного места – общественного туалета группу из четырёх Лучей, ждал пятый – Эндрю. На акцию он со всеми не шёл, хотя очень хотел. Лучи нуждались в стороннем наблюдателе, который мог бы своевременно сообщать им о действиях полиции. Для этой цели лучше всех подходил Эндрю Арк. Пассажиров могли из аэропорта эвакуировать, а вот персонал остался бы. По крайней мере на некоторое время.

Повторив трюк с табличкой об уборке, он впустил ребят внутрь. Оружие, рации достали, распаковали, распределили за две минуты. Бомбу приняла на себя Гера. Пристегнула на ремнях к себе на живот укрыв под полами джинсового полупальто. Она его специально подобрала на размер больше, чтобы под ним пакет с бомбой не выделялся.

Накануне вечером Ган, собрал всех у себя на конспиративной явке. Долго говорить он не стал. Повторив кто, что будет делать, Карис, взял слово:

– Завтра мы идём за жизнями наших товарищей. Наш долг выручить их. Возможно, нас всех завтра убьёт, но мы не имеем права отступать. Простите ребята, но я обязан задать вам вопрос. Может быть кто-то не уверен в себе? Ни-

чего страшного не случится, если откажитесь, лучше теперь, чем там. И, здесь найдутся дела. – Все молчали. Решительность блеснула в их глазах. Сомнения остались в прошлом. – Хорошо, значит, выбор сделан.

Ребята обнявшись постояли немного в кругу товарищей заручаясь взаимной поддержкой. После чего, Лучи разъехались по домам (на период перед акцией революционеры, для соблюдения режима секретности жили поодиночке), чтобы встретиться на завтра уже в аэропорту. Они знали, что второй попытки им не предоставят. При удачном стечении обстоятельств они рассчитывали, вместе с освобождёнными из тюрем товарищами, улететь на восток, укрывшись там в одной из арабских а-ля социалистических стран с харизматичным диктатором во главе. Под крылышком тирана отдохнуть, чтобы вернуться в страну отцов сильными, готовыми к продолжению борьбы. О поражении думать не хотелось.

Объявили посадку. Оставалось пройти всего несколько метров и начнётся. И у самых храбрых представителей рода человеческого перед решающим боем сердца начинают отбивать тревожную чечётку. Сказать, к чести четвёрки храбрых ребят идущих на весьма вероятную смерть, никто из них не испытывал ни малейших сомнений в правильности предстоящего им дела.

Короткий стеклянный коридор перехода, гофрированная кишка между зданием и самолётом, улыбочивые, встречающие пассажиров хорошенькие стюардессы в фиолетовых

костюмах с шапочками на их прелестных головках, салон, кресла. Места Лучей распределялись по всему салону первого класса (второго, а тем более эконом класса на таких рейсах не предусматривалось). В первом и во втором салоне хватало свободных мест. И, опять ожидание, пока последние, подгулявшие клиенты – два американца из бизнес класса не совершат посадку. Курт, заволновался, задёргался. Увидев, что он готов сорваться, наделать глупостей, Ган чуть прижавшись к месту дал ему знак вести себя тихо. Сам он, опустившись в кресло, закрыв глаза попытался сосредоточиться.

Дверь в самолёте задраили. Самолёт вырулил на взлётную полосу. Старт.

Первым вскочил Ган. Он выдернув из подмышки автомат, громко проговорил:

– Самолёт захвачен! Оставайтесь на месте, тогда никто не пострадает.

Пока он говорил остальные три члена группы, вооружившись, тоже встали. Курт, подскочил к двум выбежавшим на шум, стюардессам.

– Лежать! – Голос сорвался на крик. Курт, схватив одну из стюардесс за плечо бросил её на пол, вторая легла сама.

После первого испытанного шока, пассажиры загалдели. Некоторые повставали со своих мест. Ситуация грозила выйти из-под контроля.

– Мы из УРА. Кто не сядет, убью! – Ган, вынужденный обстоятельствами, звонко прикрикнул. Его палец пля-

сал на курке, ему требовалось вся выдержка, чтобы не начать стрельбу.

Отто, сориентировался первым. Увидев, что аббревиатура их партии, оказала на самых непонятливых пассажиров охлаждающие действие, и они замерли, подойдя к первому попавшемуся дяде в уродливых, роговых очках отвесил ему смачную, звонко прозвучавшую в наступившей тишине затрещину. Очки, слетели, перелетев через головы двух соседей ударились об иллюминатор. Дядя сел, а за ним опустились все остальные. На подавление бунта ушло не больше десяти секунд. Дальше требовалось действовать ещё быстрее. Самолёт уже остановился.

Курт и Гера, остались контролировать первый самый большой салон, а Ган и Отто, побежали в нос самолёта, в салон бизнес класса. Оттуда всех пассажиров погнали в хвост, чтобы обеспечить лучший контроль. Несколько американцев не пожелали покидать своих мест. Они находясь под парами крепкого алкоголя не совсем понимали, что происходит.

– Встать! – Ган, навис над краснорожим бугаем, не стесняющимся басом выражать своё недовольство. Американец, услышав обращённое к нему требование, и не подумал сдвинуться с места, он лишь глубже впечатав зад в кресло злобно зафакал. – Дерьмо. – Констатировал Карис, со всей силы въехав ему автоматом в зубы. Раздался глухой стук, губы сплюсшившись, разошлись красными стяжками, перед-

ние зубы уехали назад. Весело заструившаяся кровь по лицу их строптивного соотечественника охладила пыл заокеанских гостей. Они встав, поддерживая раненного, перешли, туда, куда им указали.

Наведя некое подобие порядка в захваченном самолёте, согнав всех пассажиров, стюардесс в одно место, Карис и Отто пошли к лётчикам. Когда, началась заварушка, они заглушили двигатели. Самолёт замер в начале заасфальтированной полосы для разбега. Ган, постучал в запёртую лётчиками дверь, ведущую в кабину самолёта, подтвердив своё требование, следующими словами:

– Открывайте.

Молчание, лишь слышно, как что-то там щёлкает.

– Открывайте. Мы не в воздухе, бояться разгерметизации нечего. Если вы не откроете, буду стрелять.

Шебуршание. Один из пилотов посмотрел в глазок. Замок тренькнул, дверь открылась. Четыре лётчика в белых рубашках с золотыми значками их компании на левой стороне груди с зелёными, от страха, лицами, как после пищевого отравления, встречали Лучей стоя.

– Кто командир? – Карис, поводит автоматным дулом из стороны в сторону, делая остановки на каждом летуне отдельно.

– Я. – Мужчина с лобастой головой, чётко обозначенными носогубными складками поднял руку.

– Так. Как вас зовут?

– Валентайн Гор.

– Отлично. Прикажите вашим людям очистить кабину. – Гор, жестом приказал подчиниться. – Проводи их к остальным. – Ган, обращаясь к Отто. – А, мы с вами командир пока останемся здесь.

Когда Отто увёл трёх лётчиков, Карис продолжил:

– О захвате самолёта вы уже сообщили?

Гор, опустив голову молчал. Он смотря в глазок дула, ожидал выстрела. Заметив его состояние Карис, сказал:

– Если не успели, то давайте радируйте. Мне нужна связь.

– Мы лишь передали, что на борту чрезвычайная ситуация.

– Хорошо, а теперь скажите, что самолёт захватила УРА.

Гор, сев в кресло, надев на уши наушники передал то, что от него требовали. В ответ, его о чём-то спросили.

– Они хотят знать, чего вы добиваетесь. – Гор, обернувшись, снизу вверх смотрел на этого страшного человека с расширенными зрачками ночного хищника. Он точно был психически ненормален, а значит мог в любой момент выстрелить. Гор, от отсутствия самообладания не страдал, в лётчики, людей способных обмочиться при малейшей опасности, не брали. Однако, когда вам в затылок смотрит дуло автомата, который в руках держит фанатик, дополнительной уверенности в собственных силах сей факт не придаёт.

– Скажи, что мы будем вести переговоры лишь с уполномоченными властями лицами. Пускай поторопятся.

Гор, пересказав всё, что ему сказал террорист спросил у него:

– Что дальше?

– Дальше ты падаешь вниз.

Лётчик не понял, что этим «падаешь вниз» хотел сказать

Луч. Ган, ему объяснил:

– На пол.

Командир подчинился.

– Так и лежи, пока не скажу.

Ган, забрал у лётчика его наушники, надев их, сел на место штурмана, тем самым он очутился в глубине кабины, в него стало не попасть, в том случае, если бы власти решили использовать снайперов, а они точно захотят воспользоваться их услугами. Достав рацию, он вызвал к себе Отто. Через несколько секунд тот появился в кабине.

– Как пассажиры?

– Ничего. Сидят смирно.

– Скажи им, чтобы шторы на окнах закрыли. Думаю, через полчаса приедут ломщики. Уведи этого, – Ган, показал на командира борта – к остальным.

Как, только увели лётчика, Ган связался с Эндрю Арком.

– Как обстановка?

Рация, зашипела, изменённый до неузнаваемости голос Арка приглушённо затараторил:

– Аэропорт закрыли. Исходящие рейсы отменили, а входящие распределили по другим аэродромам. Пассажиры

эвакуированы в город.

– Понял. Отбой.

– Хорошо.

Ещё через пять минут Эндрю связался с ним сам:

– Приехали. Три автобуса бойцов, два броневика, несколько легковых автомобилей с командным составом.

– Быстро мы их научили. Не ожидал от них такой прыти. Наблюдай дальше.

На связь ломщики вышли через четверть часа после их появления в аэропорту. Изучали обстановку, просматривали списки пассажиров. Готовились, одним словом.

– Алло, приём. – В наушниках прошелестел вкрадчивый, вежливый голос.

– Слушаю. – Ган, ожидал реакции с той стороны.

– Кто говорит? – Мягкие нотки в произношении каждой буквы.

– А, вы то кто?

– Меня зовут Жак Корнэ.

– Ваши полномочия?

– Я уполномочен вести с вами переговоры.

– Кем?

– Правительством Фаверленда.

– Мне это ни о чём не говорит. Я о вас ничего не знаю. Ваш статус или звание, если оно у вас имеется.

– Я полковник, заместитель руководителя политического управления. Мой статус для вас является достаточно высо-

ким для ведения переговоров?

– Не знаю. Посмотрим.

– Как, я могу к вам обращаться?

– Вы же изучили список пассажиров?

– Не скрою, изучили.

– Ну, и как, есть знакомые фамилии?

С заметной неохотой, Жак, ответил:

– Нет.

– Хорошо. Думаю, момент для знакомства выбран неудачно. Пускай я для вас останусь инкогнито, Жак.

– Но, как же я могу с вами общаться?

– Можете не общаться. Мне всё равно. Учтите у нас столько взрывчатки, что мы сможем взорвать не только этот самолёт. Будете нас обманывать, на воздух взлетит целиком весь аэропорт.

Корнэ, почувствовал, что имеет дело не с сопляками революционерами, с которыми он привык иметь дело с начала лета, а с успешными заматереть в партизанской городской войне, упрямыми поменял тактику.

– Хорошо. Каковы ваши требования?

– Требование одно – безусловное освобождение всех наших товарищей. Вы их освобождаете, привозите к нам.

– Что дальше?

– А, дальше будет дальше.

– Можем мы говорить о том, что вы, после этого, освободите заложников.

– Жак, вы глухой. Я же сказал, такие нюансы мы будем обсуждать только после того, как увидим наших товарищей на борту.

– Я понял. Единственно, для убедительного обоснования руководству страны, освобождения ваших товарищей, вы могли бы отпустить часть пассажиров, тем самым, показав свою добрую волю. В таких случаях это общепринятая практика.

– Знаете, Жак, я не буду вести с вами переговоры.

– Почему?

– Буду разговаривать только с вашим непосредственным руководителем, с Кнутом.

– Хорошо. Единственно ему потребуется некоторое время, чтобы добраться до аэропорта.

Террорист изволит капризничать. Что ж, пойдём ему навстречу, а заодно потянем время. Генерал Гюнтер Кнут, находился в аэропорту, мало того он сидел рядом с Жаком внимательно слушая все о чём говорил неизвестный Луч. Он-то махнув рукой дал приказ согласиться Жаку, на требование сменить переговорщика. Одного из террористов удалось узнать, просмотрев записи камер наружного наблюдения установленных в зале ожидания. Им оказался некий Карис Ган, предположительно занявший место Эйха на посту оперативного руководителя УРА, тот самый, что избив троих оперативников, ушёл от ареста, полтора месяца назад. Он не хотел, чтобы о нём знали. Хорошо, Кнут, соглашался, по-

играть в эту игру.

– Ага. Пускай поторопиться, а то мои парни не настолько терпеливы, как я.

Ган, догадывался, что теперь ломщики попробуют их решительность на прочность. Он хорошо изучил повадки спецотряда ПУ. Время для них становилось орудием подавления воли их противников. Ган, не собирался отступать, наоборот он намеревался показать насколько их требование серьёзно. Выйдя из кабины, он отправился в первый салон. Ребята стояли по обе стороны от проходов, направив стволы автоматов на людей. Гана, встретили испуганные лица с бегающими по ним глазками.

– Командир, у нас проблема. – Курт Ман, встретив командира таким приветствием, погладил коротко стриженую голову.

– Говори.

– У двоих плохо с сердцем. Мы их отдельно усадили.

Курт, показал о ком идёт речь. На первом ряду кресел слева, сидели двое мужчин с синими лицами. Один пожилой, солидный, господин в коричневом костюме, другой с вытянутой челюстью забитой лошадиными зубами.

– Лекарство у них есть?

– Да в багаже.

– Дали?

– Нет.

– Так, дай. Чего ждатель-то.

Ган, пройдясь до хвоста самолёта вернулся обратно. Все места оказались заняты. Он насчитал четыре ребёнка младше тринадцати лет и ещё троих подростков. Плохо. Люди немного успокоились, волнение сменилось апатией, временным упадком сил, чреватым обострением разных хворей носимых почти каждым богатеньким пассажиром внутри их тел. Захваченный самолёт грозил превратиться в полевой госпиталь, если Лучам не удастся наладить иллюзию нормальности происходящего. Подойдя к стюардессам, Карис обратился к ним:

– Девушки, пассажиры хотят пить, есть. Среди них есть дети. Приступайте к выполнению ваших прямых обязанностей. Нам лишние страдания людей ни к чему.

– Неужели вам не всё равно?

Вопрос задала платиновая блондинка. В её искажённых чертах, картинной журнальной красотки, читалась, помимо страха, откровенная неприязнь, граничащая с ненавистью. Вопрос вырвался у неё невольно, самопроизвольно, она просто не сумела сдержать эмоции. Другие стюардессы посмотрели на неё с осуждением, разве, что не зашикали. Ган, отнёсся к вопросу нормально:

– Хотите, верьте, хотите, нет, но мы не людоеды. Всё, что вы возможно читали о нас в газетах ложь.

Ган, видел, что его короткая речь не убедила женскую часть экипажа воздушного лайнера, но девушки встав с мест пошли за тележками с напитками и продуктами. За полча-

са пассажиры были напоены, накормлены, настроение их заметно улучшилось, а вера в то, что всё закончится хорошо, выросла.

Гюнтер Кнут, вышел на связь через час. Он тщательно обдумав своё поведение, провёл сравнительный анализ фактов и к началу общения с Ганом, был полностью готов.

– Триста сорок шестой, вы меня слышите?

– Да.

– Вас вызывает Кнут.

– Привет генерал. Как жизнь?

– Ну, какая с вами может быть жизнь? Одно мученье.

– Аналогично. Где наши товарищи Кнут?

– Пока в изоляторе. Такие серьёзные решения принимают на высшем уровне. Процесс, извини, не быстрый, не от нас с тобой не зависит.

– Хватит болтать генерал. Не забывайте, у меня около ста заложников, а у вас всего десять пленных. Причём семь из них сидят в ваших личных застенках в столичном изоляторе. Один к десяти более, чем выгодный обмен для вас.

– Зависело бы от меня, вы бы уже давно, – Кнут, с секунду помедлив, будто подбирал нужные слова – встретились с вашими коллегами.

– Ха Ха Ха! Вы это сказали так, словно хотели бы нас всех повесить, а не объединить.

– Что вы, я ничего другого так не желаю, как того, чтобы вы все вместе покинули Фаверленд, навсегда.

– Насчёт навсегда, охотно верю. Но не надо питать пустых надежд, разочарование таким горьким не будет. Хорошо, хватит лирики, перейдём к делу. Не доставите сюда первых семь наших товарищей из изолятора, мы расстреляем первых двух человек.

– Этим вы подпишите себе приговор.

– Не надо угроз генерал, мы не боимся смерти. Вам передали, что у нас есть бомба? Попробуете взять самолёт штурмом, мы её взорвём.

– Я вам смогу ответить через полчаса.

– Угу. Полчаса, значит полчаса. Видите, какой я добрый и уступчивый.

– Да, уж сама предупредительность.

Ирония сквозила в каждом слове. Кнут, был взбешён. Ган, остался доволен разговором. Связавшись с Эндрю, он получил сведения, что ломщики разошлись по всему зданию аэропорта, снайперы заняли позиции на верхних этажах, обложив самолёт по крутой дуге. Обслуживающий персонал, тоже начали вывозить. Оставляли лишь инженеров прикрепив к ним одну команду обслуживания, на случай заправки, поломки и прочих непредвиденных эксцессов с захваченным лайнером. Но Эндрю, нашёл себе укромный уголок в кладовке, уходить, вместе со всеми, он не собирался. Ничего, значит так и должно быть. Решение о штурме они ещё не приняли. На борту самолёта находились иностранные подданные. Наверняка, этот вопрос сейчас активно дискутиро-

вался в правительстве, при участии силовых министров – полиции, контрразведки и министра иностранных дел. Генерала Кнута, государственные слуги плаща и кинжала, скорее всего выслушали дистанционно, по телефону. Ган, мог поручиться, что старый лис Кнут, выступал за штурм.

Ровно через полчаса генерал объявился снова.

– Делаю вам предложение. Вы освобождаете всех женщин, мы в свою очередь освобождаем ваших женщин.

– Нет, генерал. Что за торги вы устроили? Всех на всех.

– Слушай, ты же не дурак, понимаешь в какую яму вы угодили. Я, протягиваю вам руку помощи, глупо от неё отказываться.

«Лучше бы ты протянул ноги». – Про себя подумал Ган, вслух же произнёс:

– Спасибо, за щедрость. Но, либо у вас со слухом плохо, либо у меня дикция невнятная. Вот отсчитывая с этой минуты, проходит полтора часа, и если сюда никого не привезут, вы получите первые два трупа. Сейчас без пятнадцати час, значит, в два пятнадцать мы начнём убивать. Конец связи.

– Э, постой...

Ган, снял наушники. Для начала лапши на его ушах висело достаточно. Мяч находился на стороне ломщиков. Ход за ними.

Кнут, сидел в зале диспетчеров. Гражданских специалистов полностью заменили военные, к которым присоединились люди из спецотряда. Когда, Ган прервал связь, генерал

встал, прошёлся от стены к стене. Он ходил, заложив руки за спину, думая – «А, чёрт и не готово ещё ничего».

Жак, долговязый мужчина с мягкими, почти женскими чертами, подал голос:

– Не думаю, что они начнут стрелять в людей.

– Почему?

– Во всех других случаях захвата заложников УРА, они этого не делали. Вспомните случай с банком Апельсин, там они дошли до самой черты, но так её и не переступили. Кишка у них тонка. Сымитировать расстрел они могут, но чтобы реально начать стрелять в затылки, ни в чём перед ними не провинившихся людей, нет, на это они не пойдут. Ведь такой акт насилия означал бы отказ от их основных программных постулатов. Они же, на всё страну, кричат в своих изданиях, что воюют не с народом, а с системой.

– Наши террористы романтики уже повзрослели. Романтика ушла, осталась кровь. Думаю, они обзавелись заграничными покровителями.

– Судя по экипировке, да.

– Не только. Конечно, не понятно, откуда они могли достать советские автоматы, но и объекты они стали выбирать тщательнее. Повысилась выучка, подготовка. Все не так просто, как кажется.

– Вы думаете надо удовлетворить их требования.

– Ни в коем случае, Жак. Отступив раз, мы сами откроем новую страницу террора. К ним опять хлынут все эти пан-

ки, неврастеники, политические психопаты. Нужен штурм, а наши министры всё думают, никак не решаться. Пойду их потороплю.

Кнут, вышел из диспетчерской. Пройдя по коридору зашёл в кабинет принадлежащий генеральному менеджеру аэропорта. Теперь там дежурил, сидя у телефонного аппарата, его адъютант. Кнут, молча, указал ему на дверь, офицер вышел. Генерал набрал секретный номер, за ним озвучил оператору код, через минуту его соединили с министром.

– Господин министр, решение приняли?

– Нет, ещё.

– Время играет против нас. Террористы в любую минуту могут начать убивать заложников. Об этом сразу пронюхают журналисты. Они расположились вокруг аэропорта со своими камерами. Их операторы заняли гору, напротив взлётно-го поля, им всё видно.

– Тогда начав штурм, мы рискуем ещё больше.

– Да, но только в случае неудачи. Девяносто девять процентов из ста, что штурм пройдёт штатно. Успех гарантирую я лично.

– А, жертвы?

– Мы все их спишем на террористов. Чего ещё ожидать от бешеных собак?

– Значит, вы уверены?

– Уверен.

– Хорошо. Позвоните мне через два часа.

– Господин министр, это слишком долго! Они начнут убивать через шестьдесят минут.

– Через два часа. – И министр положил трубку.

Кнут, зажмурился. В нём клокотала чёрная злоба. Второй раз за полдня его послали. Сначала красный недоносок, а теперь вот этот дряхлый импотент, его непосредственный начальник.

За три минуты до того, как минутная стрелка встала на цифру три обозначающую конец периода ожидания террористов, Кнут вынужденно связался с триста сорок шестым рейсом, хотя и не хотел.

– Послушайте, мы не успеваем. Дайте нам ещё час, тогда ваши товарищи будут здесь.

– Это ваши проблемы. – Сердце Гана защемило, но пойти сейчас на уступку означало проиграть.

– Ваших товарищей, всех семерых уже готовят к отправке.

Ган, осознал, прочувствовал, что генерал ему врёт. Что-то там у него не срасталось, поэтому он изворачивался, как мог. Да, переговорщик из него вышел неважный. Не хватало опыта. С вооружёнными людьми разговаривать, это тебе не приказы об арестах мальчишек оппозиционеров подписывать.

– У вас осталось две минуты.

– Послушайте... – Кнут, торопился напрасно, его уже никто не слушал.

Время вышло, протекло сквозь пальцы, улетучилось, испарилось, теперь наступил момент отвечать за свои слова,

подтверждать злодейством свои изначально чистые намерения направленные исключительно на помощь товарищам. Вся тяжесть принятия решения выпала на Гана, как на командира. Его выбор пал на двух американцев. Во-первых, они были иностранцами представляющими державу, которая стала ярким воплощением всего того, что они ненавидели – американские войска до сих пор находились на территории Фаверленда. Их ракеты прикрывали страну от мифической угрозы с востока, а на самом деле, делали Фаверленд целью первой очереди для ответного советского удара. Во-вторых, они являлись представителями высшего менеджмента нефтяного концерна Тексоил. Второй нефтеперерабатывающей компании мира, а значит одному из главных кровопийц эксплуататоров.

Неприятные обязанности палача он возложил на себя. Приходилось жертвовать принципами идеи ради спасения жизни товарищей. Он подозвал к себе Мана. Выйдя с ним во второй салон, дал знак остальным подойти к ним.

– Курт, возьми вон тех американцев, отведи их в нос самолета, к передним дверям.

– Что же, ты решился?

– Мы знали, что такой вариант возможен.

К ним подошёл Отто и Гера. Гера, устала, у неё появились тёмные тени синяков под глазами. Напряжение постоянного ожидания, тяжесть бомбы давящая ей на живот, высасывали из неё жизненные силы.

– Что, свиньи нам отказали? – Отто, был мрачен.

– Они тянут время. Мы обязаны им доказать, что не шутим. Гера, сядь, пожалуйста, ты неважно выглядишь.

– Нет, ничего, всё хорошо.

– Садись. Нечего себя мучить, следить за пассажирами вполне могут двое.

– Да, тебе надо отдохнуть. – Отто, посмотрел на Геру. Рот говорил сурово, а взгляд молил.

Гера, присела на краешек кресла.

– Кто? – Курта, волновало то, кто станет убийцей.

– Я всё сделаю сам. Как мы и договаривались. – Карис Ган, доказал им перед акцией, что в случае, если они будут вынуждены начать расстреливать заложников исполнителем должен стать один боец, чтобы в случае плена к другим членам группы вопросов стало меньше. По поводу того, кто конкретно должен стать палачом, мнения разделились. Никто не хотел убивать невинных обывателей, но и возлагать такую ношу на кого-то одного ребятам казалось несправедливым. Ган, настоял на своём, беря пример с Эйха, он просто прекратил дискуссию, пригрозив роспуском ячейки, по причине возмутительного нарушения партийной дисциплины. – Бери янки, без лишнего шума отведи их к двери. Да, чтобы они не дергались, скажи им, что с ними хочет поговорить посол. Они это любят, думают, что весь мир озабочен единственно их участью. Я буду тебя ждать там.

Американцы, не оказали никакого сопротивления, напро-

тив, когда знающий английский язык пассажир перевёл им, куда их ведут, они пошли с радостью. Ган, встретил иностранных заложников с автоматом наперевес. Первого, того самого краснорожего схватил за шиворот припечатав лицом к стенке, точнее двери. Второго, молодого, но тоже в дорогом костюме, толкнул на дверь Курт. Последовали удары по ногам, американцы бухнулись на колени. Они пытались обернуться, но пара ударов их успокоила.

– Иди, Курт. Плохое зрелище для кого бы то ни было.

Курт, ушёл. Ган, поставил автомат на ведение огня короткими очередями. Сначала он выстрелил в здорового янки и сразу в молодого. Целился он им между лопаток, не хотел, чтобы тела были чрезмерно изуродованы. Поэтому их головы должны оставаться целыми. Застучало – «Ду Ду Ду Ду». – «Ду Ду Ду Ду». – Американцы на секунду затрясшись, обмякли. Тот, что выглядел больше – краснорожий, навалился плечом на второго, после чего они вместе заскользили лбами в угол.

Карис, вернулся к остальным. Заложники заметно волновались. Объяснять им ничего не стал, и так всё всем ясно. Да, и любое объяснение, в подобных обстоятельствах походило бы на оправдание. Не лучшее решение. Он приблизился к креслам, на которых сидели стюардессы. Указав на платиновую блондинку, а потом на ещё одну красотку в форме, он сказал:

– Пойдёмте со мной, мне нужна ваша помощь.

Чтобы они не хлопнулись раньше времени в обморок, Ган пошёл впереди них. Увидев мертвецов, блондинка прижалась к стене с вызовом заявив:

– Звери, вы просто звери. Хотите убить и нас?

Доказывать правоту, спорить не стоило труда. Ган, на их обвинение, просто ответил:

– Нет. Откройте дверь и выбросите их. – Фраза звучала ужасно. Но, Гану стало всё равно. Его словно контузило. Раньше на акциях ему приходилось убивать, но такое с ним случилось впервые. Мерзкое ощущение, за которое кто-то должен, обязан заплатить.

Блондинка всхлипывала, её подруга, напротив, молчала. Вместе они, открыв дверь, вытолкали трупы на улицу. Раздался один шлепок, за ним немного погодя, другой, приглушённый. Один покойник частично свалился на другого. Выглядывать за дверь Ган не стал, опасался снайперов. Закончив прибираться, девочки задраили дверь.

– Можете вернуться на свои места.

Уходя блондинка, ревела белугой, что-то бормотала нелепое про террористов вообще и Гана в частности. Другая стюардесса тряслась, не поднимая головы.

Всё катилось к чёртовой матери.

Увидев падающие с высоты пяти метров тела, ломщики, засуетились, особенно забеспокоился их папа.

– Зачем? Зачем вы это сделали? – Вопросал Кнут. Он не жалел заложников, но его бесило, то что репортёры смогли

заснять настоящую сенсацию. Теперь Лучи получили в руки козырь. Правительство могло испугавшись за рейтинги своей репутации пойти на сделку.

– Я сделал это, потому что ты врешь. Это ты меня вынудил. И, знаешь, что, если понадобится я повторю шоу для твоих друзей репортёров, назад дороги для нас нет. Ещё через два часа придётся убить следующих двух заложников.

– Да, ты прав назад пути нет. – Кнут, стал задумчив. – Ты можешь дальше тешить своё самолюбие, убивая незащищённых людей, но раньше, чем через три-четыре часа ты своих дружков не увидишь. Бюрократия, видишь ли. Они уже сидят в машине, а мои люди лишь ждут отмашки, а я подписи министра. Ты понял?

– Я, смотрю, ты стал гораздо убедительнее. Что надрали тебе жопу, генерал?

– Лучше позаботься о своей.

И, Кнут отключился. Генерал хотел взять реванш за прошлые унижения, но ему не удалось. Ган, лишь ухмыльнулся. Он, конечно, понимал, что разозлил Кнута, но он от него изначально пощады не ждал. А, их судьба решалась не им. Увы, для нашего главного полицмейстера. Система, дружище, система, она перемалывала всех – простых людей, своих слуг и даже тех, кто считал себя неуязвимыми кукловодами, в конце концов, все становились её жертвами.

Споры в правительстве разгорелись с новой силой. Гюнтер Кнут, бегал каждые десять минут к телефону. То звонил

он, то названивали ему. Торговались, настаивали, грозили, давили. Солнце исчезло за горизонтом, оставив по себе алеющую полосу раскалённого металла в чёрной саже наступающей печной сажой ночной тьмы, когда его, в сотый раз, адьютант, переквалифицировавшийся в телефониста, подозвал к телефону. Министр, на проводе:

– Гюнтер, операция по освобождению заложников может быть одобрена, при стопроцентной гарантии успеха. Ты допустил массу ошибок. Эти проклятые трупы наделали ненужного шума.

«Ошибок, ах ты сморчок. Ладно, скрипи дальше».

– Я, понял господин министр.

– Операция поручена тебе. Ты руководишь штурмом, ты же отвечаешь за всё.

«Так. Значит, вы решили устраниваться. Если я выиграю лавры достанутся и им тоже, в первую очередь им, а если нет, всё свалят на моё своеволие. Ловкие сукины дети. Говоря об ответственности, они готовы, кого угодно заковать в её кандалы, лишь бы самим не принимать никакого участия в решении мало-мальски важных вопросов».

– Да, я понимаю.

– Ты согласен.

– Я солдат, а значит подчиняюсь вашим приказам.

– Нет, ты не понял. Сегодня отдаёшь приказы только ты сам.

«Здорово. Если, я откажусь, террористы за ночь завалят

аэродром десятком новых трупов, а меня обвинят в бездействии, если соглашусь, при малейшей неудаче меня отдадут на съедение. Ну, уж нет, пока они будут раскачиваться, можно будет много чего поменять. Сложившееся мнение в обществе о Лучах мне в помощь. Обставим дело так, что министр мне будет руку перед телекамерами пожимать».

– Господин министр через тридцать минут мы будем готовы к штурму.

– Бог в помощь Гюнтер.

Ган, отложил наушники в сторону. Разговор с генералом он окончил. Кнут, сказал ему, что все их требования приняты, на аэродром уже въезжает фургон с красной семёркой заключённых. Да, через минуту на площадку перед зданием аэропорта выехал автозак. Неужели победа? Но, почему же так на душе тревожно? Предчувствие беды.

Рация в кармане куртки Гана, дала о себе знать. Он вытащив её, нажал на кнопку.

– Приём.

– Они идут на штурм. Точно. Бронетранспортёр подогнали за угол, два отряда штурмовиков на аэродром выдвинулись. Куда они точно пошли мне не видно, но что они вышли на лётное поле точно. – Эндрю, торопился, говорил даже намного быстрее, чем раньше. Приём.

– Спасибо. Оставайся на месте, пока всё не будет кончено.

– А, как же вы?

– Если они решились на штурм, ты нам не поможешь. От-

бой, товарищ. Свяжусь с тобой позже. До скорого.

– До скорого.

Когда Эндрю отключился, Карис, словно вдогонку своим мыслям пробормотал:

– Прощай, Эндрю.

Ган, побежал к ребятам, вкратце обрисовав ситуацию. Они решили принять бой. Заложников заставили согнуться в три погибели дополнительно прикрыв голову руками – заученные действия, как при надвигающейся авиакатастрофе. Такие же бесполезные при перестрелке в салоне авиалайнера, как и во время падения в океан.

– Ты знаешь, что делать и когда. – Ган, присел на корточки перед Герой, взяв её за обе руки посмотрел в глаза.

– Не беспокойся, я не подведу. – Гера, говорила правду, на неё можно рассчитывать.

– Парни защищаем Геру до последнего патрона, а потом сами знаете, что будет.

Ган, приподнял заслонку с левого борта, ничего не увидел, с правого борта, ничего не увидел. Загудел приближающийся автозак. Взрывы получились синхронными. Ломщикам из спецотряда удалось подобраться к самолёту незамеченными, заложив в местах аварийных выходов необходимое количество взрывчатки. Но это ещё не всё, они как-то умудрились подцепить на тросы с крюками на куски обшивки в местах аварийных выходов. Грохнули взрывы, к самолёту подлетел бронетранспортёр, к нему привязали тросы, он

выдернул аварийные двери. Две дыры два отряда. Ещё один вспомогательный проник в самолёт через грузовой отсек, но он не сумев вовремя пробиться в салон не принял активного участия в штурме. Звуки стрельбы приобрели материальную плотность, внутри самолёта загрохотала лавина. Ломщики вошли в первый салон и бизнес класс, зажав Лучей с двух сторон. Ган, видел, как упал Курт, ему очередь выпотрошило живот, вскрыло грудную клетку, повернувшись на пятках он замертво свалился в проходе. Отто выпустил в напирающих ломщиков весь магазин за одну очередь. Пули шли веером, раскидывались им, как споры смерти по всему салону, они били иллюминаторы, прошивали кресла насквозь, ранили пассажиров, пробивали бронежилеты солдат, убивали, убивали, убивали. Смерть подкралась к нему со спины. Ган, мог удерживать атакующий порыв второго штурмового отряда недолго. Получив несколько ранений, он уронил автомат шлёпнувшись на задницу, оказавшись лицом к забившейся в угол Гере. Когда сражённый Отто, практически обезглавленный Отто лёг рядом, Гера, посмотрела на Гана. Дрожа губами, девушка произнесла:

– Я боюсь, ребята. Ма...

Договорить она не успела, её палец нащёл кнопку. В салоне лайнера разверзся огненный ад.

В огне сгорело пятьдесят человек заложников. Погибли все лучи и девять ломщиков из спецотряда. Жертв могло быть гораздо больше, если бы взрыв произошёл в салоне пер-

вого класса. А, так бомбу привели в действие за переборкой в носовом, очищенном от пассажиров, ребятами Гана, отсеке самолёта. Не убитые в перестрелки и не погибшие в огне заложники и солдаты эвакуировались через дыру, пробитую штурмовым отрядом в хвостовой части. Полный провал и полный триумф генерала Кнута.

Эпилог

Громкий теракт напугал власти Фаверленда, гораздо сильнее, чем все шестьдесят с лишком акций проведённых прошедшим Красным Летом. Формально облажавшийся Кнут, под критический шумок газет, осуждающий его непрофессионализм, получил новые полномочия. Власти не хотели повторения истории с захватом самолёта, поэтому решили уничтожить сам повод для подобных терактов.

Кнут, сделал любезное исключение, голодающим Лучам выдали столичные газеты со свежим подробным описанием гибели, попытавшихся их спасти, товарищей. Подарочек предназначенный для мучения душ – один из способов психологического давления, скрытая обстава воплощения в жизнь утверждённого на самом верху плана генерала.

Первой к кому они пришли ночью, стала Генрика Шваб. Два здоровущих офицера спецотряда, да бородач, тот самый, который истязал полгода назад Юрия Рубена. Бородач в руках нёс саквояж. Троица выглядела, как команда работников лаборатории закрытых бактериологических исследований – комбинезоны, закатанные в прозрачную полиэтиленовую плёнку, на руках тонкие медицинские перчатки, на ногах бахилы.

Генрика, не спала, столь поздний визит незваных, столь странно одетых, гостей её испугал. Она вскочив с постели

поскакала, поджав повреждённую ногу в угол камеры. Добраться до стенки она не успела, на неё накинувшись сзади, смяли. Женщина не кричала, а шипела, как рассерженная кошка, она выгибалась дугой, отпихивалась, но истощённых семидневным постом сил очевидно не хватало для успешного сопротивления упитанным убийцам. Её быстро скрутили, прижали лицом к полу. Бородач, вынул из саквояжа простыню, превращённую в верёвку, пока два других офицера выкручивали руки, усевшись Генрике на спину, накинул петлю ей на шею крепко затянув. Совместными усилиями они подняли девушку, бородач перекинул простынь через прутья решётки, сильные руки потянули верёвку – Генрика взлетела невесомой игрушкой под самый потолок. Она дёргалась, извивалась, её руки шарили по воздуху, то подлетая к горлу, то вытягиваясь вперёд и стороны. Обнажённая ступня здоровой ноги колотила по стене, кровотокающая культя рисовала по её белому полотну прерывистые мазки точек, тире подаваемых умирающей девушкой сигналов о помощи. Агония длилась непонятно долго – больше трёх минут. Но, вот по телу прошла заключительная рябь реквиема последней судороги, Генрика успокоилась. Рыжий одуванчик пожух. Налюбовавшись на дело своих рук, палачи, оставив висеть труп в петле, забрав с собой простынь с постели ушли. Сегодня ночью им предстояло ещё много работы.

Лора, сумела оказать убийцам достойный отпор. Мясникам, никак не удавалось её обездвигнуть. Когда они вошли,

Лора спала. Не успела она открыть глаз, как на неё уже прыгнули. Вся борьба происходила на железной кровати. Лора, сжав зубы, отбивалась молча. Откуда в столь юном, исхудалом создании взялись такие невероятные силы? Оставалось лишь удивляться. Извернувшись, Лора продравшись через лес рук, обхватила бородастого палача за шею, прижалась, укусила за лицо – впиалась острыми зубами куницы ему в бровь. Раздался короткий утробный крик, за которым последовал глухой удар. Кулак бородача, попав ей прямо в висок оглушил.

– Не бей. Синяки останутся. – Тяжело дыша, сказал офицер переворачивающий Лору на живот.

– Она меня укусила! – Потрогав бровь, поднёс тут же окрасившиеся в красное пальцы к глазам, мясник. – До крови тварь. – И с угрозой в голосе. – Ладно.

Бородач, склонился над саквояжем. В его руках оказалась железная тюремная тарелка, один край которой был заточен. Лора, пришла в себя, возня на кровати возобновилась с новой силой.

– Скорее. – Потребовал второй офицер.

Тонкие запястья Лоры подставили под самодельную бритву, озверевший палач вскрыл ей вены. Резал глубоко, наносил сетку из перекрестий порезов, закончив с запястьями, перешёл к локтевым сгибам. Боль, которую почувствовала девушка, не сломила её, а наоборот подстегнула. Брызги крови летели по сторонам, превращая камеру в убойный цех на

мясокомбинате. Бородач, весь испачканный кровью Лоры, схватив её за волосы полоснул по горлу – порез раскрылся от середины до нижнего края челюсти. Воздух намок тяжёлым горячим запахом металлической стружки. Кровь закапала на пол. Палачам пришлось за собой убраться, они порядком наследили. Наспех вытершись сами, затёрли следы подушкой бросив её на истерзанную, словно лишённую кожи, Лору. Бородач вложил в её ладонь тарелку-бритву, а нормальную тарелку забрал с собой.

Настала очередь Эрика Эйха. Палачи успели переодеться, освежиться, приободриться изрядной порцией горячительного. Кровь хорошо запивать яблочной водкой – яркие цвета линяют, уши глохнут.

Эрик, кинулся драться. Махался он не умело, размашисто, качался, как молодая осинка на ветру. Получив пару острых хуков по рёбрам, он осел. В этот момент он пожалел, что начал голодать.

– К унитазу его давай. Так, держи-держи. Разжимай зубы.

Бородатый палач командовал, а двое других исполняли. Новый кусок простого туалетного мыла бородач запихнул Эрику в рот, грубо затолкав в глотку. Дыхательные пути были надёжно перекрыты, проглотить мыло Луч не мог. Лицо первого руководителя УРА побагровело, в глазах полопались алыми розочками капилляры. Сознание мерцало, гасло, тьма заливала холодными чернилами гипоксии мозг. Шумная суэта предисловия жизни подходила к концу. Смерть

встречала революционера буднично, без героических громких фанфар поля боя. Палачи церемониться не стали, убедившись, что его сердце остановилось, бросили Эрика там же, в промежутке между раковиной умывальника и унитазом.

Убийство всегда плохо пахнет, а такая инсценировка под коллективный суицид просто нестерпимо смердела. За три часа убийцы посетили всех шестерых пленников. Все Лучи этой ночью должны были погаснуть а, во врачебном заключении занесли бы следующие причины смерти остальных подопечных Кнута.

Юрий Рубен – разбил себе голову об угол стены.

Вил Авен (партийная кличка Крот) – как и Генрика повесился на своей простыни.

Нема Ваган – отравилась таблетками снотворного (каким-то немыслимым количеством капсул Кипронала, правда непонятно откуда она их взяла, но такие нюансы никого не волновали).

Единственным кто смог пережить ночь самоубийств, стал полицейский осведомитель Карл Бир. Наутро в изолятор пригласили врачей, а чуть позже представителей трёх центральных телеканалов. Но торжественный праздник, тщательно подготовленный генералом Кнутом, омрачило неожиданное происшествие. Лора, очнувшись, сразу же, как к её осмотру приступили врачи. Она лишилась достаточно количества крови, чтобы потерять сознание, но не доста-

точного, чтобы отправиться на тот свет. Врачам её осматривавшим удалось быстро привести её в чувства. Первое, что заявила Лора, открыв глаза, гласило, что её пытались убить, что она не намерена кончать жизнь самоубийством, ни завтра, ни послезавтра, вообще никогда, и что, если она умрёт, то вина за её смерть полностью ляжет на руководство страны. Об этих её словах прознали репортёры. Скандал-сенсация-рейтинг! Правительство испугалось взрыва общественного негодования (между прочим, совершенно напрасно), – лицемерие, возведённое в степень государственной трусости, помогло Лоре сохранить жизнь. Пришлось свиньям перевести её в другую тюремную больницу, выведя из-под опеки заботливого папаши Кнута.

Вскоре состоялся насквозь гнилой показушный процесс, где подсудимой, конечно же, не дали высказаться. По сути, доказательства её вины никому не были нужны и, то, что она там хотела, могла сказать, никого не интересовало. Лора Вайнхофф, получила пожизненное, а Карл Бир заслуженную награду – год условно и освобождение в зале суда. После окончания суда Бира больше никто никогда не видел, его хозяева позаботились о нём, дав ему новое имя, внешность, переселив на другой конец страны.

Ещё три раза молодые романтики от революции предпринимали попытки реанимации УРА. Итог шесть неудачных акций. Жертв, как впрочем, и особого общественного резонанса не случилось, зато пошли аресты, суды, новые сроки.

Люди устали от гиперреактивности доморощенных революционеров, каждый очередной выстрел встречая раздражением. Через десять лет после описанных событий остатки руководящей верхушки УРА, выпустили бюллетень, в котором объявляли о самороспуске организации.

Бюллетень #.

Настоящим документом мы объявляем о прекращении деятельности партии – Ударной Революционной Армии Фаверленда. Понимая, что коммунистические идеи не находят отклика в широких слоях общества, мы полностью отказываемся от методов вооружённого ведения борьбы. Мы не можем и не хотим идти против воли народа, поэтому в дальнейшем будем действовать, только в рамках других организаций левого толка, участвуя исключительно в акциях мирного протеста.

Мы помним, и всегда будем чтить память наших погибших товарищей. Надеемся, верим, что посеянные их руками семена, обязательно дадут всходы в сердцах будущих поколений и тогда наступит очередное «Красное Лето».

УРАФ.

24 октября 1993 года.

Глава 26

– Да, звёзды светят миллиарды лет, но мы то, Эрик, не

звёзды. – Петер, волновался.

– До бессмертия один шаг. Сделать его может знающий, уверенный в своей правоте, готовый умереть за идею, избранный для подвига самой историей, человек.

– Не понимаю, как ты можешь настолько сильно верить, в то, что существует лишь, как фантом в твоей голове. – Непонятно восхищался или осуждал Эрика, Петер. Он, сдвинув брови сидел, понутив голову.

Эйх, открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент раздался стук в дверь, на пороге комнаты появилась Лора.

– Ребята, время.

– Да-да, идём.

Хмурый Петер, покрасневший, несколько возбуждённый разговором Эрик встав, вышли из комнаты. Впереди их ждал очередной бой.

В оформлении обложки использована картина художника Васильевой Ирины Борисовны.